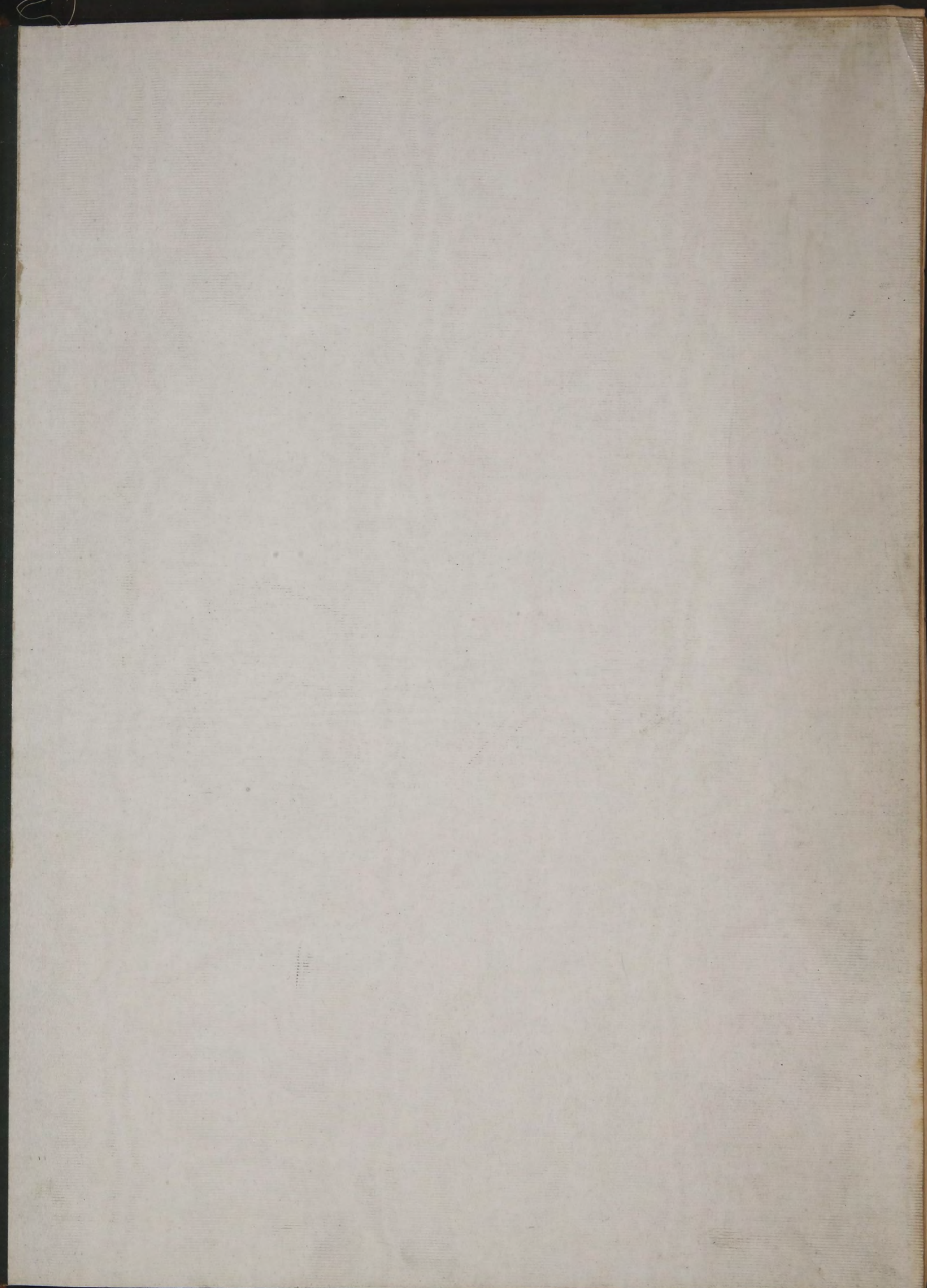
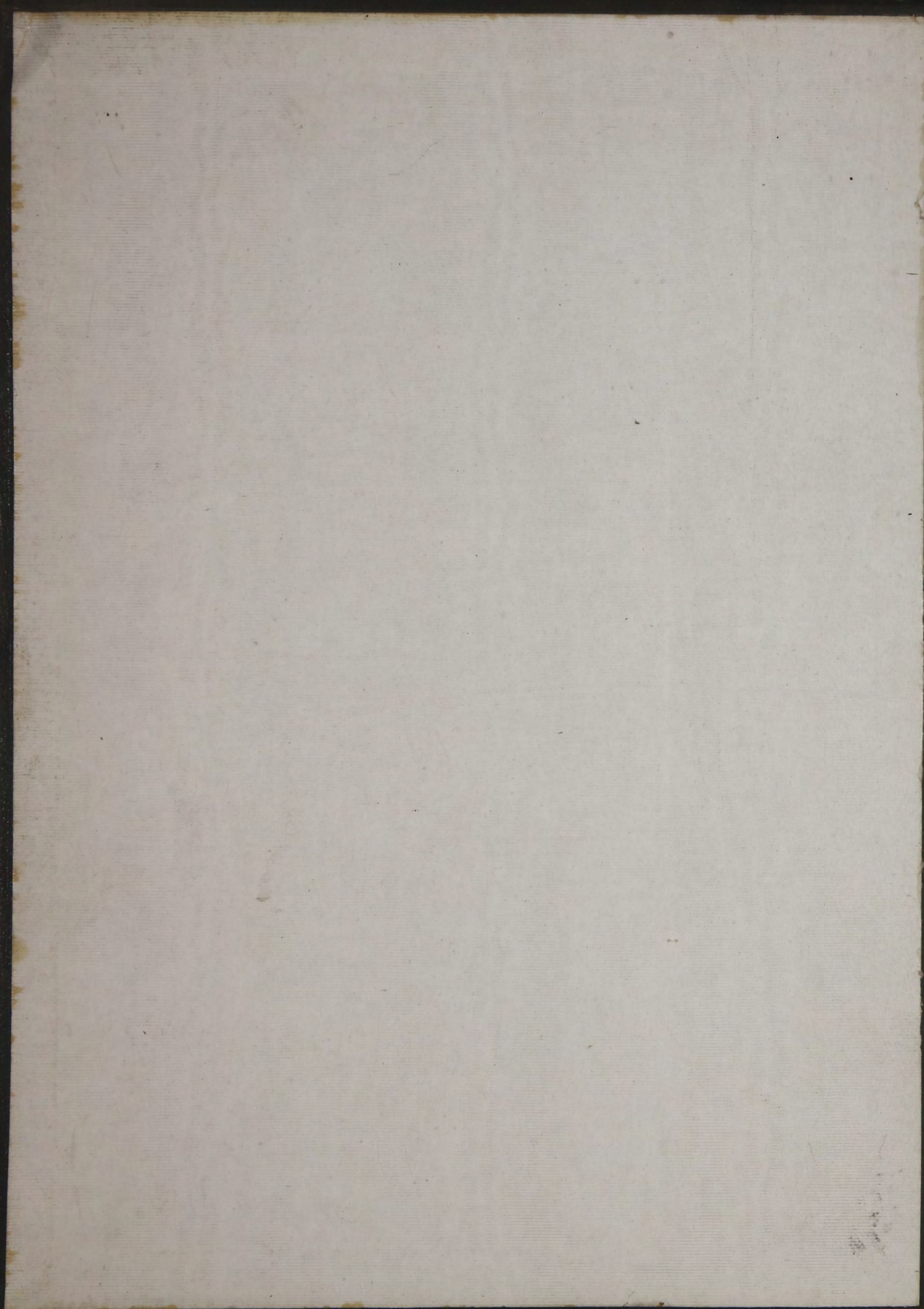


16632.

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ГОСПОДИНУ
МИНИСТРУ ФИНАНСОВЪ
Сергѣю Юльевичу
ВИТТЕ

1894 г.

отъ автора



16632



ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
ДРЕВНЕ-РУССКАГО ЗОДЧЕСТВА

Академика архитектуры

В. В. СУСЛОВА.

Съ 16-ю таблицами и 21 рисункомъ
въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. Ф. Маркса. Средняя Подъяческая, № 1
1889.

39

Библіотека ННФ СССР

12

79897

Очерки по истории древне

русских зодчества





ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Взглядъ на одну изъ формъ наружнаго покрытія древне-русскихъ церквей	5
Памятники древней деревянной архитектуры въ Южной Россіи	19
Замѣтки о калмыцкихъ и древне-русскихъ построй- кахъ	55
О древнихъ деревянныхъ постройкахъ сѣверныхъ окраинъ Россіи	85
Древніе соборы въ г. Романовъ-Борисоглѣбскѣ. . .	109



ВЗГЛЯДЪ
НА ОДНУ ИЗЪ ФОРМЪ НАРУЖНАГО ПОКРЫТІЯ
ДРЕВНЕ-РУССКИХЪ ЦЕРКВЕЙ.

Печатано съ разрѣшенія Императорской Академіи Художествъ.



Во время научной экскурсіи гг. членовъ VII археологическаго съѣзда въ г. Ростовъ, мнѣ довелось, совмѣстно съ Н. В. Никитинымъ и А. М. Павлиновымъ, обследовать чердачныя помѣщенія нѣкоторыхъ Кремлевскихъ церквей, устройство голосниковъ и проч. Всѣ сдѣланныя нами наблюденія, по возвращеніи гг. членовъ изъ экскурсіи въ г. Ярославль, были представлены вниманію съѣзда, въ видѣ особыхъ рефератовъ.

На мою долю пришлось говорить о формѣ сводовъ церкви Спаса на Сѣняхъ и о первоначальномъ устройствѣ ея наружнаго покрытія. Разсматривая сводъ этой церкви сверху на чердакѣ, видимъ, что онъ состоитъ (черт. 1-й) изъ четырехъ арокъ *аа'а'*, перекинутыхъ со стѣны на стѣну въ перекрещивающемся порядкѣ, причемъ средняя часть арокъ нѣсколько приподнята.

Арки эти внутри церкви не выступаютъ изъ поверхности сводовъ. Угловые части церкви перекрыты обрѣзками коробовыхъ сводовъ *бб*, *б'б'*, расположенныхъ какъ въ углахъ сомкнутаго свода.

Пространство между угловыми сводами покрыто плоскими коробовыми сводиками *в*, *в*, опирающимися на забученныя части *к к* (черт. 4-й) главныхъ арокъ *а а'*. На среднихъ частяхъ этихъ арокъ возведенъ сначала четырехъ-угольный постаментъ, а на немъ, при посредствѣ маленькихъ парусовъ, поставленъ небольшой барабанъ съ главкой (черт. 3-й).

Такимъ образомъ общее покрытіе церкви изнутри представляетъ собою какъ бы одинъ сплошной сомкнутый сводъ съ четырьмя взаимно пересѣкающимися распалубками въ видѣ креста, квадратная середина котораго вынута для отверстія бара-

бана. Щековые плоскости сводиков *вв'* (черт. 2-й) около наружных стѣнъ скошены, такъ что существующій нынѣ карнизикъ четырехъ-скатной крыши приходится почти у пять этихъ сводиковъ. Каменная лѣстница *и* (черт. 1-й), ведущая на чердакъ, проходитъ внутри наружной стѣны и кончается надъ угловымъ сводомъ *б*. Въ пазухахъ угловыхъ сводовъ сдѣланы не большія надкладки *д* (черт. 1-й и 4-й), отвѣчающія существующимъ нынѣ закругленіямъ *ее* на угловыхъ дѣленіяхъ фасадовъ церкви (черт. 3-й). Закругленія эти приходятся ниже внѣшняго очертанія угловыхъ сводовъ церкви *бб'* (черт. 1-й, и 4-й). Кладка въ углахъ церкви *ж* (черт. 3-й и 4-й) надъ сводами *бб*, по сравненію съ кладкою и кирпичемъ сводовъ, сдѣлана видимо не одновременно съ построеніемъ самой церкви. Верхняя часть существующей крыши (черт. 2-й и 4-й *), врѣзываясь въ четырехугольный постаментъ главы, закрываетъ обдѣлку его нижней части *з*, которая при первоначальномъ видѣ церкви очевидно была не закрыта крышею.

И такъ описанное устройство сводовъ и нынѣ существующей желѣзной крыши церкви Спаса на Сѣняхъ даютъ явный поводъ предположить, что первоначальное наружное покрытіе этой церкви было иное. Рѣшая вопросъ, какимъ же могло быть первоначальное покрытіе этой церкви, мы приходимъ къ слѣдующимъ предположеніямъ.

А) Если надкладки *ж* (черт. 3-й и 4-й) позднѣйшія и при построеніи церкви ихъ не было, то устройство сводовъ, при условіи рациональнаго выраженія ихъ внутренней конструкціи въ фасадахъ, допускало такое покрытіе крышъ, какъ показано на черт. 5-мъ, причемъ крыши среднихъ частей могли имѣть наклонное положеніе, какъ показано на черт. 4-мъ съ правой стороны пунктиромъ. Характеръ такого покрытія съ внѣшней стороны нельзя сказать, чтобы отвѣчалъ древнему русскому зодчеству, къ тому же боковыя плоскости возвышающихся срединъ *и* (черт. 5-й), судя по свѣжести кладки, были всегда защищены отъ непогодъ и никакихъ признаковъ кирпичныхъ

*) Если мы отнимемъ одну изъ наружныхъ стѣнъ церкви Спаса на Сѣняхъ, то картина сводчатого покрытія представится такою, какою показана на черт. 4-мъ.

карнизовъ на нихъ не замѣтно; наконецъ существованіе чердачной лѣстницы 1, при такомъ устройствѣ крыши, совсѣмъ не оправдывается. Слѣдовательно, предположенное внѣшнее покрытіе церкви становится крайне сомнительнымъ.

Б) Предположимъ теперь, что надкладки *ж*, хотя и позднѣйшія, но на ихъ мѣстѣ были сдѣланы такія же части при построеніи самой церкви. Тогда устройство крышъ и обработка фасадовъ могли быть сдѣланы такъ, какъ показано на черт. 6-мъ. Это предположеніе становится болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ, во-первыхъ, получается чердачное помѣщеніе, вполне оправдывающее назначеніе лѣстницы 1, а во-вторыхъ, мотивъ фасада уже отвѣчаетъ характеру нашего древняго зодчества. Мнѣ хотя и не приходилось видѣть такихъ церквей съ выступною фронтоначатою серединою, но что такой мотивъ существовалъ у насъ въ древности, на это отчасти указываютъ миниатюры, напр. въ житіи Николая Чудотворца и Сергія Преподобнаго встрѣчаются такія изображенія, какъ на черт. 7-мъ и 8-мъ.

Относительно только что предположеннаго покрытія является сомнительнымъ одно, что плоскіе фронтоны и приплюснутыя очертанія подъ ними не отвѣчаютъ остальнымъ довольно стройнымъ формамъ церкви.

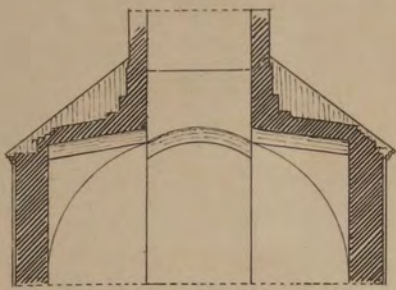
В) Въ виду этого скорѣе можно предположить, что древнее наружное очертаніе среднихъ частей было полукруглое, какъ изображено на черт. 9-мъ.

Это предположеніе становится болѣе вѣроятнымъ потому, что такой же точно мотивъ фасадовъ и устройство крышъ мы встрѣчаемъ въ одномъ изъ памятниковъ XVI-го стол., именно въ церкви на старомъ Ваганьковѣ въ Москвѣ (черт. 10-й—изъ „Русской старины“ 1. *Мартинова*). Здѣсь полукруглое очертаніе не выражаетъ дѣйствительной формы среднихъ частей свода, и это, по моимъ наблюденіямъ, случилось потому, что собственно обработка фасадовъ въ видѣ трехъ-лопастной формы, какъ скажемъ ниже, вышла изъ другой конструкціи и въ данномъ случаѣ явилась болѣе или менѣе подходящею къ формѣ сводовъ разсматриваемой нами церкви. Понятно, что если при построеніи церкви, фасады проектировались съ такою обработкою, то среднія части свода *вв* (черт. 1-й) даже не

могли быть полукруглыми, такъ какъ нарушился бы законъ равновѣсія, а потому очертаніе среднихъ сводиковъ хотя и дѣлали нѣсколько приподнятымъ (черт. 15'), но настолько, что кривыя давленія средней части арокъ aa' не выходили изъ очертанія боковыхъ частей a^0a^0 .

Г) Четвертое предположеніе о первоначальной формѣ внѣшняго покрытія и обработки фасадовъ церкви Спаса на Сѣняхъ можетъ быть слѣдующее. Допустимъ, что угловыя надкладки $ж$ (черт. 3-й и 4-й) сдѣланы не одновременно съ самою церковью и верхнія части фасадныхъ стѣнъ ограничивались полукругами въ срединахъ и дугообразными закругленіями въ угловыхъ частяхъ церкви (черт. 11-й). Крыша въ этомъ случаѣ могла быть сдѣлана по этимъ закругленіямъ, но для того чтобы закрыть выдававшіяся изъ такой крыши части сводовъ $бб'$ (черт. 1-й и 4-й), можно было устроить особые прямые или дугообразные скаты $кк'$ (черт. 11-й). Въ другомъ случаѣ фасадныя закругленія вмѣстѣ съ выдающимися частями сводовъ $бб$ (черт. 4-й) могли быть покрыты прямыми скатами съ четырьмя фронтонами (черт. 12-й), т. е. крыша церкви представляла бы собою форму двухъ перпендикулярно пересѣкающихся двухскатныхъ крышъ. Этотъ способъ покрытія, при данномъ устройствѣ сводовъ, является весьма правдоподобнымъ, тѣмъ болѣе, что существованіе церквей съ такимъ покрытіемъ въ Московскій періодъ подтверждается сохранившеюся церковью (XVI столѣтія) Вознесенія Господня или Блаженнаго Исидора въ г. Ростовѣ-Ярославскомъ (черт. 13-й, 14-й и 15—угловыя части фасада, разрѣза и плана). Заполненія $л$ (черт. 13-й) повидимому хотя и позднѣйшія, но таковое покрытіе церкви и обдѣлка фасадовъ несомнѣнно предшествовали покрытію крышъ по закругленіямъ. Это мнѣніе я основываю на слѣдующихъ соображеніяхъ: самостоятельное покрытіе выдающихся частей сводовъ $кк'$ (черт. 11-й) во-первыхъ представлялось затруднительнымъ, а во-вторыхъ—мало художественнымъ. Пофронтонное покрытіе становилось здѣсь наиболѣе простымъ и уже традиціоннымъ, ибо подобныя формы господствовали еще въ ранней эпохѣ Новгородско-Псковской архитектуры и, такъ какъ въ началѣ Московскаго періода большая часть мастеровъ была изъ Новгорода и Пскова, то фронтончатое покрытіе при данномъ устройствѣ сводовъ ста-

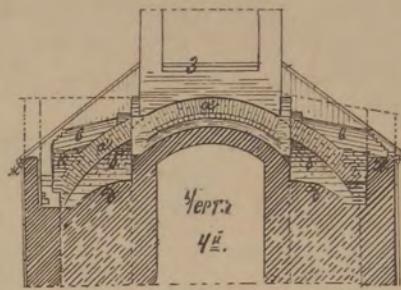
Разрез по линии АВ. Черт. 2^я.



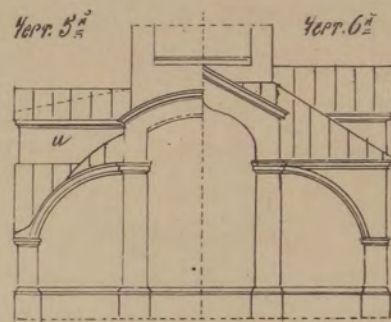
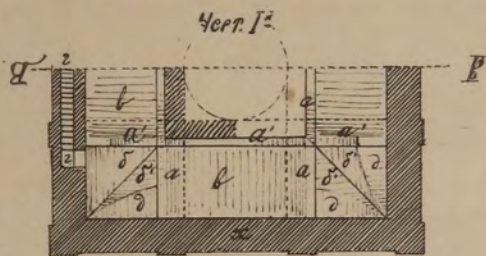
Взвешивающа



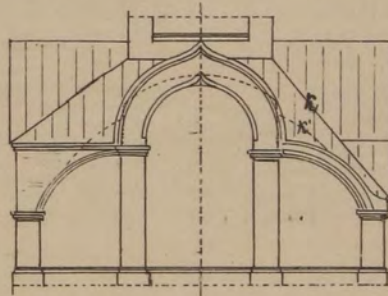
Фасадъ свода въ поперечной стѣнѣ В.



Планъ западной части свода.



Черт. 9я



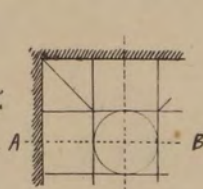
Черт. 11я



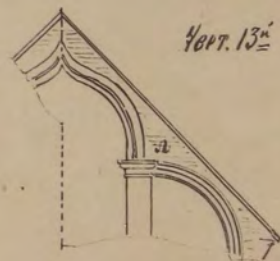
Черт. 13я



15.



14я



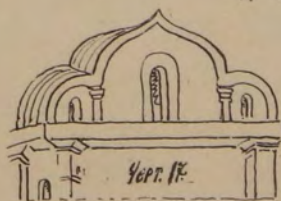
Черт. 16я



16я



Черт. 19я



В. Сузловъ 1883 г.

новится вполне вѣроятнымъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда фасадныя закругленія признавались московскими строителями не только какъ украшенія, но какъ самостоятельныя формы фасадовъ, прямые скаты измѣнились въ видѣ трехлопастныхъ закругленій, и тогда, при томъ устройствѣ сводовъ, какъ мы видимъ въ церкви Спаса на Сѣняхъ, боковыя закругленія фасадовъ *e* (черт. 3-й) пригонялись противъ внѣшняго очертанія сводовъ *бб'*, а среднія фасадныя полуокружія накладывались. То же дѣлалось и въ тѣхъ случаяхъ, когда церкви покрывались простымъ сомкнутымъ сводомъ. При такомъ устройствѣ крыши и убранствѣ фасадныхъ сторонъ, церкви имѣли видъ, какъ на прим. показано на черт. 24-мъ, табл. II.

Типъ такихъ церквей, можно сказать съ нѣкоторою достовѣрностью, былъ даже распространенъ въ русскомъ зодчествѣ, но почему-то незамѣтно сошелъ со сцены и со всѣми деталями не сохранился до насъ. Доказательствомъ того, что такія церкви именно существовали въ Московскій періодъ, можетъ служить примѣромъ церковь Св. Трифона въ Москвѣ. Верхняя часть этой церкви нынѣ покрыта четырехскатною крышею (черт. 39-й, табл. II), но убранство фасадовъ и позднѣйшія надкладки *x* въ угловыхъ частяхъ церкви, указываютъ на то, что первоначальное ограниченіе фасадныхъ стѣнъ состояло изъ среднихъ полуокружій съ заостреніями и изъ особыхъ закругленій въ угловыхъ частяхъ церкви.

Первоначальная крыша, судя по изображенію разсматриваемой нами церкви на древнемъ образѣ Св. Трифона, находящемся въ этой же церкви, была сдѣлана по фасаднымъ закругленнымъ очертаніямъ. Внутреннее устройство сводовъ въ церкви Св. Трифона и въ церкви Спаса на Сѣняхъ почти одинаково и разница видимо состояла въ томъ только, что угловые сводики въ церкви Св. Трифона приходятся противъ угловыхъ фасадныхъ закругленій, отчего и крыша имѣла такой видъ, какъ показано на древнемъ образѣ, т. е. безъ особыхъ скатовъ *кк'* (черт. 11-й); между тѣмъ въ церкви Спаса на Сѣняхъ угловые сводики *бб'* (черт. 4-й) приходятся выше фасадныхъ угловыхъ закругленій *e* (черт. 3-й), вслѣдствіе чего и вызывалось устройство особыхъ кровельныхъ скатовъ. Если еще при этомъ мы примемъ во вниманіе, что лѣстница *z* (черт. 1-й) не

могла не обуславливать существованія чердачнаго помѣщенія, то внѣшнее покрытіе церкви Спаса на Сѣняхъ вѣрнѣе всего имѣло видъ четырехскатной крыши съ врѣзывающимися полукруглыми выступами (черт. 9-й). Вѣроятно такой-же характеръ фасада носила и церковь Благовѣщенія въ Бѣлогостицкомъ монастырѣ близъ г. Ростова, такъ какъ устройство сводовъ ея почти одинаково со сводами вышеописанной церкви. Что касается того, насколько рассматриваемый типъ церквей былъ распространенъ въ русскомъ зодчествѣ, то на это можно сказать, что по крайней мѣрѣ въ миниатюрахъ этотъ мотивъ былъ довольно излюбленнымъ, и надо думать, что въ XVI вѣкѣ онъ часто примѣнялся не только въ церковныхъ постройкахъ, но и въ гражданскихъ, какъ это видно во многихъ миниатюрахъ, напр. въ житіи Преподобнаго Сергія XVI ст. (черт. 16-й и 17-й — изъ Епифаньевскаго списка хранящагося въ Троице-Сергіевской лаврѣ, близъ Москвы). Здѣсь надо сказать, что мотивъ такихъ церквей почти во всѣхъ миниатюрахъ представляется съ одной стороны (черт. 18-й — изъ житія Зосимы и Савватія, конца XVI вѣка, принадлеж. Н. А. Вахрамѣеву), т. е. какъ будто показанныя въ миниатюрахъ церкви, имѣютъ закругленія только на двухъ сторонахъ фасада, но если мы примемъ во вниманіе крайнюю условность перспективы того времени, то подобныя изображенія, какъ на черт. 19-мъ и 20-мъ (изъ житія Пр. Сергія), иногда надо рассматривать какъ представленіе двухъ смежныхъ сторонъ церкви.

Описываемая нами обработка фасадовъ видимо съ успѣхомъ практиковалась также и въ особыхъ придѣлахъ къ церквамъ. Такъ при соборѣ Никитскаго монастыря, близъ г. Переславля-Залѣскаго, мы видимъ (черт. 21-й, табл. II), что убранство южнаго придѣла состоитъ изъ трехъ дѣленій, оканчивающихся въ срединѣ арочнымъ украшеніемъ съ заостреніемъ, а съ боковъ полу-арочками. Поверхъ этихъ закругленій, хотя и есть еще надстройка, но она, судя по архитектурѣ и высотѣ сомкнутаго свода, оканчивающагося противъ нижнихъ закругленій, очевидно позднѣйшая.

Такимъ образомъ видно, что первоначальная форма крыши отвѣчала фасадной обработкѣ придѣла, т. е. имѣла видъ, какъ показано на томъ же чертежѣ пунктиромъ.

Другой примѣръ такого же устройства придѣла видимъ при соборѣ въ Савво-Звенигородскомъ монастырѣ (черт. 22-й). Здѣсь верхнее полуокруженіе не сохранилось, но судя по обработкѣ фасада, оно очевидно существовало въ древности. Первоначальное внѣшнее покрытие придѣла было сдѣлано вѣроятно также по фасаднымъ закругленіямъ, какъ показано пунктиромъ или какъ на черт. 24-мъ, табл. II.

Существованіе придѣловъ въ нашей церковной архитектурѣ съ такою обработкою фасадовъ и внѣшнимъ покрытиемъ, можетъ считаться достовѣрнымъ и потому, что подобные мотивы мы нерѣдко встрѣчаемъ въ миниатюрахъ, какъ напр. въ житіи Пр. Зосимы и Савватія черт. 23-й).

По изображеніямъ церковныхъ зданій въ миниатюрахъ замѣтно еще и то, что разсматриваемая нами форма трехлопастнаго очертанія была настолько принята между нашими художниками и строителями, что видимо нерѣдко практиковалась одновременно какъ въ самыхъ церквахъ, такъ и въ придѣлахъ (черт. 23-й). Подобныхъ памятниковъ у насъ, къ сожалѣнію, кажется, не сохранилось, хотя первоначальныя формы фасада Преображенскаго собора въ Соловецкомъ монастырѣ своимъ силуэтомъ сильно напоминали подобныя церкви. Кромѣ того, что форма трехлопастнаго очертанія практиковалась въ строительномъ дѣлѣ, она также встрѣчается въ изобиліи на царскихъ дверяхъ, въ иконостасахъ, кіотахъ и въ церковной утвари, такъ напр. Сіонъ (XVII вѣка), находящійся въ патріаршей ризницѣ (черт. 24-й), представляетъ собою совершенно такой же мотивъ церкви, какъ мы разсматривали выше.

Такимъ образомъ церкви указаннаго характера безусловно существовали въ русскомъ зодчествѣ какъ особый типъ, но повидимому не получали господствующей роли, *) и по причинѣ недостатка памятниковъ такого типа, до сихъ поръ проходили незамѣченными археологическою наукою.

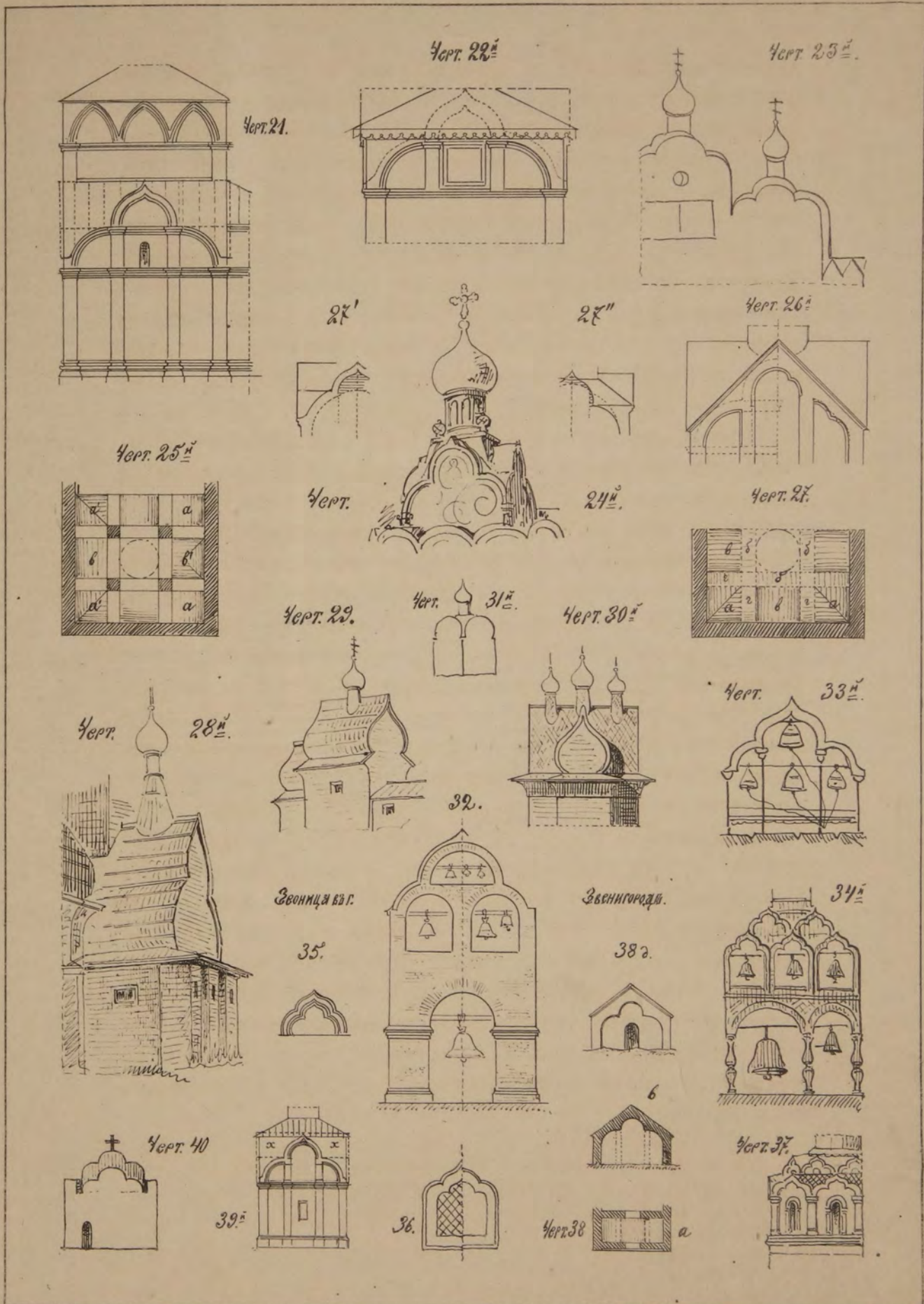
Относительно происхожденія формъ такихъ покрытій сказать что-либо вполне достовѣрное трудно, но тѣмъ не менѣе съ большою вѣроятностію можно провести слѣдующіе взгляды: Изъ сохранившихся памятниковъ Новгородско-Псковской архи-

*) Можетъ быть потому, что подобная конструкція была удобо-примѣнима только къ церквамъ небольшого размѣра.

тектуры замѣтно, что въ церквахъ еще XIV вѣка, угловыя помѣщенія *aa* (черт. 25-й) иногда покрывались полукоробовыми сводами (церковь Θεодора Стратилата на Торговой сторонѣ) или двумя полукоробовыми отрѣзками въ видѣ четвертей сомкнутого свода *a'a'*. Среднія же части *с* перекрывались иногда также полукоробовыми сводами (церковь Рождества Богородицы на Молотовомъ полѣ, другая—церковь Рождества Христова), и въ исключительныхъ случаяхъ даже полусомкнутыми сводиками *с'с'*... (церковь Рождества Богородицы на Молотовомъ полѣ). Большею же частью эти пространства покрывались коробовыми сводами, отвѣчающими подпругнымъ аркамъ купола *бб..* (черт. 27-й).

Извѣстно также, что съ XIV вѣка въ Новгородско-Псковскихъ церквахъ появился новый мотивъ обработки стѣнъ и наружныхъ покрытій *); сначала стѣны пробовали украшать одною трехлопастною впадинкою (черт. 38-й *д*). Затѣмъ церкви съ cadaго фасада раздѣлялись пилястрами и увѣнчивались въ средней части полукруглыми или трехлопастными впадинками, а по бокамъ однимъ, двумя или тремя закругленіями (черт. 26-й). Церкви, съ такою обработкою стѣнъ, покрывались крышею на восемь скатовъ въ видѣ двухъ перпендикулярно-пересѣкающихся двухскатныхъ крышъ, образуя съ каждой стороны фасада по фронту. Такое покрытие и обработка фасадовъ при устройствѣ въ среднихъ частяхъ *св...* коробовыхъ сводовъ, а въ угловыхъ частяхъ *aa'*... четвертей сомкнутого свода (черт. 27-й), естественно выражало внутреннее расположеніе сводовъ. Далѣе, когда строительное дѣло Новгородской области получило уже нѣкоторое развитіе, то нерѣдко, при постройкѣ малыхъ церквей, общепринятые тогда внутренніе столбы храмовъ стали устраняться и вмѣсто цѣлой системы сводовъ, церкви покрывали однимъ сомкнутымъ сводомъ (уничтоженная церковь великомученика Димитрія въ Домонтовой крѣпости, церковь Спаса-Преображенія Надолбина монастыря, существующая церковь Ново-Вознесенская и др. въ г. Псковѣ).

*) Мое сочиненіе «*Матеріалы къ исторіи древней Новгородско-Псковской архитектуры*», изданіе Императорской Академіи Художествъ и въ запискахъ С.-Петербургскаго Русскаго Археологическаго Общества за 1888 годъ.



Въ сомкнутыхъ сводахъ такихъ церквей дѣлали для верхнихъ оконъ распалубки. Обдѣлка же фасадовъ продолжалась по принятому образцу, т. е. съ закругленіями и фронтончатыми покрытіями.

Такимъ же путемъ могли образоваться подобныя церкви и въ Московскій періодъ. Для этого стоило принять въ образецъ одну изъ Новгородскихъ церквей съ такимъ расположеніемъ сводовъ, какъ показано на черт. 27-мъ и, не выводя столбовъ, сдѣлать только вмѣсто полукруглыхъ арокъ *бб.*, потерявшихъ устои, болѣе плоскія арки такъ, чтобы послѣднія своимъ распоромъ удерживали бы полу-арки *и*, т. е. чтобы составныя части *бб* и *и* представляли какъ бы одну арку (черт. 15'-й). Продолжая затѣмъ расширять арки *бб.* (черт. 27-й) до наружныхъ стѣнъ, мы такимъ образомъ получимъ совершенно такое же устройство сводовъ, какъ видѣли въ церквахъ Исидора Блаженнаго въ г. Ростовѣ, Св. Трифона въ Москвѣ, въ Бѣлогостицкомъ монастырѣ близъ Ростова и въ другихъ. Конечно если сомкнутый сводъ въ нашихъ церквахъ предшествовалъ такому устройству свода, то его конструкція могла образоваться и изъ сомкнутого свода съ четырьмя распалубками. Для этого нужно было только поднять распалубки до вершины сомкнутого свода (черт. 14-й и 15-й) и сдѣлать въ пересѣченіи ихъ квадратное отверстіе для барабана.

Въ очертаніяхъ сводовъ измѣнилось бы только то, что среднія части получились бы вмѣсто полукруглыхъ сводовъ плоскія, — такъ что наружное убранство стѣнъ могло сохраниться по прежнему мотиву.

Что касается придѣловъ, о которыхъ я уже упоминалъ, то они по внутреннему и наружному устройству, въ общихъ чертахъ совершенно сходны съ маленькими церквами и съ нѣкоторыми придѣлами Псковскихъ церквей. Разница сначала выразилась только въ томъ, что фасады такихъ церквей въ Московскій періодъ пріобрѣтали болѣе богатую обработку, чѣмъ въ Новгородско-Псковской архитектурѣ, т. е. пилястры въ пятахъ среднихъ полуокружій обдѣлывались въ видѣ капителей, у пяти боковыхъ закругленій протягивался карнизъ вокругъ церкви, закругленія обдѣлывались въ видѣ арочекъ и т. п. Съ теченіемъ времени трехлопастное очертаніе церкви

видимо настолько получило самостоятельную форму вследствие убранства ея, что фронтоный карнизъ надъ нею казался излишнимъ наслоеніемъ; тогда прямые скаты при одномъ устройствѣ сводовъ замѣнились скатами по фасаднымъ очертаніямъ, а при другомъ, какъ показано на черт. 9-мъ *).

Форма троечастнаго закругленія фасадовъ встрѣчается также и въ деревянныхъ церквахъ, напр. надъ алтаремъ церкви въ селѣ Подпорожѣ, Архангельской губ. и уѣзда (черт. 28-й). Здѣсь эта форма обуславливаетъ тройное дѣленіе алтаря. Такія крыши въ деревянныхъ церквахъ не оправдывались внутреннею конструкціею храмовъ; а потому дѣлались довольно рѣдко и скорѣе принадлежали къ числу украшеній.

Здѣсь кстати сказать, что троечастное закругленіе крышъ едва-ли представлялось нашимъ строителямъ особенно новымъ. Этому мотиву несомнѣнно предшествовало въ древнихъ деревянныхъ сооруженіяхъ бочечное покрытіе сначала въ видѣ одной бочки, какъ видимъ напр. (черт. 29-й) на церкви въ Ямской пустыни, Архангельской губ., въ Черевковѣ, Вологодской губ., въ миниатюрахъ и въ др. мѣстахъ. Затѣмъ въ видѣ двухъ перпендикулярно-пересѣкающихся бочекъ, какъ напр. въ Пермогорской церкви Вологодской губ. (черт. 30-й), на древнемъ рисункѣ Тихвинскаго монастыря (черт. 31-й) и проч.

Возвращаясь къ предыдущей формѣ, укажемъ еще на то, что она нерѣдко примѣнялась въ нашемъ зодствѣ къ церковнымъ звонницамъ. Такъ напр. при Звенигородскомъ соборѣ, Московской губ., понынѣ существуетъ звонница такой формы, какъ изображено на черт. 32-мъ. Совершенно такого же образца попадаются изображенія звонницъ въ миниатюрахъ (черт. 33-й—

*) Это вѣроятно зависѣло отъ того, какой предполагался фасадъ церкви; если желали дать трехлопастному очертанію полную господствующую роль, то при такихъ сводахъ, какъ въ церкви Спаса на Сѣняхъ, дѣлали по фасаду надъ средними сводами полукруглую накладку (черт. 27-й'), такъ что внѣшнее очертаніе угловыхъ сводовъ приходилось на высотѣ фасадныхъ угловыхъ закругленій. Если же фасадъ церкви предполагался такого мотива, какъ на черт. 10-мъ, то плоское очертаніе среднихъ сводовъ при соединеніи съ наружными стѣнами получало полукруглую или стрѣльчатую форму (черт. 27-й''), а выступающія внѣшнія очертанія угловыхъ сводиковъ прикрывались особыми кровельными скатами.

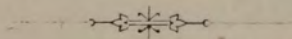
изъ житія Алексѣя Митрополита, XV столѣтія). Кромѣ того, судя по одному изображенію (черт. 34-й) на древнемъ образѣ церкви Воздвиженія въ гор. Ярославлѣ, эти формы очевидно примѣнялись и въ колокольныххъ.

Чтобы покончить съ разборомъ описываемой нами формы, упомянемъ еще о томъ, что если эта форма не имѣла господствующаго значенія въ храмовой архитектурѣ Московскаго періода, то съ успѣхомъ появлялась въ видѣ детальныхъ украшеній въ строительномъ и художественно-промышленномъ дѣлѣ, напр.: украшенія, показанныя на черт. 35-мъ, встрѣчаются при основаніи главокъ (церковь Николы Мокраго въ Ярославлѣ). Въ Тихвинскомъ монастырѣ, какъ видно изъ древняго рисунка, хранящагося въ главномъ Московскомъ архивѣ, эти формы увѣнчивали фасады надвратнаго храма. Въ Соловецкомъ монастырѣ таковыми же формами оканчивались четыре верхніе угловые придѣла Преображенскаго собора. Кромѣ того, подобныя же украшенія были излюбленнымъ мотивомъ въ обработкѣ царскихъ дверей, складней, каменныхъ и деревянныхъ оконъ XVII вѣка и т. п. На черт. 36-мъ представлено окно изъ миниатюрныхъ изображеній житія Св. Сергія. Совершенно такого же характера существуютъ окна въ деревянной церкви, въ селѣ Черевковѣ, Вологодской губ. Не говоря о многочисленныхъ примѣрахъ подобныхъ формъ въ деревянной рѣзбѣ, укажемъ на одинъ примѣръ обработки такой формы въ металлической церковной утвари (черт. 37-й): часть кадила XVII столѣтія, хранящагося въ Благовѣщенскомъ соборѣ, въ Москвѣ.

Такимъ образомъ, разсмотрѣнная нами форма видимо имѣла въ русскомъ зодчествѣ свое естественное происхожденіе и довольно продолжительную жизнь. Сначала она появилась въ видѣ простыхъ очертаній, выражавшихъ внутреннее устройство церковныхъ сводовъ, затѣмъ усложнялась нѣкоторымъ украшеніемъ, далѣе получала иногда преобладающую роль въ постройкахъ и наконецъ, когда въ устройствѣ церквей опять установился обычай примѣнять внутренніе столбы, то форма троечастныхъ закругленій, хотя и устранялась съ первенствующей роли, но въ силу того, что наши мастера сроднились съ нею, она не замерла а перешла въ область детальныхъ украшеній.

Что касается того вопроса, гдѣ впервые зародилась трехлопастная форма и явилась ли она въ нашемъ искусствѣ самостоятельно или заимствована, то мнѣ кажется, что этотъ вопросъ кромѣ необычайной трудности не имѣетъ важнаго значенія въ исторіи развитія русскаго искусства. Мы видѣли, что эта форма иногда получалась въ нашей строительной практикѣ сама собою, напр., при устройствѣ нѣкоторыхъ папертей въ Псковскихъ церквахъ, своды имѣли такое расположеніе, какъ показано на черт. 38-мъ *а*, *в* и *д* (церковь Св. Николая Соусохи). Это очертаніе сводовъ переносилось какъ украшеніе въ видѣ впадинки и на наружныя стѣны, такъ что внѣшняя форма вполне оправдывалась и внутреннимъ ея назначеніемъ. Далѣе видимъ также, что подобныя формы нерѣдко встрѣчаются на Западѣ и на дальнемъ Востокѣ *); словомъ, какъ и всякая другая простая форма попадаютъ въ искусствѣ многихъ народовъ. Это обстоятельство скорѣе отклоняетъ предположеніе о взаимныхъ вліяніяхъ и даетъ поводъ думать, что разсмотрѣнная нами форма свойственна фантазіи каждаго народа. Она могла явиться въ разныхъ искусствахъ самостоятельно и нѣтъ возможности установить то или другое научное рѣшеніе подобнаго вопроса.

Вл. Сусловъ.



*) Не утомляя читателя примѣрами такихъ формъ изъ деталей византійскаго, магометанскаго и западнаго искусствъ, укажемъ только на одну весьма любопытную форму храма, представленнаго на древнемъ планѣ Іерусалима (1308 г.), черт. 40-й.

ПАМЯТНИКИ
ДРЕВНЕЙ ДЕРЕВЯННОЙ АРХИТЕКТУРЫ
ВЪ
ЮЖНОЙ РОССІИ.

79897

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

1900

Будучи призванъ Императорскою Академіею Художествъ къ изученію памятниковъ нашего древняго искусства, я при самомъ началѣ моихъ археологическихъ путешествій, обратилъ особенное вниманіе на деревянную церковную архитектуру сѣверной Россіи. Эти памятники, хранящіе въ себѣ непосредственное выраженіе народнаго генія, къ сожалѣнію, съ каждымъ годомъ разрушаются и тѣмъ навсегда уносятъ съ собою слѣды нашей старой, національной жизни. Имѣя въ виду со временемъ представить полный обзоръ нашихъ древнихъ деревянныхъ построекъ, я счелъ долгомъ ознакомиться и съ характеромъ старинныхъ деревянныхъ сооружений въ южной полосѣ Россіи. Съ этой цѣлью я занялся преимущественно изслѣдованіемъ церковной архитектуры въ Землѣ Войска Донскаго и такъ какъ въ послѣдней мнѣ мало довелось встрѣтить вполне сохранившихся памятниковъ, то, только благодаря рисункамъ инспектора мѣстныхъ народныхъ училищъ Г. А. Ознобишина *), я могъ сдѣлать болѣе подробныя наблюденія надъ древнею архитектурою Донскаго края.

Первыя извѣстія собственно о русскихъ донскихъ казакахъ встрѣчаются въ началѣ XVI ст. Первоначальная строительная

*) Альбомъ его рисунковъ съ древнихъ церквей и старинныхъ костюмовъ Донской области хранится въ Академіи Художествъ. Многія изъ церквей Земли Войска Донскаго зачерченныхъ г. Ознобишинымъ мнѣ не довелось видѣть, и не знаю, существуютъ ли онѣ въ настоящее время и находятся-ли въ томъ видѣ, какъ показано на чертежахъ: судя же по тѣмъ рисункамъ, которые мнѣ пришлось провѣрить въ натурѣ, можно отнестись съ довѣріемъ ко всѣмъ чертежамъ.

дѣятельность ихъ состояла въ постройкѣ маленькихъ городковъ на древнихъ развалинахъ, обнесенныхъ кругомъ стѣною изъ двойнаго плетня или полисадника, набитаго внутри землею. Самыя жилища имѣли видъ землянокъ. Городки были малолюдны, такъ какъ казаки, долго не занимаясь земледѣліемъ, рѣдко жили дома, а ходили промыслять на Волгу и въ татарскіе улусы. Въ XVII ст. населеніе Донской области значительно увеличилось запорожцами, бѣглыми попами, раскольниками и др. людомъ. До XVIII ст. жизнь казаковъ была военная и никакихъ ремеслъ видимо не развивалось, но съ Петра вводятся различныя обряды, правленія, строится множество часовень, церквей и словомъ весь край получилъ надлежащій ходъ общественной жизни. Что касается церковныхъ дѣлъ, то они, по извѣстнымъ даннымъ, представляются въ слѣдующемъ видѣ.

При первыхъ заселеніяхъ русскихъ выселенцевъ въ Донской области, за отсутствіемъ церквей, сложились своеобразныя христіанскія чинопослѣдованія. Бѣглые попы сливались съ казаками и зависѣли отъ среды, въ которой они уживались, а также и отъ общаго казачьяго начальства, которое судило ихъ и даже назначало имъ смертныя приговоры. Казаки по среднему и южному теченію Дона причислялись къ Сарайской епархіи, а сѣверная часть Донской области входила въ составъ рязанской епархіи. Эта зависимость, вслѣдствіе отдаленности и своеобразнаго склада казачества, была лишь номинальною и не признавалась ни казачествомъ, ни священно-служителями. Со времени учрежденія патріаршества и закрѣпленія казаковъ за Московскою Русью, они признаются въ зависимости отъ московскаго патріарха. Съ этого времени началась правильная церковная жизнь казаковъ и на построеніе церквей присылаются особыя грамоты *). Церковные вопросы Донской области патріархи иногда поручали и ближайшимъ епископамъ (Рязанскому а затѣмъ Воронежскому). Всѣ дѣла однако шли сначала на усмотрѣніе гражданской власти и уже потомъ посылались къ епископамъ, такъ напр. въ одной гра-

*) Напримѣръ въ 1662 г., по благословенію патріарха Никона, построенъ Преображенскій соборъ въ Усть-Медвѣдицкомъ юрту.

мотъ говорится: „...церкви у нихъ въ той пустынѣ нѣту, а построить-де безъ благословенія Святѣйшаго Патріарха и безъ войсковаго вѣдома не смѣютъ...“

О построеніи церквей въ Землѣ Войска Донскаго до XVII ст. почти нѣтъ никакихъ указаній, хотя о присутствіи поповъ есть различныя свидѣтельства. При образованіи Донскаго казачества, большихъ церквей, видимо, и не было, а ограничивались „молитвенными домами“ и кладбищенскими часовенками, въ родѣ бесѣдокъ (голубцы)—съ тѣхъ же поръ, когда началась правильная гражданская и церковная жизнь, упоминается о многихъ церквахъ, въ томъ числѣ и о Черкасскомъ соборѣ.

Просматривая затѣмъ въ частности исторію заселенія Донской области, видно, что здѣсь долго не было нормальной общинной жизни, вслѣдствіе чего и правильнаго развитія искусства у казаковъ быть не могло. Въ XVII ст., когда у нихъ явилась потребность въ храмовой архитектурѣ, они очевидно обратились къ готовымъ образцамъ, а утварь и другія художественныя вещи прямо получали изъ Москвы, куда отправляли и чинить ихъ, говоря, что „у нихъ на Дону мастеровъ такихъ нѣтъ“.

Судя по тому, что казаки получали грамоты на постройки церквей изъ Москвы, казалось бы, что и самый характеръ ихъ долженъ носить отпечатокъ древнихъ сѣверныхъ церквей, но оказывается, что по всей Донской области былъ принятъ особый типъ, сходный вообще съ древне-деревянными церквами всей южной Россіи. Причины этого укажемъ далѣе, а теперь приступимъ къ описанію самихъ памятниковъ Донской области, причемъ отмѣтимъ характерныя черты церковныхъ построекъ, проведемъ нѣкоторую параллель ихъ съ церквами Малороссіи и Галиціи, а затѣмъ сдѣлаемъ нѣкоторое сравненіе всей древней южно-русской деревянной архитектуры съ архитектурой древнихъ церквей сѣверной Россіи.

Церкви Земли Войска Донскаго можно раздѣлить, по ихъ планамъ, на три типа: первый состоитъ изъ трехъ или четырехъ восьми-угольных срубовъ, соединенныхъ по направленію отъ востока къ западу; второй—изъ трехъ рядовъ такихъ срубовъ, соединенныхъ вмѣстѣ; и третій представляетъ собою форму креста.

По внѣшнему же виду донскія церкви могутъ быть разграничены на одноглавыя, трехглавыя и многоглавыя *).

Первый типъ плана древнихъ донскихъ церквей имѣеть слѣдующее расположеніе (черт. 1-й). Съ западной стороны находится небольшое помѣщеніе *а*—притворъ или паперть (по преимуществу прямоугольной формы) **); эта часть иногда замѣнялась открытымъ крыльцомъ (въ ц. Архангела Михаила въ ст. Бузулукской 1678 г. и въ церкви Успенія въ ст. Сиротинской). Изъ притвора входятъ въ восьмиугольный срубъ *б* (зрубъ, струбъ) называемый „бабникомъ“ или „женочникомъ“, гдѣ дѣйствительно во время богослуженія помѣщались однѣ женщины; такой обычай поддерживается и теперь. Въ этомъ же помѣщеніи ставили покойниковъ для отпѣванія и устраивали поминки по нимъ, въ виду чего разставляли въ этомъ помѣщеніи столы (*г*) и скамейки. Позднѣе для этой цѣли иногда дѣлали особыя пристройки къ „бабнику“. Надъ папертью или надъ „бабникомъ“ нерѣдко устраивались колоколенки, о которыхъ скажемъ ниже. Изъ женочника вела широкая арка въ восьмиугольное помѣщеніе *в*, назыв. „мужичникомъ“, въ которомъ помѣщались исключительно мужчины, входившіе сюда съ сѣвернаго и южнаго крылецъ или съ притворовъ *г.г.* Въ помѣщеніи этомъ иногда ставили столбы (черт. 2-й) *д.д.д.*, которые поддерживали потолокъ и верхніе, меньшіе восьмиугольные срубы, возвышающіеся надъ церковью.

Къ главному помѣщенію *в* примыкалъ третій восьмиугольный срубъ *и*, предназначаемый для алтаря (пресвитеріи).

При соединеніи западнаго и восточнаго срубовъ съ главнымъ, стѣны *л.л.* закрывались съ внѣшней стороны особыми стѣнками *к.к.*, въ видѣ продолженія стѣнъ *м.м.* (церковь въ

*) Года построенія нѣкоторыхъ церквей, разсматриваемыхъ въ настоящемъ сочиненіи, хотя означены не по документальнымъ записямъ, тѣмъ не менѣе характеръ ихъ совершенно одинаковъ съ болѣе древними церквами, и слѣдовательно онѣ могутъ быть разсматриваемы, какъ типы южной деревянной архитектуры одной эпохи.

**) Притворы въ существующихъ нынѣ церквахъ сдѣланы большею частью въ позднѣйшее время.

станіцѣ Урюпинской) *). Съ восточной стороны средняго сруба ставился высокій иконостасъ съ „намѣстными образами“, царскими и діаконскими вратами. Солея и амвонъ возвышались на одну или на двѣ ступени, а иногда дѣлались наравнѣ съ поломъ всей церкви. Кліросы въ древности ставились вдалекѣ отъ иконостаса, въ мѣстахъ е, ж и з. По внутреннимъ стѣнамъ бабника, мужичника и паперти, какъ показано на черт. 3, 5 и 6-мъ, обходили лавки для отдыха молящихся. Галлерейки кругомъ западнаго сруба въ донскихъ церквахъ дѣлались видимо очень рѣдко (въ церкви Рожд. Христова въ ст. Нижне-Кундрюческой, черт. 7-й) **). Въ формахъ самыхъ срубовъ встрѣчаются слѣдующіе варианты: главный иногда дѣлался вытянутымъ по направленію отъ востока къ западу (черт. 3-й, ц. Михаила Архангела на рѣкѣ Бузулукѣ, основанная въ 1678 г. и возобновленная въ 1793 г.) ***), или удлинялся по сѣверо-южному направленію (черт. 1-й, въ ст. Перекопской, Усть-Бѣлокалитвенской и др.).

Алтарный срубъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣлался закругленнымъ съ одной стороны (черт. 4-й, въ ст. Петровской XVII ст.), затѣмъ въ видѣ сплюснутаго по восточно-западному направленію восьмиугольника (черт. 7-й) или шестиугольника (черт. 6-й). Кромѣ того, иногда всѣ три сруба дѣлались многоугольными; изъ нихъ западный и восточный имѣли сплюснутую форму (черт. 5-й, церковь въ ст. Клецкой, построенная, по преданію, въ началѣ XVII вѣка).

Наконецъ трехъ-срубныя церкви иногда имѣли между крыльцомъ и бабникомъ еще четвертый срубъ 6-ти угольный (черт. 6-й, ц. Св. Николая въ ст. Голубинской, построенная по преданію въ 1665 г. и возобновленная въ 1781 г.) или восьмиугольный (церк. въ ст. Урюпинской). При усложненіи разсмотрѣннаго нами типа церквей, т. е., по мѣрѣ пристроекъ, то къ глав-

*) Она упоминается подъ 1695 г. въ челобитной Великимъ Государямъ по па этой церкви.

**) Объ этой церкви упоминается подъ 1702 г. въ памятной о посвященіи сюда въ чины дьячка, присланнаго казаками. Она основана по преданію въ 1670 г. и возобновлена въ 1752 г.

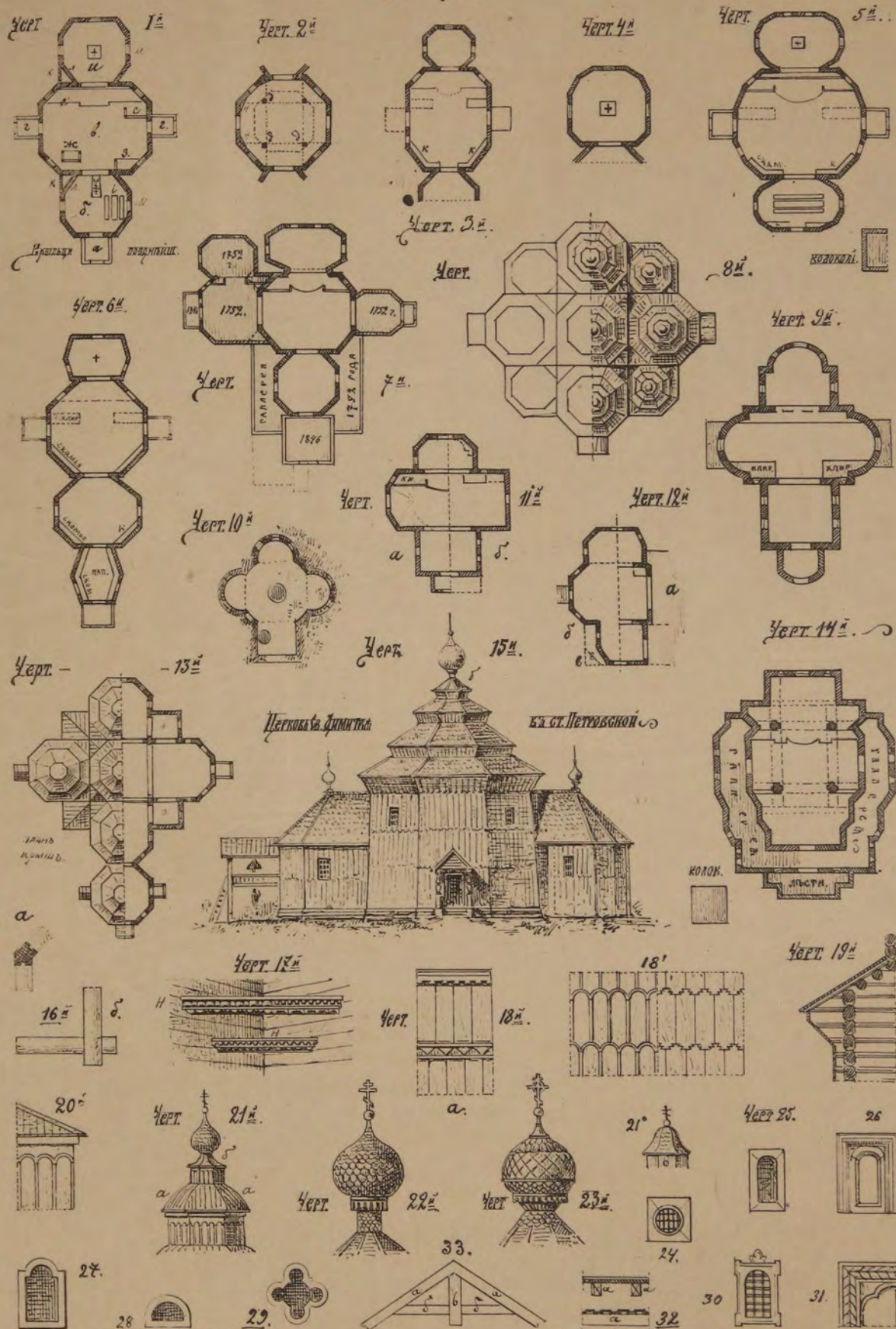
***) По клировымъ вѣдомостямъ.

ному восьмиугольнику, то къ алтарю, получались цѣлые ряды срубовъ (черт. 7-й). Вслѣдствіе такого усложненія плановъ образовался болѣе сложный типъ церквей, представляющій собою какъ бы три церкви вышеописаннаго характера, соединенныхъ вмѣстѣ; такія церкви, хотя не имѣются въ моемъ матеріалѣ по Донской архитектурѣ, но совершенно такого же характера видимъ соборъ Св. Троицы въ городѣ Ново-Московскѣ, Екатеринославской губ. (черт. 8-й и 39-й).

Третій типъ Донскихъ церквей—вѣроятно болѣе древній—крестообразный и, видимо, въ XVII ст. былъ менѣе распространенъ чѣмъ первый. Въ рисункахъ г. Ознобишина представленъ планъ церкви Іоанна Предтечи въ гор. Азовѣ *) (черт. 9-й), возобновленный, какъ у него указано, по фундаменту такой же церкви X-го вѣка. Конечно трудно сказать что-либо вполне опредѣленное за вѣроятность такого преданія, но тѣмъ не менѣе возможность этого до нѣкоторой степени оправдывается слѣдующими соображеніями: Хазары, населяя въ IX вѣкѣ ближайшія къ этому мѣсту пространства и имѣя уже нѣкоторую образованность, принимали христіанство отъ проповѣдника св. Кирилла, присланнаго, по ихъ желанію, греческимъ императоромъ Михаиломъ III-мъ. Есть также указанія, что къ нимъ приходили и зодчіе изъ Греціи, для постройки крѣпостей противъ Россіянъ. Естественно, что съ появленіемъ здѣсь христіанства, внеслись и извѣстныя формы тогдашнихъ греческихъ церковныхъ построекъ. Въ виду же того, что планъ Азовской церкви имѣетъ сходство съ нѣкоторыми греческими церквами **) и даже съ одною церковью, находящеюся въ развалинахъ Херсонеса, близъ Севастополя (черт. 10-й), можно предположить, что типъ такихъ церквей, хотя бы и по преданіямъ, велся на югѣ съ давнихъ временъ. Послѣ же нашествія Печенѣговъ и слѣдующихъ движеній въ этомъ краѣ, такой типъ церквей сталъ практиковаться и казаками, но уже не

*) Нынѣ посадъ Екатеринославской губерніи.

**) Въ сочиненіи архимандрита Антонина «Поѣздка въ Румелію» приведено нѣсколько плановъ такой же формы.

Таблица I^а:

изъ камня, а изъ дерева *). Но такъ какъ полукруглыя формы построекъ не свойственны дереву, то въ донскихъ церквахъ онѣ принимали видъ граней, т. е. главный срубъ имѣлъ видъ восьмиугольника, вытянутаго отъ сѣвера къ югу, алтарь въ формѣ половины восьмиугольнаго сруба, а бабникъ строился прямоугольнымъ (черт. 11-й, ц. въ слободѣ Маяки, основанная, по преданію, въ 1649-мъ г.), но иногда дѣлался также о пяти стѣнахъ (черт. 12-й в, ц. въ станицѣ Старо-Григорьевской и въ ст. Александровской XVIII-го вѣка). Сѣверный и южный выступы главнаго сруба встрѣчаются и прямоугольной формы (черт. 11-й б, п. св. Николая въ станицѣ Павловской XVIII ст.). Эти выступы, вѣроятно во время уніи, укорачивались и тогда являлась такая форма плана, какъ показано на черт. 12-мъ а (церковь въ ст. Спротинской XVII-го вѣка). При развитіи и усложненіи крестоваго плана церквей, получался болѣе сложный видъ постройки. Къ такому типу можетъ быть отнесена церковь въ ст. Маныцкой на Дону, построенная въ XVIII ст., и совершенно одинаковаго характера съ донскими церквами соборъ въ г. Екатеринодарѣ, Кубанской области, черт. 13-й (Маныцкая церковь имѣетъ такія же формы, но только безъ пристроекъ а, а...).

Чтобы покончить съ разборомъ плановъ донскихъ церквей, упомянемъ о весьма любопытной формѣ Старо-Черкаскаго собора. Первоначальная деревянная постройка его относится къ 1650 г., но соборъ этотъ два раза горѣлъ и въ 1709 году былъ построенъ каменный при участіи Петра Великаго, который прислалъ въ Черкассы мастеровъ, два колокола, утварь и проч. Планъ собора (черт. 14-й), довѣряясь рисунку Г. Ознобишина, представляется настолько страннымъ, что подводить его къ какому-нибудь типу христіанскихъ церковныхъ построекъ нѣтъ никакой возможности. Была-ли его форма результатомъ какихъ-нибудь особыхъ воззрѣній на формы церковныхъ по-

*) Надо думать, что на Югѣ собственно столкнулись и практиковались элементы архитектуры съ трехъ сторонъ: изъ Греціи, по преданію, какъ видно по плану, черт. 9-й; съ Запада, по характеру башенныхъ срубовъ, и съ нашего Сѣвера, какъ это увидимъ изъ нѣкоторыхъ деталей.

строекъ, или она создавалась безотчетно въ фантазіи строителей—рѣшить трудно. Во всякомъ случаѣ, если отбросить всѣ изгибы и неправильности плана, то не трудно узнать въ немъ обыкновенный типъ нашихъ тогдашнихъ великорусскихъ церквей, состоящихъ изъ главнаго квадратнаго помѣщенія съ четырьмя столбами, галлерейкой и наружнымъ крыльцомъ.

Прежде чѣмъ обратиться къ фасадамъ донскихъ храмовъ, рассмотримъ сначала типъ одноглавыхъ церквей. Планы ихъ состоятъ также изъ трехъ срубовъ, соединенныхъ по одной продольной оси, и только надъ среднимъ срубомъ возвышаются восьмерики, а западный и восточный срубы покрываются пятискатными крышами. Если же одноглавая церковь имѣетъ въ планѣ форму креста (черт. 11-й б.), то боковые выступы нерѣдко покрывались двухскатными крышами съ фронтонами. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда средній срубъ съ сѣверной и южной стороны оканчивался пятью стѣнами (черт. 11-й а.), то эти выступы покрывались пятискатными крышами, а въ срединѣ подымались два или три восьмигранныхъ срубика, одинъ на другомъ, въ уменьшающемся порядкѣ. Чтобы рассмотреть самое устройство такихъ церквей, возьмемъ на примѣръ церковь въ станицѣ Петровской (черт. 15-й). Церковь эта, какъ и многія другія, сдѣлана „изъ колотаго дуба“, т. е. бревенъ обработанныхъ не пилой, а исключительно топоромъ.

У насъ на Сѣверѣ древнія деревянныя церкви строились также часто при помощи только одного топора и назывались „рублеными“. Закладывая срубъ (зрубъ) на каменномъ фундаментѣ, или на толстыхъ дубовыхъ бревнахъ (подвалинахъ), возводили (засновывали) церковь изъ (пленицъ) половинчатыхъ бревенъ, или изъ цѣльныхъ (цѣвки). Углы срубовъ дѣлались, какъ въ настоящее время и у насъ, въ лапу (въ уголь), черт. 16-й б, или же въ „стойку“, черт. 16-й а, причемъ съ внутренней стороны бревна скрѣплялись вертикальными деревянными брусковыми скобами, а углы верхнихъ вѣнцовъ церковнаго сруба схватывались горизонтальными брусками *н, н.*, украшенными различною рѣзбою, черт. 2-й и 17-й. Стѣны главнаго сруба въ нѣкоторыхъ церквахъ дѣлались наклонно, и съ внѣшней стороны всегда обшивались „пластинною шелевкою“ тонкимъ те-

сомъ въ вертикальномъ направленіи; эта обшивка украшалась горизонтальными подраздѣленіями въ видѣ поясковъ (ц. въ ст. Клецкой), черт. 18-й, или же перемежающимися обрѣзами самого теса, черт. 18'-й (ц. въ станицѣ Перекопской и др.).

Наружные откосы карнизовъ и верхніе восьмиугольные на рубы, встрѣчающіеся въ южныхъ церквахъ (черт. 19-й), имѣютъ слѣдующее устройство: бревна верхней части главнаго сруба выпускали изъ-за плоскости стѣны „припускали острубины“ въ формѣ прямыхъ кронштейновъ, на которые кругомъ сруба нашивались доски, сначала въ горизонтальномъ направленіи, а на нихъ прибивали тонкій тесъ „шелевку“ въ вертикальномъ направленіи. Эти карнизы однако встрѣчаются рѣдко въ донскихъ церквахъ. Большею частію карнизамъ не давалось такого значенія, а дѣлались они въ видѣ узенькаго пояска „полукарниза“, подъ которымъ шли въ ширину тесины арочки или зубчики, черт. 20-й. Бревна выше карниза (черт. 19-й) снова укорачивались, давая направленіе крышѣ или отливу. На главный восьмиугольный срубъ нарубался другой подобный же срубъ меньшаго размѣра. Затѣмъ въ нѣкоторыхъ церквахъ ставился третій и четвертый восьмерикъ (черт. 21-й и др.). Въ разсмотрѣнномъ примѣрѣ (черт. 15-й) надрубы очень низкіе и скорѣе представляютъ собою рядъ карнизовъ; такой характеръ устройства верхней части церкви встрѣчается рѣдко. Верхній срубикъ заканчивался пирамидальной крышечкой *б*, съ прямыми или вогнутыми плоскостями (черт. 15-й и 21-й), иногда же сводикомъ *а* (банькой), которая, какъ мнѣ передавали мѣстные жители, дѣлалась изъ тонкаго лѣса. Баньки эти иногда устраивались и такой формы, какъ показано на черт. 21^о (онѣ дѣлались въ видѣ отлива и надъ нижними срубами, черт. 21-й *а*). Поверхъ баньки ставилась глава, подъ которою въ нѣкоторыхъ церквахъ дѣлали маленькую шейку или же большіе отливы. Главки обивались гонтомъ въ различные рисунки, черт. 22-й и 23-й. Внутренность церкви возвышалась до втораго, а иногда до третьяго сруба. Древняя наружная обработка оконъ имѣла такой видъ, какъ на рисункахъ 24, 25 и 26; болѣе позднія формы и украшенія оконъ показаны на черт. 27, 28, 29 и 30-мъ. Двери дѣлались прямыя, съ полукружіемъ (черт. 27) и иногда съ такими наличниками,

какъ показано на черт. 26 и 31-мъ. Потолки состояли изъ балоковъ „перерубовъ“ обшитыхъ досками „въ разбѣжку“ (черт. 32 *). Въ помѣщеніи „бабника“, а иногда и въ другихъ восьмиугольныхъ срубахъ балки шли съ угловъ, поднимаясь къ центру сруба; такъ что по покрытіи балоковъ досками, потолокъ представлялся въ видѣ отлогатаго свода, шатровой формы. Наружное покрытіе срубовъ церкви состояло изъ строительныхъ ногъ *а.а...* „кроклъ“ (черт. 33-й), на которыя настилали подрѣшетникъ, а на него клали лубокъ. Самая крыша покрывалась гонтомъ съ зубчиками или въ чешую. Если перекрываемое пространство было большое, то стропильныя ноги связывались горизонтальными брусьями *б* „подлегереями“ и вертикальными *в...* „висляками“. Стѣны рубились въ уголь и внутри выстрагивались „пуговались“. Такимъ образомъ церкви перваго типа—одноглавыя, состоятъ изъ главнаго сруба въ видѣ башни (съ двумя или тремя уменьшающимися восьмериками) и изъ двухъ боковыхъ восьмиугольныхъ прирубовъ (алтаря и бабника), перекрытыхъ пятискатными крышами, причемъ надъ бабникомъ иногда возвышалась колокольня, а надъ алтаремъ ставилась маленькая главка или небольшой осьмерикъ (черт. 34-й). Открытыя крыльца дѣлались на колонкахъ и накрывались двухскатными крышами. Детальная обработка подобныхъ крылецъ показана на черт. 35. Закрытые входы состояли изъ угловыхъ столбовъ, забранныхъ досками въ вертикальномъ направленіи. Характеръ такой обдѣлки представленъ на черт. 35'. Надъ западнымъ крыльцомъ церкви, за отсутствіемъ колокольни, дѣлали иногда открытую звоничку, черт. 15-й.

Церкви втораго типа—наиболѣе господствующаго на Дону—трехглавыя. Онѣ отличаются отъ первыхъ тѣмъ, что здѣсь каждый изъ трехъ срубовъ обдѣланъ одинаково въ формѣ башень и только срубы средней части церкви дѣлались нѣсколько выше и шире срубовъ боковыхъ башень, черт. 6-й, табл. I-я и черт. 36, табл. II-я (церковь св. Николая, основанная въ 1665 г. и возобновленная по старому основанію въ 1787 г.). Во всѣхъ подобныхъ церквахъ мы видимъ, что онѣ не только

*) На черт. показанъ продольный и поперечный разрѣзъ.

по планамъ, но и по фасадамъ раздѣляются на три какъ бы самостоятельныя части, и каждая изъ частей представляетъ собою опять-таки цѣлый рядъ поднимающихся восьмиугольныхъ срубиковъ. Такимъ образомъ восьмигранныя формы были излюбленнымъ мотивомъ церковно-строительнаго дѣла въ Донской области. Въ другихъ мѣстахъ такого постояннаго примѣненія въ постройкахъ восьмиугольныхъ срубовъ мы не приходилось встрѣчать. Почему именно такая форма является исключительно въ этихъ мѣстахъ—сказать положительно трудно. Есть-ли это выраженіе чего-либо аллегорическаго, или было слѣпое подражаніе подобнымъ церквамъ въ другихъ краяхъ, гдѣ онѣ оправдывались большею красотою и практичностью, сказать трудно. Вѣроятно это происходило отъ того, что, за неимѣніемъ подъ рукой хорошаго строеваго лѣса, приходилось дѣлать соединенія небольшихъ бревень, и такъ какъ въ прямыхъ высокихъ стѣнахъ такія соединенія уменьшаютъ прочность ихъ, то и примѣнилась болѣе подходящая форма срубовъ—восьмиугольная. Во всякомъ случаѣ, оставляя этотъ вопросъ открытымъ, перейдемъ къ описанію третьяго типа построекъ—къ пятиглавымъ церквамъ.

Форма отдѣльныхъ частей такихъ построекъ, и даже самая обработка ихъ, точно такая же, какъ мы видѣли и въ трехглавыхъ церквахъ; общій видъ ихъ представляетъ собою пять башенъ, расположенныхъ по плану въ формѣ равноконечнаго креста. Подобныя церкви видимо рѣдко состояли изъ самостоятельныхъ восьмиугольныхъ срубовъ, идущихъ съ самаго основанія церкви, какъ на черт. 7 и 37-мъ, ибо такая конструкція уже прямо казалась нераціональною, не только по замкнутости и стѣснительности самыхъ помѣщеній храма, но и по трудностямъ сдѣлать сооруженіе долговѣчнымъ. Такимъ образомъ пятиглавыя церкви большею частію состояли по плану изъ двухъ продолговатыхъ срубовъ, пересѣкающихся въ перпендикулярномъ направленіи, причемъ каждый изъ срубовъ дѣлался длиною около трехъ квадратовъ; въ пересѣченіи срубовъ возвышалась центровая башня церкви, а выступающія части срубовъ ограничивались съ основанія полувосьмиугольными стѣнами, поверхъ ко-

торыхъ возвышались четыре башни меньшихъ размѣровъ, чѣмъ средняя башня.

Къ западной части такихъ церквей примыкалъ восьмиугольный или четырехугольный срубъ, также въ видѣ башни, предназначенный внизу для паперти или бабника, а вверху для колокольни.

Пятиглавыя церкви въ Землѣ Войска Донскаго встрѣчаются довольно рѣдко (ц. въ станицѣ Маныцкой), и для яснаго понятія о ихъ формахъ приводимъ въ образецъ, совершенно однородной архитектуры съ донскими церквами, планъ и фасадъ собора въ г. Екатеринодарѣ, Кубанской области (табл. I-я черт. 13-й и табл. II-я черт. 38-й).

Кромѣ упомянутыхъ церквей встрѣчаются еще многоглавыя церкви; не говоря о той изъ нихъ, которая представлена на черт. 7 и 37-мъ, гдѣ колокольня и боковыя пристройки позднѣйшія, укажемъ на девятиглавый соборъ св. Троицы въ г. Ново-Московскѣ, Екатеринославской губерніи (черт. 8-й табл. I-я и черт. 39-й табл. II-я). Соборъ представляетъ собою какъ бы соединеніе трехъ трехглавыхъ церквей вышеописаннаго характера, изъ которыхъ средняя большихъ размѣровъ, а боковыя меньшихъ. Примѣненіе цѣльныхъ восьмиугольниковъ съ самаго основанія церкви разумѣется не могло быть допущено, такъ какъ въ соединеніи ихъ образовались бы колодцы; поэтому церковь собственно состоитъ изъ двухъ перпендикулярно пересѣкающихся, продолговатыхъ срубовъ и изъ четырехъ пристроекъ.

Чтобы дополнить разборъ о церковныхъ постройкахъ Земли Войска Донскаго, скажемъ нѣсколько словъ о колокольняхъ. Последнія, по моимъ наблюденіямъ, сначала ставились отдѣльно отъ церкви (въ ст. Клецкой, Маныцкой и др.), а затѣмъ вошло въ употребленіе строить ихъ надъ папертью или надъ бабникомъ. Колокольни, стоящія отдѣльно отъ церкви (черт. 40), имѣли въ основаніи невысокій квадратный срубъ, на которомъ возвышался высокій восьмиугольный срубъ, иногда расширяющійся кверху. Устройство самихъ стѣнъ состояло изъ вертикальных стоекъ, между которыми горизонтально нарубали бревна, обтесанныя съ двухъ сторонъ; этотъ срубъ покрывался бревенчатою „банькою“ (черт. 41-й) и увѣнчивался небольшою

главкою съ отливомъ и шейкою. На высотѣ звона въ верхней части дѣлались полукруглыя отверстія.

Древнія малороссійскія колокольни, къ сожалѣнію, мало извѣстны намъ и, судя по одному образцу, приведенному г. Далеми въ журналѣ „Зодчій“ (черт. 42-й табл. II-я), имѣли видимо нѣсколько иной характеръ. Представленная колокольня стоитъ отдѣльно отъ церкви и имѣетъ видъ невысокой четырехугольной башни съ аркатуркою на высотѣ звона. Поверхъ арочекъ идетъ отливъ и крыша, въ видѣ заостреннаго сомкнутого свода, на которомъ возвышается шейка и луковицеобразная главка. Стѣны колокольни обиты тесомъ (шелевкою) въ видѣ глухихъ арочекъ. Колокольни при самыхъ церквахъ (черт. 43) состояли также изъ восьмиугольнаго сруба, возвышающагося надъ папертью или надъ бабникомъ, не съ наклонными стѣнами, а вертикально. Эти колокольни покрывались шатровою крышечкой и также какъ самыя церкви, обшивались гонтомъ „шелевкою“. Въ позднѣйшихъ колокольняхъ верхняя часть ихъ (самый звонъ) дѣлалась шире остальнаго сруба (черт. 44-й), вслѣдствіе чего получался нѣсколько иной характеръ колокольни, напоминающій древнія деревянныя западныя постройки. Въ каменныхъ русскихъ колокольняхъ такой мотивъ почти не встрѣчается; подобное расширеніе звона мнѣ довелось замѣтить только въ колокольнѣ одной изъ церквей въ г. Вяткѣ (черт. 45-й табл. II-я).

Ограничившись разборомъ церковныхъ построекъ Донской области, упомянемъ вкратцѣ о частныхъ жилищахъ. Мнѣ, къ сожалѣнію, не пришлось встрѣтить особенно любопытныхъ и древнихъ частныхъ построекъ, но такъ какъ типъ ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видимо поддерживается и до настоящаго времени, то рассмотримъ одинъ старинный домикъ въ станицѣ Ново-Григорьевской (начала настоящаго столѣт.), черт. 46-й и 47-й табл. II-я. Онъ состоитъ изъ прямоугольнаго невысокаго сруба, окруженнаго съ трехъ сторонъ открытымъ балкономъ. Срубъ, въ продольномъ направленіи, раздѣляется бревенчатою стѣною, а въ поперечномъ направленіи тонкими перегородками. Наружная лѣстница *e* идетъ на балконъ *ж*, съ котораго входятъ въ сѣни *а*. Отсюда идутъ двери въ чистую

комнату б, въ кухню (стряпуху) в, и въ кладовую г. Между кухней и чистой комнатою находится спальня д. Все помещеніе отопливается печкою з, „врубкой“ и кухонною печкою и, въ сводѣ которой вмазанъ большой горшокъ для горячей воды.

Въ виду того, что хутора и станицы казаковъ обыкновенно располагаются по берегамъ рѣкъ, которыя во время полноводія нерѣдко достигаютъ самыхъ жилищъ, то дома казаковъ по большей части строятся на подвалахъ, а галлерейки на выступныхъ изъ-за сруба бревнахъ, въ видѣ кронштейновъ (черт. 48-й) или на особыхъ стойкахъ (черт. 47-й). Такой же способъ устройства галлерей практиковался въ сѣверныхъ церквахъ. Окна въ казацкихъ избахъ украшались наличниками и всегда дѣлались со ставнями; послѣднія главнымъ образомъ вызваны въ этомъ краѣ сильными жарамъ. Надъ крыльцомъ и „ступеницами“ обыкновенно дѣлались навѣсы; крыши застилались тесомъ и толстымъ слоемъ соломы; стѣны, съ внѣшней стороны, промазывались глиною и бѣлились, что ведется по всему Югу и въ настоящее время *). Древніе домики преимущественно имѣли крытые балконы (галлерейки), черт. 48-й. Въ настоящее время ихъ почти не дѣлаютъ, вслѣдствіе чего утратился и художественный характеръ казачьихъ избъ **).

Ознакомившись такимъ образомъ съ характеромъ деревянныхъ церквей Земли Войска Донскаго, мы видѣли, что церкви эти имѣютъ одинаковый характеръ съ приведенными выше церквами Малороссіи и даже Кубанской области (соборы въ городахъ Ново-Московскѣ и въ Екатеринодарѣ).

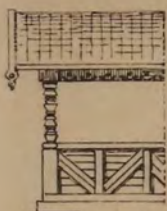
Сдѣлаемъ теперь еще сравненіе ихъ съ другими южными

*) На постройку употребляютъ вербу, вязъ (караучъ), дубъ, кленъ, осину; а для «ступеницъ» тополь.

**) Галлерейки съ арочками на черт. 48-мъ не могутъ причисляться къ общему характеру русской деревянной архитектуры, потому что полукруглыхъ арокъ, и тѣмъ болѣе съ приподнятымъ центромъ, не встрѣчается въ русскихъ сѣверныхъ деревянныхъ галлереяхъ и крыльцахъ. Этотъ характеръ имѣетъ вѣроятно юго-западное происхожденіе, такъ какъ подобныя галлерей мы встрѣчаемъ напр. въ Славоніи (черт. 61-й табл. III—модель сербскаго домика въ московскомъ румянцевскомъ музеѣ); кромѣ того и расположеніе самой галлерей, обходящей домикъ съ трехъ сторонъ, не попадаетъ на нашемъ Сѣверѣ, а встрѣчается также на Западѣ.

Таблица II^а

Черт.
34^я



Черт. 35.



Черт. 35^я

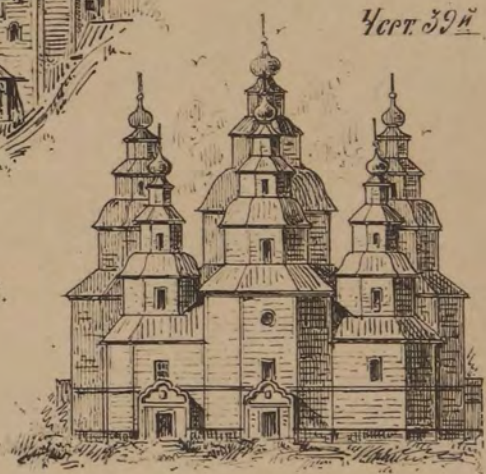
Черт.
36^я



Черт. 38^я



Черт. 39^я



Черт.

41^я



Черт. 40^я



Черт. 42^я

Черт.



45^я

Черт. 46^я



Черт. 45^я



Черт. 44^я

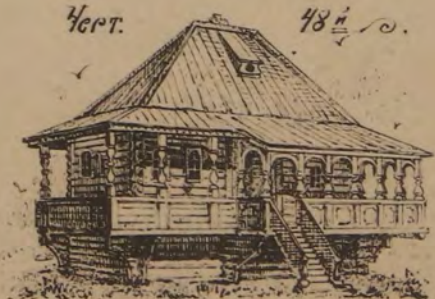


Черт.

47^я



В. Бухаров 1888г.



Черт.

48^я

но болѣе западными церквами. Главный мотивъ донскихъ церквей, какъ мы замѣтили раньше, выражается въ упорномъ примѣненіи восьмигранныхъ срубовъ (въ планахъ и въ фасадахъ) въ формѣ трехъ башенъ, составленныхъ по одной главной оси церкви. Эти башни по своей конструкціи и детальной обработкѣ совершенно сходны съ верхнею деревянною надстройкою на Антверпенскомъ готическомъ соборѣ (въ Бельгіи), черт. 52-й, и конечно надо думать, что такая форма не была занесена сюда изъ Донской Земли, а господствовала въ строительной практикѣ на Западѣ, какъ извѣстнаго рода типъ, практиковавшійся при деревянныхъ церковныхъ сооруженіяхъ. Вѣроятно этотъ типъ, какъ увидимъ дальше, постепенно перешелъ и въ нашу Донскую область.

Разсматривая теперь другія трехглавыя малороссійскія церкви, напр. показанную на черт. 49-мъ *), мы видимъ, что верхнія части церкви состоятъ, какъ и въ Донской области, изъ восьмиугольныхъ срубовъ и также въ видѣ трехъ башенъ, обшитыхъ „тесомъ“ въ вертикальномъ направленіи. Разница заключается только въ томъ, что нижняя часть въ западныхъ малороссійскихъ церквахъ преимущественно состояла изъ прямоугольныхъ срубовъ, тогда какъ въ донскихъ церквахъ восьмиугольники шли съ самаго основанія церкви (хотя, положимъ, трехугольныя впадины, черт. 1-й табл. I, иногда зашивались съ внѣшней стороны, и тогда очертаніе нижней части церкви становилось болѣе подходящимъ къ малороссійскимъ церквамъ).

Кромѣ того въ малороссійскихъ церквахъ восьмиугольные срубы большею частію не уменьшались до пирамидальной формы, а оканчивались большимъ граненымъ куполомъ, идущимъ со втораго восьмерика. Церкви эти нѣсколько конструктивнѣе донскихъ и имѣютъ за собой болѣе достоинствъ; общій же характеръ тѣхъ и другихъ трехглавыхъ церквей остается почти одинаковымъ. Подвигаясь далѣе на западъ, мы опять встрѣчаемъ

*) Малороссійскія церкви, къ сожалѣнію, у насъ мало изслѣдованы; для настоящаго примѣра взять рисунокъ изъ журнала «Зодчій» 1874 года, за ноябрь, изъ статьи Л. В. Даля.

трехглавыя церкви подобнаго же типа (черт. 50-й, табл. III, церковь въ мѣстечкѣ Волочискѣ, Волынской губ.). Здѣсь также церковь состоитъ изъ трехъ частей, имѣющихъ самостоятельныя башенныя формы, также (вертикально) обита тесомъ въ арочки, и въ общемъ, кромѣ средняго шатроваго покрытія, вполне тождественна съ церквами, показанными на черт. 49 и 51. Проникая наконецъ въ Галицію, мы и тамъ увидимъ совершенно подобныя же трехглавыя деревянныя церкви.

Для примѣра укажемъ на одну униатскую церковь въ мѣстечкѣ Раздолѣ (къ югу отъ г. Драгобыча) черт. 51-й, табл. III-я, относящуюся къ XVI—XVII ст. *). Она состоитъ также изъ трехъ прямоугольных срубовъ, переходящихъ въ восьмиугольные, и увѣнчивается большими луковичеобразными гранеными куполами, какъ встрѣчается и въ Малороссіи (черт. 49-й.) Обшивка наружныхъ стѣнъ „шелевкою“ точно такая же, какъ мы видѣли въ донскихъ церквахъ; устройство главокъ, карнизовъ и прочее, все напоминаетъ одну и ту же архитектуру; даже и шатровое покрытіе, какъ видѣли на черт. 50-мъ, мы встрѣчаемъ въ церкви св. Креста въ самомъ городѣ Драгобычѣ. Что же касается галлереекъ, то, правда, въ галицкихъ церквахъ онѣ видимо были болѣе распространены, чѣмъ въ нашихъ южныхъ церквахъ, но за то арочное построение ихъ, а также галлерей въ видѣ навѣсовъ, въ тѣхъ и другихъ церквахъ имѣютъ опять-таки одинаковый характеръ по всему Югу.

И такъ, при сравненіи Донскихъ, Малороссійскихъ и Галицкихъ церквей, мы замѣчаемъ, что всѣ онѣ имѣютъ ясный отпечатокъ одного и того же типа церковныхъ построекъ. Хотя донскія церкви представляютъ нѣкоторую разницу по исключительному значенію восьмиугольных срубовъ, тѣмъ не менѣе архитектура указанныхъ церквей, въ южной полосѣ Россіи и Галиціи, принадлежитъ къ одному и тому же стилю. Это сказывается не только въ главныхъ формахъ трехглавыхъ церквей, но и въ детальной обработкѣ фасадовъ. Кромѣ того, изъ описанія памятниковъ старины въ Галиціи и Буковинѣ профессора Я. Головацкаго **) видно, что многія названія отдѣльных частей церков-

*) Изъ статьи В. В. Стасова «Русская деревянная архитектура въ Галиціи».

**) Въ Трудахъ 1-го археологическаго съѣзда въ г. Москвѣ.

ныхъ сооруженій, способъ ихъ постройки, и самые термины строительнаго дѣла въ Галиціи и по всему нашему Югу въ большинствѣ случаевъ одинаковые, напр.: бабникъ, мужичникъ и проч.; что же касается помѣщенія бабника, то оно встрѣчается даже и въ Моравскихъ церквахъ „babina“; наконецъ, аналогичныя внѣшнія формы разсмотрѣнныхъ нами построекъ мы встрѣчаемъ, какъ увидимъ далѣе, и въ болѣе западныхъ краяхъ. Чтобы сдѣлать какіе-либо выводы о происхожденіи и развитіи типа южныхъ церковныхъ построекъ, укажемъ сначала на то, что древнія церкви сѣверной Россіи не имѣютъ родственнаго сходства съ южными церквами и что самая архитектура того и другаго края несомнѣнно имѣетъ свою исторію. Для сравненія церковныхъ памятниковъ той и другой полосы Россіи, возьмемъ тѣ изъ сѣверныхъ деревянныхъ церквей, которыя кажутся наиболѣе подходящими къ донскимъ и вообще южнымъ церквамъ, такъ напр. (черт. 53-й *a* и черт. 54-й) Нижне-Уфтыгская церковь Вологодской губ., Сольвычегодскаго уѣзда; если главный срубъ *a* устраивали восьмиугольнымъ, то другіе прирубы *в.в.* всегда дѣлались прямоугольными (восьмиугольныхъ совсѣмъ не встрѣчается) и по фасаду никогда не имѣли тождественной формы съ главнымъ срубомъ. Послѣдній всего чаще шелъ безъ подраздѣленій на ярусы, и увѣнчивался высокимъ шатромъ, а прирубы его покрывались, за малымъ исключеніемъ, *бочечными* крышами (съ главками), которыхъ совсѣмъ незамѣтно въ южныхъ церквахъ. Такая церковь съ одною среднею выдающеюся частью и двумя прирубами (какъ бы плечами ея), имѣющими второстепенное значеніе, получала видъ одной цѣльной постройки; между тѣмъ въ южныхъ трехглавыхъ церквахъ всѣ три части церкви имѣли съ фасада одинаковыя формы и давали впечатлѣніе трехъ самостоятельныхъ строеній, соединенныхъ вмѣстѣ *). Если въ сѣверныхъ церквахъ средній срубъ дѣлался прямоугольнымъ и надъ нимъ возвышался восьмиугольный срубъ, то разница во внѣшнихъ формахъ между сѣверными и южными церквами вы-

*) Сѣверныя трехглавыя церкви, попадающіяся сравнительно рѣдко, существенно разнятся отъ южныхъ тѣмъ, что въ первыхъ не было восьмериковъ, а дѣлались главки или шатрики и ставились только на средней части церкви, при томъ не по восточно-западному направленію, а по сѣверо-южному.

ходила почти та же. Наконецъ, если мы возьмемъ еще для сравненія сѣверную трехшатровую церковь *), то увидимъ, что такое покрытіе дѣлалось надъ главнымъ и надъ особыми придѣлами съ сѣверной и южной сторонъ церкви, причемъ придѣлы являлись въ видѣ особыхъ церковокъ съ отдѣльными алтарями и вся церковь нисколько не напоминала южныя трехглавыя церкви. Что касается крестоваго типа сѣверныхъ церквей (черт. 53-й б и черт. 55-й — церковь на рѣкѣ Кокшенѣ, Вологодской губ., Тотемскаго уѣзда), то онъ представляетъ собою простое усложненіе перваго же типа, т. е. къ сѣверной и южной гранямъ главнаго восьмиугольника придѣлывались еще два прямоугольные прируба одинаковаго устройства съ западнымъ и восточнымъ прирубами, отличающіеся въ то же время отъ главнаго сруба **). При томъ же устройствѣ, когда средній срубъ былъ квадратнымъ и переходилъ въ восьмиугольный, — боковые прирубы (концы креста) опять-таки всегда дѣлались прямые и иногда только восточный конецъ — алтарь, дѣлался въ видѣ половины восьмиугольнаго сруба. Грань же въ сѣверномъ, южномъ и западномъ прирубахъ, какъ мы видѣли въ южныхъ храмахъ (рисун. 12-й), никогда не дѣлались въ сѣверныхъ церквахъ.

Наружныя стѣны послѣднихъ въ древности никогда не обшивали тесомъ, а позднѣйшая обшивка дѣлалась всегда въ горизонтальномъ направленіи; между тѣмъ во всѣхъ южныхъ церквахъ обшивка стѣнъ въ вертикальномъ направленіи, „шелевка“ была излюбленнымъ украшеніемъ церковныхъ построекъ. Далѣе при южныхъ храмахъ нѣтъ тѣхъ трапезныхъ, которыя составляли одно изъ важныхъ помѣщеній въ теплыхъ сѣверныхъ церквахъ ***).

*) Для примѣра укажемъ на Кемскій соборъ, рисунокъ котораго помѣщенъ въ моемъ сочиненіи «Путевыя замѣтки о Сѣверѣ Россіи и Норвегіи», изданіе Императорской Академіи Художествъ.

**) Какъ исключительный примѣръ пятишатровой церкви съ такимъ планомъ — въ посадѣ «Нѣноксѣ»; но она все-таки по своей архитектурѣ совершенно отличается отъ южныхъ церквей. См. «Путевыя замѣтки о Сѣверѣ Россіи и Норвегіи».

***) Въ бабникѣ южныхъ церквей хотя и происходили поминки, но помѣщеніе это было вызвано, главнымъ образомъ, обычаемъ имѣть въ церкви отдѣльное помѣщеніе для женщинъ; между тѣмъ трапезная въ сѣверныхъ церквахъ

Галлерейки въ донскихъ и малороссійскихъ храмахъ встрѣчаются рѣдко и хотя онѣ были приняты въ галицкихъ церквахъ, но имѣютъ большую разницу съ галлереями холодныхъ сѣверныхъ церквей. Въ южныхъ храмахъ онѣ, по большей части, дѣлались двухэтажными, причемъ нижняя устраивалась въ видѣ простаго навѣса (на столбахъ, черт. 51, или на выпускныхъ бревнахъ въ видѣ кронштейна, черт. 50-й). Нижний навѣсъ шелъ иногда вокругъ всей церкви, а верхняя галлерей, обнимая съ трехъ сторонъ западный срубъ, всегда имѣла видъ легкой аркатуры (черт. 57-й и 51-й). Въ сѣверныхъ же церквахъ галлерей устраивалась только въ одинъ этажъ и никогда не обходила вокругъ всей церкви, а самое большее ограничивалась до алтарнаго сруба (черт. 53-й *a*); кромѣ того, въ послѣднихъ не дѣлалось открытыхъ, полукруглыхъ арокъ *), а пространство между стойками обдѣлывалось въ видѣ маленькихъ оконъ, черт. 54-й (часто съ внутренними ставнями). Самое происхожденіе галлерей тамъ и тутъ было вызвано разными причинами; однѣ—отъ разныхъ непогодъ, а другія—отъ сильнаго солнца. Далѣе открытыя лѣстницы (черт. 53-й), рундуки и крыльца, составляющіе одну изъ самыхъ типичныхъ и выдающихся частей въ сѣверныхъ постройкахъ, совсѣмъ незамѣтны въ южныхъ церквахъ. Затѣмъ мы не видимъ въ южныхъ церковныхъ постройкахъ такого главенствующаго шатроваго покрытія, которое повсюду находимъ въ сѣверныхъ храмахъ; также не встрѣчаемъ кокошниковъ, представляющихъ одно изъ важныхъ украшеній сѣверныхъ церквей; не видимъ крестчатой чешуи, досчатыхъ отливовъ подъ шейками главокъ, какъ показано на черт. 54—58 и т. п. Просматривая самую конструкцію тѣхъ и другихъ церквей, напр. въ кажущемся сходствѣ устройства выдающихся карнизовъ галицкихъ и сѣверныхъ русскихъ церквей, мы видимъ ту разницу, что въ первыхъ

образовалась, вслѣдствіе обычая сѣверныхъ жителей устраивать въ большіе праздники складчинные пиры (братчины), для необходимаго отдыха прихожанъ, являющихся изъ далекихъ окраинъ прихода и для бесѣдъ крестьянъ съ селянниками о церковныхъ и общественныхъ дѣлахъ.

*) Въ рѣдкихъ случаяхъ (ц. на Бѣлослудскомъ погостѣ, Вологодской губ., Сольвычегодскаго уѣзда) открытыя части галлерей дѣлались только съ южной стороны, и то безъ арокъ

(черт. 19-й) откосы (заломы) получались только при обшивкѣ выступающихъ изъ сруба концовъ верхнихъ бревенъ, а во вторыхъ откосъ карниза получался самымъ расширеніемъ сруба (черт. 56-й). Что касается детальныхъ украшеній (рѣзныхъ наличниковъ, оконъ и наружныхъ порѣзокъ), а также многихъ терминовъ церковно-строительнаго дѣла въ сѣверной и южной деревянной архитектурѣ, то и въ этомъ видимъ большую разницу; на Сѣверѣ нѣтъ ни бабниковъ, ни банекъ, ни шелевки и проч.

Чтобы провести параллель между колокольнями той и другой полосы, укажемъ только на то, что при сѣверныхъ церквяхъ онѣ всегда дѣлались отдѣльно *), и почти исключительно восьмиугольный срубъ ихъ никогда не расширялся кверху (какъ видно на черт. 40-мъ), кромѣ того срубъ колокольни выражалъ на Сѣверѣ только одежду, а скелетъ ея представлялъ собою (черт. 59-й и 60-й) рядъ бревенчатыхъ устоевъ, которые поднимались выше сруба и образовывали для колоколовъ открытый навѣсъ, увѣнчивающійся всегда высокимъ шатровымъ покрытіемъ (баньки и отверстія въ видѣ оконъ никогда не дѣлались). Лѣстницы на колокольню довольно часто дѣлались до половины снаружи, что представляло также одну изъ характерныхъ чертъ сѣверныхъ колоколенъ. Такимъ образомъ, чѣмъ детальнѣе мы будемъ всматриваться въ устройство древнихъ сѣверныхъ и южныхъ деревянныхъ церковныхъ построекъ, тѣмъ болѣе убѣдимся, что значительная разница между ними ясно выражаетъ два различныя направленія искусства.

Относительно луковичеобразныхъ южныхъ восьмигранныхъ куполовъ подобной формы, какъ показано на черт. 62-мъ (церковь въ селѣ Ростовскомъ, Вологодской губ., Вельскаго уѣзда), встрѣчающихся, напр., въ церкви св. Юрія въ Драгобычѣ, надо сказать, что они, хотя и встрѣчаются въ сѣверныхъ церквяхъ, но сравнительно рѣдко и то больше въ позднѣйшее время. Форма эта, хотя и существовала по всей Руси,

*) Въ донскихъ церквяхъ, какъ было упомянуто выше, колокольни въ позднѣйшее время ставились при самой церкви.

но примѣненіе ея*) въ видѣ восьмиграннаго купола, на который ставилась особая главка, было распространено прежде всего, вѣроятно, на Югѣ, такъ какъ на Сѣверѣ, судя по сохранившимся памятникамъ, она примѣнялась только въ извѣстныхъ мѣстахъ (миѣ довелось встрѣтить только въ Вельскомъ и Шенкурскомъ уѣздахъ)**), куда заносилась случайно; иначе бы она повторялась во всемъ русскомъ искусствѣ. Что же касается церквей, состоящихъ изъ нѣсколькихъ этажей восьмигранниковъ (черт. 63-й—церковь въ г. Торжкѣ, Тверской губ.), то онѣ почти не встрѣчаются въ мѣстахъ, гдѣ болѣе въ чистотѣ сохранился типъ древне-русскихъ деревянныхъ построекъ (Сѣв. Двина и Поморье), а если и попадаются въ Новгородской, Тверской и др. губерніяхъ, то онѣ относятся къ концу XVII ст.***) и съ перваго же взгляда отличаются отъ болѣе древнихъ и характерныхъ русскихъ деревянныхъ храмовъ. Тѣмъ не менѣе этотъ мотивъ сталъ практиковаться въ средней полосѣ Россіи и въ каменной архитектурѣ, первой половины прошлаго столѣтія, сначала въ колокольняхъ, а потомъ и въ самыхъ церквахъ. Формы этихъ церквей въ видѣ башенъ, состоящихъ изъ ряда уменьшающихся кверху восьмигранныхъ срубиковъ, присущія только южной архитектурѣ, употреблялись русскимъ народомъ видимо еще съ давнихъ временъ, такъ какъ онѣ встрѣчаются въ нашихъ древнихъ рукописяхъ, напр. въ миниатюрахъ (черт. 64-й) житія Московскаго митрополита св. Алексѣя, половины XV ст., и черт. 65-й—въ Соловецкой юсовой рукописи XVI ст. (Трехглавыя же церкви, въ видѣ отдѣльныхъ восьмиугольниковъ, но съ пирамидальнымъ покрытіемъ, находимъ въ Строгоновскомъ иконописномъ подлинникѣ

*) Такая же форма, но четырехгранная (палатная), нерѣдко практиковалась какъ крыша въ древнихъ деревянныхъ храмахъ по рѣкѣ Онегѣ и по Поморью.

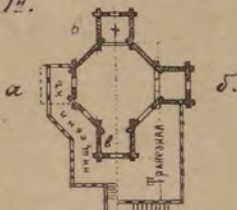
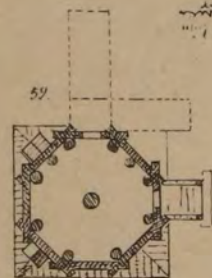
**) Въ нѣкоторыхъ церквахъ этихъ уѣздовъ подобные купола ставились и надъ алтарными срубами.

***) По количеству церквей такого типа, разбросанныхъ въ южной, средней и сѣверной полосахъ Россіи, замѣтно, что на Югѣ онѣ имѣютъ господствующее значеніе, далѣе къ Сѣверу попадаютъ рѣже и, наконецъ, въ Шенкурскомъ уѣздѣ совершенно исчезаютъ. Это указываетъ на то, что типъ такихъ церквей шелъ съ Юга и постепенно терялся въ болѣе укрѣпившихся формахъ самобытной сѣверной архитектуры.

конца XVI ст.). Эти общія формы (восьмигранные купола и многоэтажные срубы) могли появиться на Сѣверѣ съ Юга, послѣ присоединенія Малороссіи къ Россіи и, во всякомъ случаѣ, онѣ отходятъ отъ главныхъ типовъ сѣверныхъ церквей, а потому не мѣшаютъ сдѣлать слѣдующіе взгляды на развитіе той и другой архитектуры.

Какъ извѣстно по историческимъ указаніямъ, Новгородъ еще очень рано славился своими деревянными постройками, и такъ какъ, при колонизаціи нашихъ сѣверныхъ окраинъ, новгородцы играли главную роль, то, по мѣрѣ развитія христіанства на далекомъ Сѣверѣ, рука объ руку шло и церковно-строительное дѣло. Часовни и храмы, какъ символы новой, истинной вѣры, быстро насаждались по далекимъ окраинамъ и естественно съ каждымъ вѣкомъ возростало и самое искусство. Когда же Новгородъ перешелъ къ Московскому государству, то, какъ извѣстно, весь Сѣверъ пополнился цѣлыми артелями бѣжавшихъ изъ Новгорода мастеровъ. Они разносили и развивали въ народѣ всѣ познанія, какія получили въ тогдашнемъ передовомъ центрѣ общественной жизни — въ Великомъ Новгородѣ.

Теперь, если мы примемъ во вниманіе, что съ Московскаго періода всѣ невзгоды, проносившіяся надъ среднею и южною полосой Россіи, иногда не достигали Сѣвера или же касались его значительно менѣе, чѣмъ остальной Россіи, то становится яснымъ, что искусству на нашемъ обширномъ Сѣверѣ отводился сравнительно нѣкоторый покой и свобода религіозныхъ воззрѣній иночества. Тутъ оно зарождалось и воспитывалось народными силами. Отсюда выходили церкви „18-ти-главыя“ „о 20-ти стѣнахъ“, „шатровыя“ и др. Словомъ искусство жило здѣсь, хотя и не богато по сравненію съ другими искусствами, но во всякомъ случаѣ самостоятельно и правдиво. Почти въ каждомъ памятникѣ сѣверной архитектуры мы видимъ простоту, раціональность и художественную красоту. Не то мы встрѣчаемъ въ Донской области; тамъ искусство не жило, а только примѣнялось въ готовыхъ образцахъ къ извѣстнымъ духовнымъ нуждамъ народа. Явились какія-то восьмиугольныя формы и составлялись цѣлыми рядами (горизонтально

Черт. 49^яТРЕЩА III^яЧерт. 50^яЧерт. 51^яЧерт. 52^яЧерт. 54^яЧерт. 55^яЧерт. 56^яЧерт. 57^яЧерт. 58^яЧерт. 59^яЧерт. 61^яЧерт. 62^яЧерт. 64^яЧерт. 66^яЧерт. 62^яЧерт. 65^яЧерт. 60^я1888^{го} 62^я

Вд. СКАЛОВЪ.

и вертикально), безъ малѣйшаго отчета въ конструктивности и съ весьма малымъ художественнымъ чутьемъ. Да и могла ли самая жизнь казаковъ создать свое какое-либо искусство, когда они сами долго находились въ постоянномъ разладѣ съ духовными началами христіанской религіи. Въ то же время, когда жизнь ихъ получила болѣе нормальный ходъ, самостоятельному искусству развиваться было поздно, такъ какъ искусство наше очутилось въ опалѣ и сильный натискъ западничества скоро сдавилъ разцвѣтавшее тогда русское искусство, не только въ центрахъ общественной жизни, но и въ самомъ народѣ. Возвращаясь къ общему взгляду на церковную архитектуру Земли Войска Донскаго, мы, хотя и находимъ въ разныхъ документахъ, что казаки обращались за благословеніемъ на постройку церквей къ московскому патріарху и къ ближайшимъ епископамъ, но тѣмъ не менѣе, судя по существующимъ памятникамъ, въ характерѣ церковныхъ построекъ Донской области, за исключеніемъ нѣкоторыхъ деталей, нисколько не проявилось вліянія московскаго зодчества.

Дѣйствительно, мы не видимъ ни одного указа, чтобы Москва, разрѣшая постройки церквей на Дону, вмѣстѣ съ тѣмъ посылала и строителей; въ то же время въ челобитныхъ на постройку церквей не встрѣчается ни одного запроса на строителей и со стороны казаковъ. Такимъ образомъ церковно-строительное дѣло въ Донской области очевидно не имѣло прямой связи и общаго хода съ сѣверной архитектурой. Оно, конечно, не имѣло и самостоятельнаго развитія, такъ какъ, во-первыхъ, самая жизнь казаковъ не давала нормальной почвы для искусства, а во-вторыхъ, есть существенныя доказательства, что казаки не занимались ни ремеслами, ни какимъ-либо художественно-промышленнымъ дѣломъ. Такъ, въ ряду всевозможныхъ записей по церковному дѣлу на Дону нѣсколько разъ упоминается, что пріѣхавшіе въ Москву казаки отдали такому-то мастеру такіе-то церковные заказы, и такія-то починки („зарукавья“, „оклады образовъ“, „серьги“ и т. п.). Кромѣ того, нерѣдко указывается въ записяхъ о посылкѣ съ Москвы на Донъ разной утвари, книгъ и др. церковныхъ предметовъ. Наконецъ, по просьбѣ самихъ казаковъ, въ 1682 г. съ Москвы прочи-

лись серебряные мастера для промысла на Донъ, такъ какъ у нихъ „мастеровъ такихъ нѣтъ“. Всѣ эти записи касаются собственно тѣхъ ремесленниковъ, которыхъ по достоинству трудно было достать помимо Москвы, и такъ какъ церковныя вещи повсюду между русскими имѣли одинаковое назначеніе и носили на себѣ тождественный характеръ, то казакамъ и не было нужды избѣгать Москвы. Между тѣмъ самыя постройки на Югѣ, какъ и въ сѣверной Россіи, допускались различнаго характера (по крайней мѣрѣ до Алексѣя Михайловича) *) и дѣлались по преимуществу мѣстными строителями.

Теперь, если мы примемъ къ свѣдѣнію, что, во-первыхъ, въ записяхъ объ участіи московскихъ мастеровъ въ церковномъ производствѣ на Дону, совсѣмъ не упоминается о строителяхъ, во-вторыхъ, постановленіе московскаго собора о запрещеніи постройки трехглавыхъ церквей, касалось главнымъ образомъ Малороссіи (такъ какъ на Сѣверѣ ихъ очень мало) и, что, въ третьихъ, на Дону былъ распространенъ именно типъ трехглавыхъ церквей; то ясно, что церковно-строительное дѣло Малороссіи и Земли Войска Донскаго имѣло непосредственную связь, и что, слѣдовательно, прототипомъ донскихъ церквей послужили сосѣднія церкви Малороссіи. Это оправдывается не только сходствомъ тѣхъ и другихъ храмовъ, но и тѣмъ, что малороссы, играя большую роль въ образованіи казачества, по своей сравнительной развитости (особенно между священниками) имѣли первенствующее значеніе, и все казачество такъ сказать нравственнымъ образомъ подчинялось традиціямъ малороссійскаго народа, который, въ свою очередь, по церковнымъ дѣламъ, незамѣтно подчинялся вліянію Запада. Наконецъ, принимая во вниманіе, что между Малороссіею и Москвою всегда сказывалась извѣстная борьба, то и эти обстоятельства указываютъ на возможность постояннаго вліянія Малороссіи на донскихъ казаковъ, и тѣмъ болѣе въ цер-

*) Съ этого времени, какъ извѣстно, трехглавыя и шатровыя церкви были наконецъ запрещены, хотя запрещеніе это на самомъ дѣлѣ выполнялось только въ городахъ и ближайшихъ мѣстахъ къ Москвѣ; въ глухихъ же частяхъ, какъ-то на сѣверныхъ и южныхъ окраинахъ Россіи, это постановленіе собора, въ силу извѣстныхъ привычекъ народа и отдаленности контроля, исполнялось рѣдко.

ковномъ дѣлѣ. Нельзя, конечно, отвергать и того, что между казаками могли быть и сѣверные плотники, что подтверждается историческими указаніями *) и нѣкоторыми деталями рѣзнаго производства въ наружныхъ украшеніяхъ, какъ напр. въ главкахъ, черт. 22-й и 23, въ наличникахъ, черт. 31-й, въ крыльцахъ, черт. 35-й и т. п.

Кромѣ того, надо думать, что здѣсь сохранялись остатки церковныхъ памятниковъ ранняго христіанства, т. е. формы греческихъ храмовъ и между прочимъ церкви крестоваго типа (черт. 9-й и 10), о которыхъ мы говорили раньше. Во всякомъ случаѣ крестовыя церкви, если и не имѣли господствующаго значенія на Югѣ, тѣмъ не менѣе онѣ не забывались и въ чисто русскомъ народѣ получали вѣроятно преобладающее значеніе. Что касается общаго южнаго типа трехглавыхъ церквей, то онѣ видимо имѣли прямое отношеніе къ западнымъ церквамъ. Существуютъ указанія Гакстгаузена, путешествовавшаго по Россіи, что всѣ уніатскія церкви — трехглавыя съ отдѣльною колокольнею. Этотъ типъ ничего не имѣетъ общаго съ русскими сѣверными церквами и очевидно былъ распространенъ прежде всего не въ Россіи. Покойный Л. В. Даль указывалъ слѣды такого типа церквей на изображеніи бронзовой двери въ Гнѣзно (въ Польшѣ) и затѣмъ говорить, что подобныя же формы замѣтны въ постройкахъ французскихъ крестоносцевъ на Неаполитанскомъ берегу; кромѣ того, онъ приводитъ двѣ весьма любопытныя древнія церкви: одна Св. Франциска въ Трани, а другая церковь въ Молфеттѣ. Всѣ онѣ имѣютъ базиличную форму съ тремя поперечными раздѣленіями. Раздѣленія эти отмѣчены въ фасадѣ среднимъ высокимъ восьмиграннымъ барабаномъ, съ одного бока всегда невысокимъ четырехгранникомъ, а съ другаго бока, видимо надъ алтарною частью, восьмигранникомъ. Эти выдающіеся купола въ Транинской и Молфетской церквахъ покрыты невысокими пирамидальными крышечками. По отношенію же детальныхъ формъ мы видѣли поразительное сходство башни Антверпенскаго собора (черт. 52-й) съ отдѣльными частями трехглавыхъ донскихъ церквей (черт. 34-й

*) Извѣстно, что еще при Іоаниѣ III не мало народу бѣжало на Волгу, а потомъ и на Донъ.

и 36-й). Всѣ эти данныя даютъ полный поводъ предположить, что на Западѣ еще въ довольно раннюю эпоху одинъ изъ типовъ церквей былъ именно такого же мотива, какъ и наши южныя трехглавыя церкви. Во всякомъ случаѣ извѣстно то, что шотландцы и бенедиктинцы, еще въ VIII ст., славились своими деревянными церквами, и во время проповѣдей естественно мало-по-малу насаждали свое искусство въ Германіи, Моравіи и въ другихъ болѣе близкихъ къ намъ мѣстностяхъ.

Конечно теперь трудно сказать, какого характера были эти церкви, но надо думать, что онѣ были сходны съ нѣкоторыми нынѣ существующими древними церквами Моравіи, Познани, Польши и Галиціи. Относительно первыхъ намъ очень мало извѣстно, хотя напр. въ Моравскихъ церквахъ *) замѣтно, что галлерей также какъ и въ Галицкихъ церквахъ обходили вокругъ храма; наружныя стѣны, какъ и въ донскихъ церквахъ, обшивались гонтомъ въ вертикальномъ направленіи. Что же касается Польши и Галиціи, то, благодаря начавшемуся изданію львовской политехнической школы „Памятники искусства въ Польшѣ“, мы видимъ, что церкви этого края трехглавыя (черт. 51-й) и вполне сходны съ малороссійскими церквами (черт. 49-й).

Въ объясненіи вышеупомянутаго изданія нынѣ существующія древнія церкви Галиціи признаются церквами отцевъ-доминиканцевъ и упоминается, что точно такихъ же (трехглавыхъ) церквей и костеловъ очень много въ Галиціи. Эти указанія говорятъ за то, что у католиковъ, уніатовъ и русскихъ извѣстные храмы существовали одного типа.

Посмотримъ теперь при какихъ обстоятельствахъ могъ выразиться этотъ фактъ. Съ распространеніемъ у насъ христіанской вѣры, была одна нераздѣльная русская церковь; но съ тѣхъ поръ какъ великіе князья и съ ними первосвятители перенесли свою резиденцію на Сѣверъ Россіи, южно-русскія области стали обособляться и проявлять нѣкоторую самостоятельность. Югъ какъ бы раздѣлился съ Сѣверомъ и сталъ Малою Русью. Скоро затѣмъ пошли споры и о самостоятельномъ церковномъ

*) Статья графа Уварова въ Трудахъ II-го Археологическаго съѣзда.

управленіи, которые черезъ полтора вѣка окончились отдѣленіемъ южно-русской митрополіи отъ сѣверной. Самыя же владѣнія подчинились сначала князьямъ литовскимъ, затѣмъ литовско-польскому владычеству и наконецъ одной Польшѣ. Вмѣстѣ съ этимъ владычествомъ понеслись и всѣ невзгоды на южно-русскую церковь. Начались вліянія римско-католическаго исповѣданія *); наши церкви подпали подъ управленіе католическихъ властей, а затѣмъ, со времени уніи, подъ управленіе іерархіи, признавшей надъ собой власть римскаго первосвященника. Польское духовенство не дѣлало никакихъ уступокъ русской церкви и вмѣстѣ съ папой не преслѣдовало другихъ цѣлей, какъ только подавленіе всѣхъ вѣроисповѣданій кромѣ латинскаго. Они повсюду посылали монаховъ-доминиканцевъ распространять латинство и всѣми путями добивались своего господства повсюду.

Эти попытки и усилія римской куріи подчинить себѣ западно-русскую церковь оставались часто безуспѣшны до XVI ст., ибо простой народъ всегда крѣпко держался родной вѣры; но съ Люблинской уніи цѣли римскаго двора опять подвинулись впередъ.

Послы отъ западно-русскаго дворянства прямо заявляли на избирательномъ сеймѣ 1632 г., что „права наши нарушены и вольность попрана; святыя храмы, издавна сооруженные, иные запустѣли, иные и донынѣ запечатаны...“ **).

Далѣе, когда распространился слухъ, что Петръ Могила отпалъ отъ православія, то предшественникъ его, Исаія Копинскій писалъ въ малороссійскіе монастыри: „всю службу, по повелѣнію папы, въ христіанскихъ церквахъ, въ польскихъ и литовскихъ городахъ, превратить въ костелы... и быть де въ Михайловскомъ (Кіевскомъ) монастырѣ Доминиканамъ...“ ***).

*) Этому способствовали и самыя сношенія Владиміро-Галицкаго княжества съ Венгріей и Польшей (особенно браками). Когда же Галиціею овладѣли Венгры, то папа прямо писалъ, чтобы здѣсь насадили вѣру латинскую, и православныя храмы обращались въ латинскіе.

**) Польское общество, содѣйствуя уніи и разсылая чиновниковъ для казачества и Малороссіи, вмѣстѣ съ ними направляло іезуитовъ и уніатовъ, которые, гдѣ имъ нужно было, всегда утверждались довольно прочно.

***) Подъ вліяніемъ этого извѣстія малороссійскіе монахи массою пересе-

Наконецъ, въ 1718 г. литовскіе и бѣлорусскіе монастыри обратились къ Петру Великому съ жалобой, что они терпятъ гоненія, и что поляки хотять истребить св. благочестіе. — Въ 1739 г. пишутъ, что „кромѣ насильно отнятыхъ церквей, еще отняты, и новыхъ строить не позволяютъ“. Такимъ образомъ, приведенныя указанія о положеніи южно-русской церкви ясно свидѣтельствуютъ, что характеръ нашихъ церковныхъ построекъ на Югѣ сначала не игралъ особенной роли въ достиженіи главной цѣли латинскаго духовенства.

Мы видимъ, что они переносили свои службы въ русскія церкви, посылали въ нихъ доминиканцевъ, словомъ, прежде всего стремились насадить латинскую вѣру; вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ мы и понынѣ находимъ, какъ сказано въ изданіи „Памятники искусства въ Польшѣ“, что церкви и костелы въ Галиціи имѣють одинаковый типъ постройки, т. е. въ видѣ базиличныхъ трехглавыхъ церквей. Конечно, тѣ постройки, которыя примѣнялись прямо къ костелу, вѣроятно нѣсколько отличались отъ этого типа.

Въ статьѣ проф. Я. Головацкаго „Объ изслѣдованіи памятниковъ русской старины въ Галичинѣ и Буковинѣ“ *), находимъ, что въ этихъ краяхъ существуютъ также и пятиглавыя (крестообразныя) церкви, и что тѣ и другія строились совершенно одинаково.

Я не берусь рѣшать, откуда появился типъ трехглавыхъ церквей, которыя составляютъ такое обычное явленіе по всему нашему Югу и Галиціи, но думаю провести слѣдующіе взгляды.

Оставляя въ сторонѣ предположеніе объ аллегорическомъ происхожденіи трехглавыхъ церквей (во имя тройственности Божества — Отца, Сына и Святаго Духа), мы обратимся къ тому, какого типа существовали церкви, подходящія къ крестообразнымъ и трехглавымъ церквамъ на христіанскомъ Западѣ и Востокѣ (приблизительно, около X вѣка), въ то

лились въ сѣверную Россію «со всѣмъ монастырскимъ строеніемъ и животами». Этому выселенію нужно приписать и появленіе въ сѣверной Россіи такихъ церквей, какъ изображено на черт. 62-мъ и 63-мъ.

*) Въ Трудахъ I-го Археологическаго съѣзда.

время, когда въ юго-западной Россіи стали появляться русскіе православные храмы.

На Западѣ, въ эту эпоху базилика считалась каноническою формою религіозной архитектуры. Она состояла изъ небольшой наперти, между боковыми колокольнями; затѣмъ шло продолговатое помѣщеніе, раздѣленное столбами, въ продольномъ направленіи, на три или на пять частей. Далѣе шло поперечное дѣленіе, въ пересѣченіи котораго съ главной средней частью базилики иногда дѣлался возвышающійся сводъ. За поперечнымъ дѣленіемъ базилики шло такое же помѣщеніе, какъ и спереди (съ подраздѣленіемъ на корабли), и оканчивалось иногда тройными полукружіями, какъ и въ алтаряхъ греческихъ храмовъ. Боковые корабли базилики были значительно ниже главнаго и поперечнаго отдѣленія (трансцента), такъ что базилики по верхней части имѣли видъ латинскаго креста. Кромѣ того примемъ въ соображеніе, что въ базиличныхъ церквахъ въ Трани и въ Молфеттѣ, а также на изображеніи церкви въ Гнѣзненской двери, помимо средняго выдающагося барабана, существуютъ еще двѣ выдающіяся части, по бокамъ центроваго свода.

Припомнимъ теперь греческій храмъ, гдѣ различныя части его группируются вокругъ центральнаго купола. Одна изъ обыкновенныхъ формъ такихъ церквей представляетъ собою квадратное помѣщеніе, раздѣленное четырьмя столбами. Угловые помѣщенія ниже среднихъ частей, такъ что планъ по верхней части выражаетъ собою правильный крестъ, восточная часть котораго оканчивается полукругомъ и назначалась для алтаря (два угловыхъ восточныхъ дѣленія алтаря также ограничивались полукругами и дѣлались ниже средней абсиды). Сѣверная и южная части среднихъ дѣленій храма иногда оканчивались формою половинъ восьмигранниковъ. Въ центрѣ храма, обыкновенно, возвышался главный куполь, а по бокамъ, крестообразно иногда группировались еще четыре купола; такъ что планъ подобной церкви походилъ на черт. 13-й, причемъ только угловые части должны бы быть нѣсколько больше и восточныя изъ нихъ оканчиваться полукругами (случается также, что въ греческихъ церквахъ угловыхъ частей совсѣмъ

не дѣлали; черт. 10-й). Припомнимъ теперь, что еще до окончательнаго принятія нами христіанства, деревянныя церкви на Руси уже существовали (напр., церковь Св. Ильи въ Кіевѣ) и строились по всѣмъ вѣроятіямъ не греческими мастерами, такъ какъ послѣдніе появились у насъ только по принятіи христіанства (да и едва ли греки могли строить деревянные храмы, которыхъ у нихъ почти совсѣмъ не дѣлалось), то надо думать, что типъ первыхъ деревянныхъ церквей на Руси былъ похожъ на сосѣдніе католическіе храмы. Затѣмъ, когда на русскую почву официально внеслись формы греческой архитектуры, то, конечно, деревянные церкви могли получить нѣкоторое измѣненіе, — хотя детали по всѣмъ вѣроятіямъ остались прежнія, такъ какъ съ приходомъ къ намъ грековъ, на Югъ вошла каменная архитектура во многомъ не примѣнимая къ деревяннымъ постройкамъ. Во всякомъ случаѣ церкви этой эпохи стали носить характеръ греческихъ храмовъ, т. е. имѣли очертаніе плановъ въ большинствѣ случаевъ крестовое, а съ фасада увѣнчивались однимъ или пятью куполами. (Къ подобному типу, но только поздней постройки, можетъ быть отнесена церковь въ Переяславлѣ-Полтавскомъ XVII ст., черт. 66-й *).

Этотъ основной мотивъ церковныхъ построекъ былъ присущъ всей русской архитектурѣ, но только на Сѣверѣ, судя по существующимъ памятникамъ, онъ выражался въ иныхъ формахъ и деталяхъ, чѣмъ на Югѣ, а потому обратимся къ южнымъ деревяннымъ, крестовымъ церквамъ. За недостаткомъ данныхъ относительно точнаго опредѣленія такихъ церквей въ ранній періодъ, мы ничего не можемъ сказать опредѣленно.

Можно думать, что по плану и расположенію куполовъ, онѣ были такого же мотива, какъ на черт. 13-мъ, но только самые барабаны, конечно, были въ одинъ рядъ, а купола могли имѣть такія очертанія, какъ показано на черт. 21^о-мъ, 51-мъ и 65-мъ (безъ особыхъ главокъ). Обращаясь къ подобнымъ

*) Эта церковь имѣетъ оттѣнокъ сѣверной архитектуры, которая выразилась въ шатровомъ покрытіи средней части и въ луковичныхъ формахъ главокъ (рисунокъ съ наброска А. М. Павлинова). Другой подобный-же типъ церкви находится въ Якобштадтѣ, Курляндской губ. Въ этой церкви купола имѣютъ такую форму, какую мы видимъ теперь въ Софійскомъ соборѣ въ Кіевѣ.

же, но существующимъ южнымъ памятникамъ XVI—XVII ст., мы видимъ, что пятиглавыя церкви Галиціи такія, какъ если бы къ трехглавой церкви (черт. 51-й) прибавили съ сѣверной и южной сторонъ средняго помѣщенія еще двѣ пристройки, одинаковыхъ съ западною и восточною пристройками. Подобныя церкви, вѣроятно, не дѣлались для костеловъ, такъ какъ нарушалась бы общепринятая латинскимъ духовенствомъ форма базилики и поэтому онѣ принадлежали исключительно русскому народу; однако эти церкви носили на себѣ всѣ детали тѣхъ построекъ, какія были въ ходу на Западѣ *).

При настоятельныхъ же усиліяхъ папы обратить русскихъ (данныхъ областей) въ латинскую вѣру, ихъ духовенство, конечно, старалось ввести и свои формы, но такъ какъ прямое примѣненіе базиличныхъ построекъ къ русскимъ церквамъ вызвало бы всеобщій ропотъ нашего народа, то латинское духовенство рѣшило этотъ вопросъ, вѣроятно, такъ: раньше они уже достигли того, что детальныя формы русскихъ церквей походили на ихъ деревянные костелы и при общемъ расположеніи крестовыхъ церквей, устраняли только сѣверныя и южныя пристройки, съ отсутствіемъ которыхъ, во-первыхъ, не терялись необходимыя помѣщенія для русскихъ церквей а, во-вторыхъ, устраненіе этихъ пристроекъ вызывалось извѣстными притѣсненіями католиковъ и происходило, вѣроятно, незамѣтно отъ русскихъ священниковъ. Такимъ образомъ церковь до нѣкоторой степени являлась въ формѣ базилики, причемъ продолговатая галлерей играли роль боковыхъ кораблей **). Разъ такой типъ постройки былъ принятъ русскими, то и католики могли отправлять свои службы въ такихъ же церквахъ (уже

*) То-есть съ такими башнями, какъ на черт. 52-мъ. Купольныя покрытія, какъ на черт. 51-мъ, надо думать, были удержаны отъ греческихъ куполовъ русскими строителями и только по отношенію къ климатическимъ условіямъ, нѣсколько обострились и получили подгибъ въ основаніи.

**) Кромѣ того встрѣчается, что на восточныхъ и западныхъ пристройкахъ нѣкоторыхъ галицкихъ церквей не находится такихъ же куполовъ, какъ надъ среднею частью (видъ Креховскаго монастыря съ гравюры Дениса Сенкевича 1699 г.), а находятся маленькія главки, и этому обязаны, вѣроятно, опять-таки католическому духовенству, стремившемуся незамѣтнымъ образомъ подвести русскія церкви къ базилическому виду и въ фасадахъ.

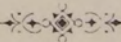
сходныхъ напр. съ Молфетской и Транинской церквами) и это для ихъ цѣлей было очень сподручно, такъ какъ здѣсь они какъ бы сближались съ русскими. Такимъ образомъ, если въ древности южно-русскія деревянныя церкви и носили нѣкоторый греческій характеръ, то онъ совсѣмъ затерялся, и церкви, представленныя на черт. 49-мъ, 50-мъ и 51-мъ, а также всѣ донскіе храмы могутъ считаться прямымъ подражаніемъ, дѣйствительно, церквамъ „отцевъ-доминиканцевъ“, какъ это и сказано въ изданіи „древняго искусства Польши“. Понятно, если бы эти церкви были народнаго русскаго искусства, то, во-первыхъ, такой типъ повторялся бы во всей Россіи (тогда какъ ихъ почти не встрѣчается въ сѣверной полосѣ), а во-вторыхъ, онѣ едва ли бы могли быть приняты католическою церковью, такъ какъ послѣдняя не мирилась съ нашимъ исповѣданіемъ и уже давно имѣла свой опредѣленный характеръ церковныхъ построекъ; между тѣмъ въ подобныхъ церквахъ и до сихъ поръ допускаются католическія богослуженія.

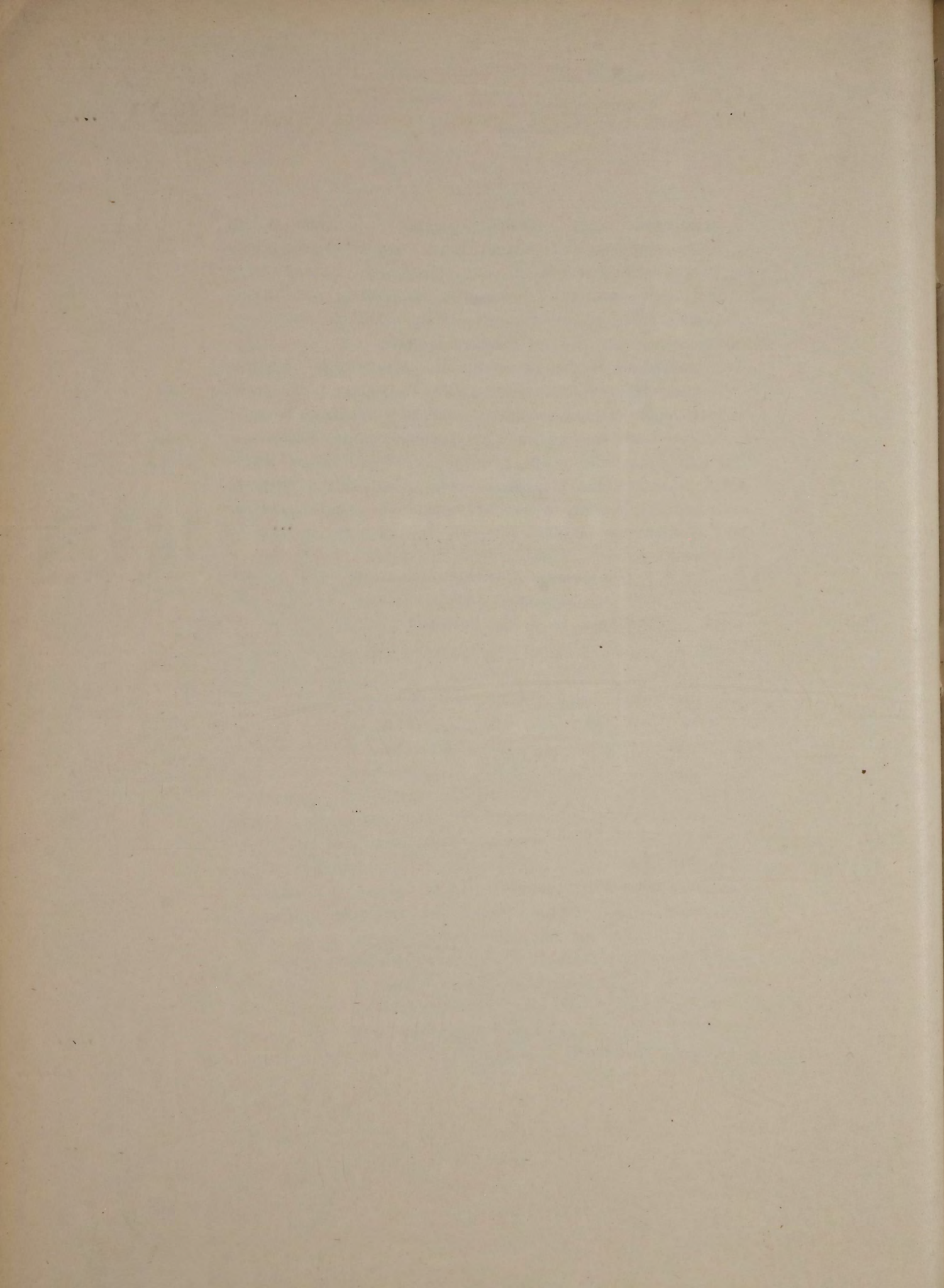
И такъ, сравнивая церковныя постройки, можно сказать, классической для насъ мѣстности Двины и Поморья съ южными церквами, мы видимъ существенную разницу самыхъ стилей и, мнѣ кажется, было большимъ заблужденіемъ нѣкоторыхъ ученыхъ, говорить о старинныхъ галицкихъ и малороссійскихъ церквахъ, какъ объ одномъ общемъ характерѣ древне-русской деревянной архитектуры, не вникая въ самобытныя черты древнихъ сѣверныхъ построекъ. Во всякомъ случаѣ разсмотрѣнные мотивы южныхъ храмовъ (въ особенности трехглавыя церкви) не имѣютъ въ себѣ чисто-русскаго, самостоятельнаго направленія и, на мой взглядъ, въ южно-русскихъ древнихъ церковныхъ сооруженіяхъ (напр. въ восьмиугольныхъ башняхъ, какъ мы указывали на надстройку Антверпенскаго собора, черт. 52-й) сказалось непосредственное вліяніе Запада. Это подтверждается отчасти и тѣмъ, что между казаками были литовцы и нѣмцы, какъ видно изъ одной отписи крымскому хану; „съ ними же (съ русскими казаками) живутъ разныхъ вѣръ люди — литва и нѣмцы, горскіе и запорожскіе черкесы, крымцы, ногайцы и азовцы и не одни они, донскіе казаки, царскаго повелѣнья не слушаютъ“...).

Заканчивая обзоръ южной деревянной архитектуры, мы должны оговориться, что всѣ сдѣланныя выше предположенія еще нуждаются въ нѣкоторыхъ подтвержденіяхъ. Главная цѣль настоящаго сочиненія заключалась въ ознакомленіи съ памятниками южной деревянной церковной архитектуры (преимущественно въ Землѣ Войска Донскаго), кромѣ того, мы старались указать на то, что наша сѣверная архитектура представляетъ существенное различіе отъ южной. Первая росла среди чисто русскаго народа, не подчиняясь политическимъ и религіознымъ волненіямъ; а вторая, хотя вѣроятно и была передаточнаго типа отъ Греціи къ нашему Сѣверу, тѣмъ не менѣе въ нее были внесены чуждые элементы западнаго искусства и, потерявши свой первоначальный характеръ, она не развивалась, а просто примѣнялась къ извѣстнымъ потребностямъ.

Примѣчаніе. Нѣкоторыя выше приведенныя указанія по церковному дѣлу на Дону любезно сообщены мнѣ В. Г. Дружининымъ.

Вл. Сусловъ.

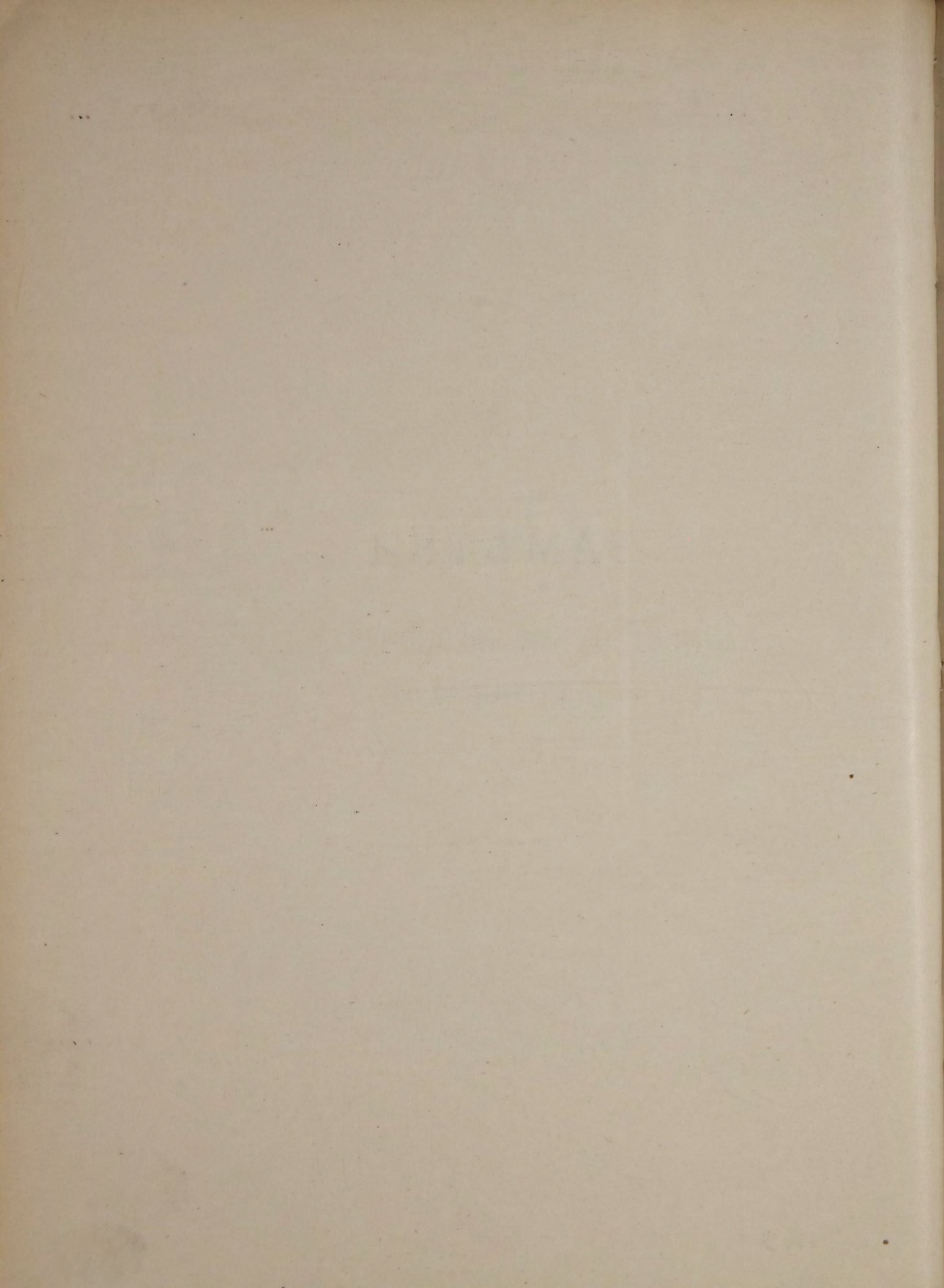




ЗАМѢТКИ

○

КАЛМЫЦКИХЪ И ДРЕВНЕ-РУССКИХЪ
ПОСТРОЙКАХЪ.



Въ одну изъ экскурсій по изслѣдованію памятниковъ древняго русскаго зодчества, мнѣ довелось посѣтить нѣкоторыя подмосковныя селенія, станицы верхней части Земли Войска Донскаго, гг. Астрахань, Казань, Нижній-Новгородъ и Владиміро-Суздальскій край. Многіе выдающіеся памятники русской старины, которые еще никѣмъ не были обслѣдованы, мною были обмѣрены и исполнены въ отдѣльныхъ рисункахъ для Императорской Академіи Художествъ; матеріаль же, собранный въ Донской области, послужилъ предметомъ особаго сочиненія. Остальныя замѣтки, могущія послужить матеріаломъ къ исторіи древняго русскаго искусства и въ частности къ общему обзору строительной дѣятельности въ Россіи, излагаю въ настоящемъ сочиненіи.

При посѣщеніи мною г. Астрахани, я прежде всего воспользовался случаемъ ознакомиться съ бытомъ и съ монастырскими постройками калмыковъ *).

*) Калмыки — коренные жители Чжунгаріи (восточной стороны), монгольскаго племени. О нихъ впервые упоминаютъ китайскія лѣтописи въ III-мъ вѣкѣ до Рожд. Христова. Жизнь ихъ не играла большой роли въ народахъ и только въ XIV ст. они составили знаменитый Ойратъ (союзъ), въ которомъ каждый отпрыскъ племени имѣлъ своего хана. Скоро союзъ калмыковъ распался и исторія ихъ на-долго сдѣлалась малоизвѣстною. Въ XVII вѣкѣ они снова расширяютъ свои владѣнія; изъ нихъ, Торгуты откочевываютъ къ Уралу и затѣмъ поселяются между Волгою и Яикою. По покореніи ихъ восточныхъ соплеменниковъ китайцами они присягнули на подданство Россіи и обязались оберегать Астраханскій край. Но всѣ эти обязательства были непрочны, и только благодаря политикѣ царя Петра, они сдѣлались вѣрными слугами русскаго

Монастыри ихъ, также какъ и самыя жилища, въ данное время раздѣляются на зимнія и лѣтнія.

Одинъ изъ весьма интересныхъ каменныхъ калмыцкихъ храмовъ (хоруловъ) находится въ 60-ти верстахъ внизъ отъ г. Астрахани, въ бывшемъ Александровскомъ улусѣ. Храмъ этотъ, какъ говорятъ, выстроенъ еще въ прошломъ столѣтїи и представляетъ собою слѣдующее расположеніе: (черт. 1-й, табл. I-я) крайнія двухъярусныя башенки *а, а*, служатъ какъ бы часовенками, черезъ которыя проходятъ въ полукруглый открытый портикъ *в, в*, въ серединѣ котораго устроено круглое помѣщеніе *с*, украшенное четырьмя нишами и назначавшееся для женщинъ. Изъ этого помѣщенія, имѣющаго снаружи видъ пирамидальной пятиярусной башни, черт. 2-й (фасадъ со стороны святилища), входятъ въ самый храмъ *д*, съ особыми придѣлами *ж, ж*. Помѣщеніе *д* покрыто коробовымъ сводомъ съ распалубками надъ верхними полукруглыми окнами (черт. 3-й). Надъ серединой этого помѣщенія возвышается съ фасада надстройка въ видѣ маленькой башни. Пристройки *ж, ж* соединяются съ главнымъ помѣщеніемъ шестью арками и перекрыты также коробовыми сводами. Онѣ имѣютъ сравнительно небольшую высоту и освѣщаются нижними большими прямоугольными окнами.

Въ глубинѣ храма находится самое святилище (алтарь), отдѣляющееся отъ помѣщенія *д* широкой аркой, въ которой

государства. По смерти же Петра ихъ разбои сдѣлались еще сильнѣе, чѣмъ были раньше; ихъ одноплеменники продолжали переселяться сюда изъ Китая и снова составлялась могучая калмыцкая орда. Екатерина II-я, предвидя опасное сосѣдство, отказала утвердить имъ хана и послала туда русскихъ чиновниковъ. Послѣдніе своимъ самоволїемъ произвели общій ропотъ калмыковъ и они въ числѣ 30.000 откочевали въ китайскія владѣнія. Остальные изъ нихъ, въ количествѣ 13.000 чел., остались на правомъ берегу Волги. При императорѣ Павлѣ бытъ послѣднихъ значительно улучшился: имъ отвели извѣстныя земли и утвердили хана-намѣстника. Александръ I подтвердилъ эти права и послалъ особаго пристава для защиты калмыцкаго народа. Въ 1848 году калмыцкія степи были раздѣлены на улусы и перешли въ вѣдѣніе министерства Государственныхъ Имуществъ.

Ремесль, земледѣлія и правильнаго управленія у нихъ не было. Грамотность извѣстнаго рода хотя и велась, но должныхъ понятій объ искусствѣ и наукахъ они не имѣли. Все ихъ движеніе на поприщѣ культуры выразилось въ

помѣщается родъ иконостаса съ среднимъ проходомъ „Канзь-Гина“. На карнизахъ этой декоративной перегородки хранятся богослужебныя книги, а внизу изображены по сторонамъ входа два льва. Святилище возвышается надъ поломъ остальнаго помѣщенія на одну ступень. Противъ входа въ алтарь находится престолъ (*Таклинъ-Ширя*), соприкасающійся со стѣною, и имѣетъ видъ, показанный на черт. 4-мъ. На серединѣ возвышенной части этого престола находится изображеніе главнаго калмыцкаго бога (бурханъ — Аюша). Этотъ идолъ сдѣланъ — какъ меня увѣряли калмыки — изъ золота, на головѣ его надѣта остроконечная шапочка, а корпусъ покрытъ матеріей, вродѣ плаща, который на груди перевязанъ шнурами съ спускающимися кистями. Изъ-подъ ногъ идола спадаютъ различныя священныя ткани. На самомъ престолѣ (Канзь-Гинь) стоятъ пять чашечекъ съ рисомъ, имѣющимъ аллегорическое значеніе во время богослуженій. Надъ престоломъ находятся изображенія трехъ божествъ, изъ нихъ главный *Бакша*, а внизу *Аидве* и *Матринъ-Гегенъ* (матерь бога).

Внутреннія стѣны всего храма украшены множествомъ картинъ, съ изображеніемъ различныхъ второстепенныхъ боговъ и разныхъ сценъ, гдѣ боги ихъ оказываютъ то или другое вліяніе на земную жизнь. Картины писаны чрезвычайно условно, но техника встрѣчается замѣчательная. Изображенія эти разной величины и вшиты въ парчевыя матеріи, привѣшенныя

извѣстномъ законодательствѣ степнаго уложенія, нѣкоторыхъ опытахъ земледѣлія и въ постройкѣ маленькихъ крѣпостей.

Калмыки дѣлятся на благородныхъ (бѣлая кость) — найоны, и простолюдиновъ (черная кость) — зайсанги. Населенія ихъ раздѣлены на три улуса: Верхній, Средній и Нижній. Каждый улусъ состоитъ изъ сотенъ; къ сотнѣ приписано отъ 10 до 25 хутуновъ, въ каждомъ хутунѣ считается отъ 10 до 25 кибитокъ (или семействъ). Послѣднія управляются хутунными старостами «*дарга*». Калмыки — послѣдователи Буддйскаго исповѣданія и глава ихъ духовенства — *Лама*. Монастыри управляются настоятелями и младшимъ духовенствомъ: гелюнами (священниками-монахами), гицули (діаконами) и маджи (дьячками). Священство это содержится улусами на особые налоги съ каждой кибитки.

Калмыки занимаются, кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей, писаніемъ священныхъ изображеній и лѣченіемъ калмыцкаго народа, руководствуясь при этомъ старинными книгами. Они постоянно имѣютъ сношенія съ Тибетомъ и получаютъ изъ города Лассы священныя книги, четки, лѣкарства, ноты, рѣзные кумиры и утварь для своихъ храмовъ — хоруловъ.

къ горизонтальнымъ деревяннымъ прутьямъ, прикрѣпленнымъ къ стѣнамъ (черт. 3-й). Кромѣ того, для украшенія храма къ связямъ сводовъ прикрѣплены особые матерчатые цилиндры (*чимики*), имѣющіе эмблематическое значеніе. Они состоятъ изъ маленькихъ кусочковъ цвѣтныхъ матерій, сшитыхъ въ видѣ чешуи. Въ серединѣ помѣщенія *д* находится столикъ *е*, на которомъ поставлены свѣчи и разложены другія принадлежности для молебновъ и разныхъ богослуженій. Въ большихъ службахъ употребляются курительныя свѣчи и зажигаются особыя свѣчи въ мѣдныхъ чашечкахъ. Молитвы (кюрдэ), читаемыя при богослуженіи, написаны на длинномъ листѣ бумаги, который наворачивается на особый валъ (черт. 1-й) и, по мѣрѣ чтенія молитвы, свитокъ снова наматывается. Вся внутренность храма не грандіозна и отдѣлана довольно просто, между тѣмъ наружный видъ его весьма представительнъ и отличается пестротой архитектурныхъ деталей. Хорулъ построенъ собственно въ стилѣ ренессансъ, но довольно безграмотно, такъ что выражены только главные мотивы. Украшенія крышечекъ, башенъ, карнизовъ и шпилей сильно отзываются китайскимъ стилемъ. Зданіе въ главныхъ своихъ частяхъ расположено эффектно и, при тѣхъ стѣняхъ, которыя его окружаютъ, производитъ довольно сильное впечатлѣніе.

Изъ другихъ типовъ калмыцкихъ храмовъ (черт. 6-й) приведенъ хорулъ въ Больмашинской сотнѣ Донской области. Онъ также состоитъ изъ входной части, — предхрамія, двухъ придѣловъ и самого храма, но только предыдущій хорулъ имѣетъ продолговатую форму по главной оси, а этотъ вытянутъ въ поперечномъ направленіи. Первое мѣсто въ этомъ храмѣ предназначено для ламы, по бокамъ котораго садятся нѣсколько монаховъ (гелюновъ). Передъ мѣстомъ ламы находится алтарь или просто возвышеніе для идоловъ. По бокамъ алтаря иногда ставились особые свѣтильники. Придѣлы хорула съ фасада отдѣлены особыми крышами, а надъ среднею частью храма находится маленькая башенка, съ приподнятою на углахъ крышею. Последняя увѣнчивается высокимъ шпилемъ, оканчивающимся полукружіемъ и небольшимъ шарикомъ.

Кромѣ хоруловъ, у калмыковъ встрѣчаются часовни, въ которыхъ хранится прахъ важныхъ особъ и масса различныхъ священныхъ изображеній (изъ терракотты, писанныхъ на шелку и т. п.), расположенныхъ по внутреннимъ стѣнамъ часовни. Фасады ихъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ деталей, почти не имѣютъ опредѣленнаго типа. Каменные богатые хорулы въ Астраханской губ. встрѣчаются довольно рѣдко. Въ Черноярскомъ уѣздѣ существуютъ такъ-называемыя „саманныя“ постройки. Онѣ выложены изъ крупнаго кирпича, который дѣлается изъ глины, смѣшанной съ соломой, и высушивается на солнцѣ (кирпичи эти длиною 12 вершк., шириною 8 вершк. и толщиною 4 вершка).

Помимо зимнихъ храмовъ, у калмыковъ есть еще лѣтніе монастыри. Одинъ изъ такихъ монастырей мнѣ пришлось видѣть въ нѣсколькихъ верстахъ отъ описаннаго Александровскаго каменнаго хорула. Онъ состоитъ изъ цѣлаго ряда кибитокъ слѣдующаго расположенія (черт. 7-й).

Среди обширной степи, на совершенно гладкой мѣстности раскинуто по кругу довольно большаго діаметра (около 40 саж.) нѣсколько круглыхъ кибитокъ. Кибитки эти распредѣлены такъ, что въ одномъ мѣстѣ онѣ имѣютъ большой интервалъ *a*, который служить входомъ во дворъ *b*. Въѣздъ въ этотъ дворъ никому не допускается, а входить могутъ обыкновенно только одни поклонники ламы. По бокамъ этого двора расположены кибитки *c*, предназначенныя для монаховъ (гелюновъ) и другихъ священнослужителей. На сторонѣ противоположной входу во дворъ *b*, находятся двѣ кибитки для настоятеля монастыря. Онѣ имѣютъ съ боковъ нѣсколько большій промежутокъ, чѣмъ между кибитками монаховъ и сами по себѣ крупнѣе остальныхъ. По діаметру, перпендикулярно къ оси входа, расположены пять большихъ кибитокъ, изъ которыхъ средняя, самая большая, служить главнымъ храмомъ для торжественныхъ службъ. Каждая изъ этихъ кибитокъ (хоруловъ) предназначена для особыхъ богослуженій; въ однѣхъ идутъ постоянныя службы въ продолженіе постовъ, соблюдаемыхъ калмыками по три раза въ каждый мѣсяцъ; въ другихъ кибиткахъ происходятъ отдѣльные молебны, передъ ѣдой и передъ питьемъ кумыса, а

въ средней главной кибиткѣ идутъ праздничныя службы (въ особенности торжественно отправляется одна большая служба — *Юрю-Салинъ*, въ маѣ мѣсяцѣ). Устройство кибитокъ мы рассмотримъ далѣе, а теперь обратимся къ внутреннему расположенію монастырскихъ храмиковъ. Главная центровая кибитка, какъ и остальные, имѣетъ маленькую дверку *а* (черт. 8-й), противъ которой у стѣны помѣщается невысокій престолъ *е* съ сидячею статуей главнаго бога Аюки. Передъ этимъ престоломъ идетъ узенькая дорожка, по бокамъ которой поставлены двѣ невысокія скамейки *с. с.* Настоятель монастыря во время богослуженія садится по восточному обычаю, впереди между скамейками, лицомъ къ престолу, а монахи (*д, д, д*), обратясь другъ къ другу стоять на колѣняхъ вдоль скамеекъ *с, с* и во время службы держать въ рукахъ мѣдные двухконечные якорьки.

Благодаря попечителю калмыцкаго народа, при мнѣ былъ исполненъ одинъ изъ монастырскихъ молебновъ (съ хораломъ). Это въ высшей степени оригинальное служеніе началось съ того, что на монастырскомъ дворѣ появился одинъ изъ гелюновъ и пронзительно затрубилъ въ рожокъ, созывая такимъ образомъ всѣхъ монаховъ на молитву. Послѣдніе одѣваются въ длинныя шелковые плащи самыхъ яркихъ цвѣтовъ и, выходя изъ кибитокъ, направляются къ срединѣ двора. Сгруппировавшись передъ главной кибиткой (хоруломъ), однимъ монахамъ подали флейты, барабаны и мѣдныя тарелки, а другимъ — громадныя мѣдныя трубы „бюра“, для которыхъ были принесены особыми послушниками двѣ шайки воды. Этой водой монахи нѣсколько разъ обмыли внутренности трубъ (*бюра*) и широкіе концы ихъ положили на плечи другихъ монаховъ. Окончивъ остальные приготовленія, служба открылась общимъ аккордомъ всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ, изъ которыхъ трубы (*бюра*) получали какую-то особенную силу въ оркестрѣ. Чрезвычайно своеобразные мотивы, диссонансы и дикіе переходы отъ минора въ мажоръ громко и далеко разносились по безконечной дали калмыцкихъ степей.

Изъ церковныхъ предметовъ калмыковъ особенно интересными мнѣ показались общепринятыя въ хорулахъ шкафчики съ особыми затворами, для помѣщенія въ нихъ калмыцкихъ идо-

ловъ. Эти шкафчики (*махаранзе*), показанные на рисункѣ 9-мъ, представляютъ собою два или три ряда нишекъ, въ которыхъ разставлены, по степенямъ значенія, ихъ идолы (сдѣланные часто изъ золота) и различные барельефы, представляющіе сцены или отдѣльных боговъ. Въ средней верхней нишѣ всегда помѣщается главный богъ, во второй—божія башня, въ третьей—*Недьбергъ-Юзюкчи*, въ четвертой—Очарованіе и т. д. На дверкахъ также иногда изображались особыя божества. Для меня, собственно, показалась здѣсь весьма любопытною форма самого шкафчика и очертаніе нишекъ, такъ какъ наши русскіе складни имѣютъ въ своемъ устройствѣ совершенно такой же характеръ.

Въ виду того, что всѣ церковныя вещи калмыковъ присылаются изъ Тибета, то понятно, что эти формы попали къ калмыкамъ прямо съ Востока. Что-же касается подобнаго же общепринятаго устройства и формы нашихъ складней, а равно и складней (напр., въ *museo di classe* въ Равеннѣ XII ст.) вообще въ византійскомъ искусствѣ, то ихъ происхожденіе лежитъ вѣроятно на Востокѣ, и можетъ быть въ подобныхъ же церковныхъ предметахъ, какъ и *махаранзе*. Во всякомъ случаѣ, вопросъ этотъ довольно важный и требуетъ тщательной разработки; намъ же въ настоящее время важенъ тотъ фактъ, что въ калмыцкихъ *махаранзе* мы видимъ полную аналогію съ русскими церковными складнями *).

Домашній очагъ и все хозяйство калмыковъ, какъ и у всѣхъ кочевыхъ народовъ, находится въ одной круглой кибиткѣ (аршинъ 5—6 въ діаметрѣ и высотой около 4 арш.). Кибитка обыкновенно представляетъ собою невысокую цилиндрическую стѣнку съ конусообразнымъ покрытіемъ (черт. 10-й). Скелетъ кибитки (термэ) имѣетъ видъ рѣшетки, составленной изъ тонкихъ прутьевъ, переплетенныхъ подъ угломъ 45° (черт. 11-й). Верхнее покрытіе кибитки состоитъ изъ нѣсколькихъ жердей, вставленныхъ нижними концами въ деревянное кольцо, лежащее на рѣшетчатой цилиндрической стѣнкѣ, а

*) При болѣе подробномъ изслѣдованіи другихъ калмыцкихъ церковныхъ предметовъ, является весьма интересною деревянная рѣзьба, живопись на шелку, терракотовые барельефы и т. п.

верхніе концы ихъ опираются въ маленькое деревянное кольцо у вершины покрытія. Этимъ отверстіемъ пользуются для освѣщенія и выхода дыма изъ кибитки. Бѣдные семейства обиваютъ внѣшнія стороны своихъ жилищъ сухимъ болотнымъ растеніемъ—ситнякомъ, называемымъ на ихъ языкѣ „зегесень“. Болѣе зажиточные калмыки обшиваютъ всю палатку семью войлоками (деберь), изъ которыхъ одинъ верхній (орьке), надъ отверстіемъ, можетъ открываться и закрываться, смотря по необходимости. Эти войлоки обвязываются тридцатью двумя бичевками (хошлунгъ). Дверь въ кибитку или юрту (эркенъ) закрывается также войлокомъ. Противъ двери ставится кровать *а* (черт. 12-й), устланная коврами, а по бокамъ находятся сундуки съ имуществомъ; полъ обыкновенно покрывается коврами и на немъ разбрасываются разныя вещи, нужныя для обыденной жизни. Здѣсь они бесѣдуютъ, пьютъ свой чай (кирпичный, сваренный съ мясомъ) и работаютъ различныя подѣлки изъ желѣза *).

Описанное нами устройство кибитокъ принадлежитъ къ лѣтнимъ кочевкамъ (куря), на зиму же калмыки переходятъ въ особыя землянки (мазанки), которыя однако привились сравнительно въ недавнее время. Эти мазанки (тарлунки) устроены слѣдующимъ образомъ (черт. 13-й и 14-й): въ границахъ небольшого прямоугольника поставлено восемь высокихъ пней *в.в...* обращенныхъ корнемъ вверхъ. Между этими пнями „бахна“ (или по мѣстному русскому названію — сохами), воткнуты въ землю еще нѣсколько стоекъ „чеблыкъ“; послѣднія обвиваются хворостомъ въ такомъ видѣ, какъ показано на черт. 15-мъ и 16-мъ. На сохи *в* (черт. 14-й) кладутъ прогоны *а*, а затѣмъ балки „гольдэнъ“ (по мѣстному — матки); на эти балки раскладываютъ жерди, и на нихъ уже настилаютъ хворостъ. Весь этотъ скелетъ обмазываютъ глиною съ коровьимъ навозомъ и наконецъ всѣ стѣны жилого помѣщенія бѣлятъ кра-

*) Такъ наприм., они дѣлаютъ пояса, украшенные орнаментированными желѣзными пластинками чеканной работы и маленькими выпуклыми бляхами. Для отливки подобныхъ украшеній, калмыки дѣлаютъ особыя углубленныя формочки въ коровьихъ рогахъ; самая же отливка и работа желѣзныхъ вещей происходитъ при помощи мѣховъ, тагана, наковальни и др. приспособленій.

скою. Крыша также промазывается глиною и остается плоскою (черт. 17-й). Мазанки собственно раздѣляются на двѣ части: въ первой находятся сѣни и кладовая или отдѣленіе для мелкаго скота, а вторая часть составляет жилое помѣщеніе. Здѣсь стоит печка съ котломъ для воды, а по стѣнамъ прибиты полки для посуды и другихъ хозяйственныхъ надобностей. Мазанки освѣщаются маленькими окнами и снаружи почти до половины засыпаются землею или глиною для сохраненія тепла въ помѣщеніи.

Этими примитивными постройками зимнихъ кочевковъ и ограничивается вся строительная дѣятельность монголо-калмыцкаго народа.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о распространенномъ типѣ строеній около Астрахани, приспособленныхъ къ рыбнымъ промысламъ, а затѣмъ перейдемъ къ памятникамъ древне-русской архитектуры.

Промыслы или ватаги раскинуты по берегамъ Волги вродѣ хуторовъ. Необходимыя принадлежности каждаго промысла состоятъ изъ нѣсколькихъ паръ лодокъ, „рыбницъ“, „одного или нѣсколькихъ ледниковъ“, „выходовъ“, для посола рыбы, и изъ особаго плота или сходней отъ берега къ леднику (сажень на 20 или на 30 длины). Между берегомъ и „выходомъ“ находятся лабазы, амбары съ солью, кладовыя и разныя необходимыя принадлежности промысла. „Выходы“ или ледники для посола рыбы дѣлаются слѣдующимъ образомъ (черт. 18-й и 19-й): по направленію перпендикулярному теченію рѣки, въ 30—40 саженьхъ отъ воды, выкапываютъ въ землѣ яму, обыкновенно длиною въ 30 саж., шириною въ 10 саж. и глубиною 3 арш. 4 вершка. Въ длину этого пространства, отдѣляютъ узкое помѣщеніе *е*, для сохраненія льду. Въ концѣ „выхода“ обращеннаго къ рѣкѣ пристраивается „передвыходъ“, состоящій изъ помѣщенія *в* для склада соли, *с*—для носилокъ и другихъ самыхъ употребительныхъ вещей во время солки рыбы, и проходъ *а*. Пространство между помѣщеніями *е*, *е* (собственно ледниками) разбивается въ длину на три помѣщенія *ж*, *ж*, *ж*; и въ нихъ устраиваются сплошные прочные полы. Затѣмъ каждое изъ помѣщеній *ж* дѣлится особыми перегородками,

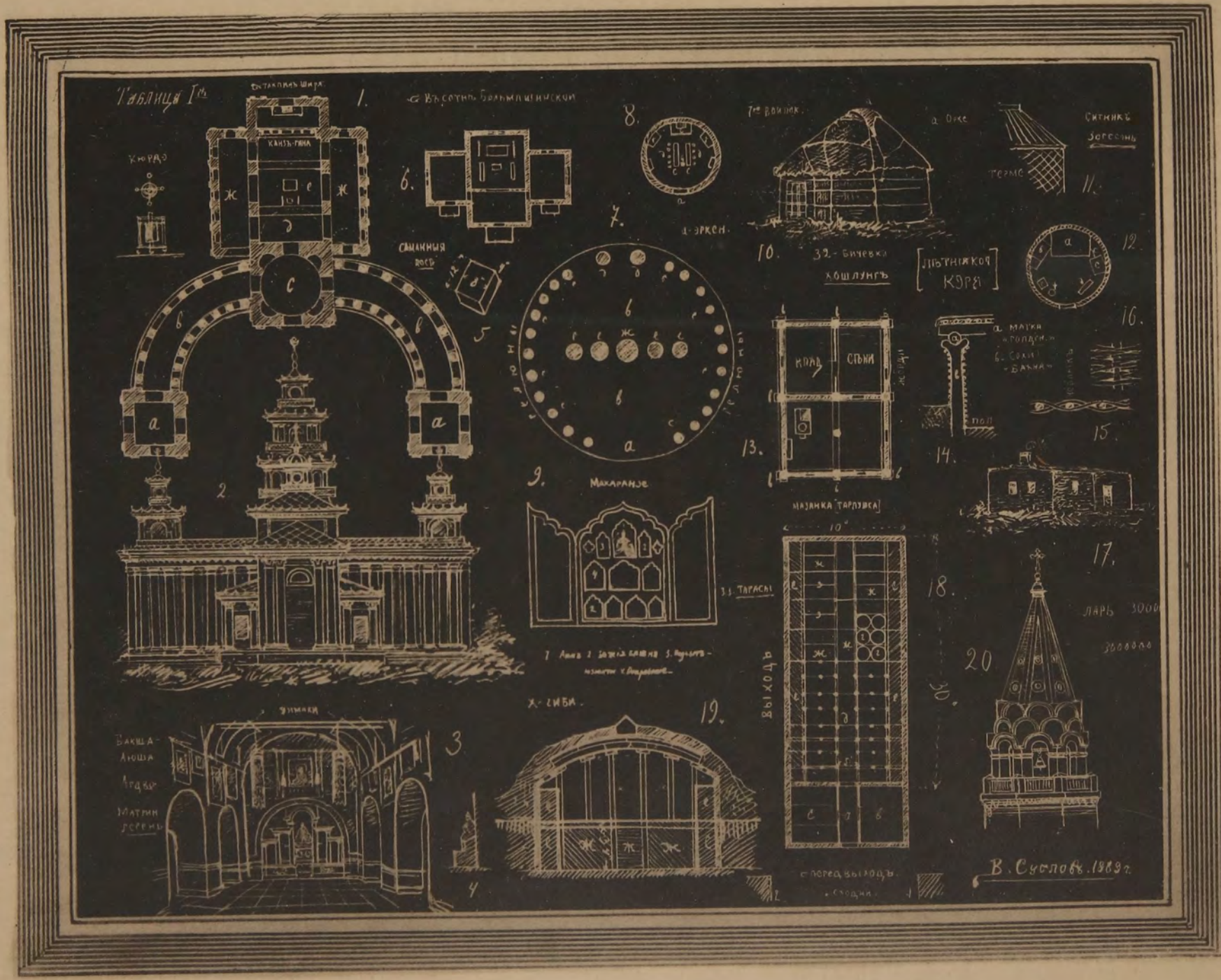
„тарасами“, на множество мелкихъ ящичковъ, называемыхъ „ларями“. Въ этихъ-то ларяхъ и производится солка рыбы. Прежде вмѣсто ларей ставили круглые чаны, но такъ какъ между ними образовывались не производительныя пустоты, то въ настоящее время они выходятъ изъ употребленія. Каждый ларь вмѣщаетъ до 30.000 сельдей, а весь выходъ можетъ посолить до 3.000.000 *).

Верхняя часть „выхода“ покрывается деревяннымъ сводомъ, устроеннымъ такимъ образомъ: все помѣщеніе въ длину раздѣляется четырьмя рядами стоекъ въ одинаковомъ разстояніи. На этихъ стойкахъ черезъ посредство клиньевъ лежатъ согнутыя балки „гиби“, поверхъ которыхъ настилаются доски. На послѣднія насыпаютъ землю и затѣмъ все перекрытіе обкладываютъ дерномъ. Ледъ въ помѣщеніи е насыпаютъ обыкновенно выше уровня пола, а для большаго сохраненія его отъ таянія, „выходъ“ съ вѣшной стороны засыпаютъ землей. Для свѣта и вентиляціи „выхода“ дѣлаютъ въ сводѣ или потолкѣ нѣсколько стеклянныхъ фонарей. Передъ посоломъ рыбы, средняя часть выхода застилается досками, по нимъ носятъ и возятъ на тачкахъ свѣжую рыбу сначала въ боковые лари; затѣмъ, когда послѣдніе наполнятся рыбой, разбираютъ доски средняго прохода и постепенно заполняютъ его рыбой. Такимъ образомъ, когда весь „выходъ“ готовъ къ солкѣ, то поверхъ ящичковъ или ларей образуется сплошной полъ.

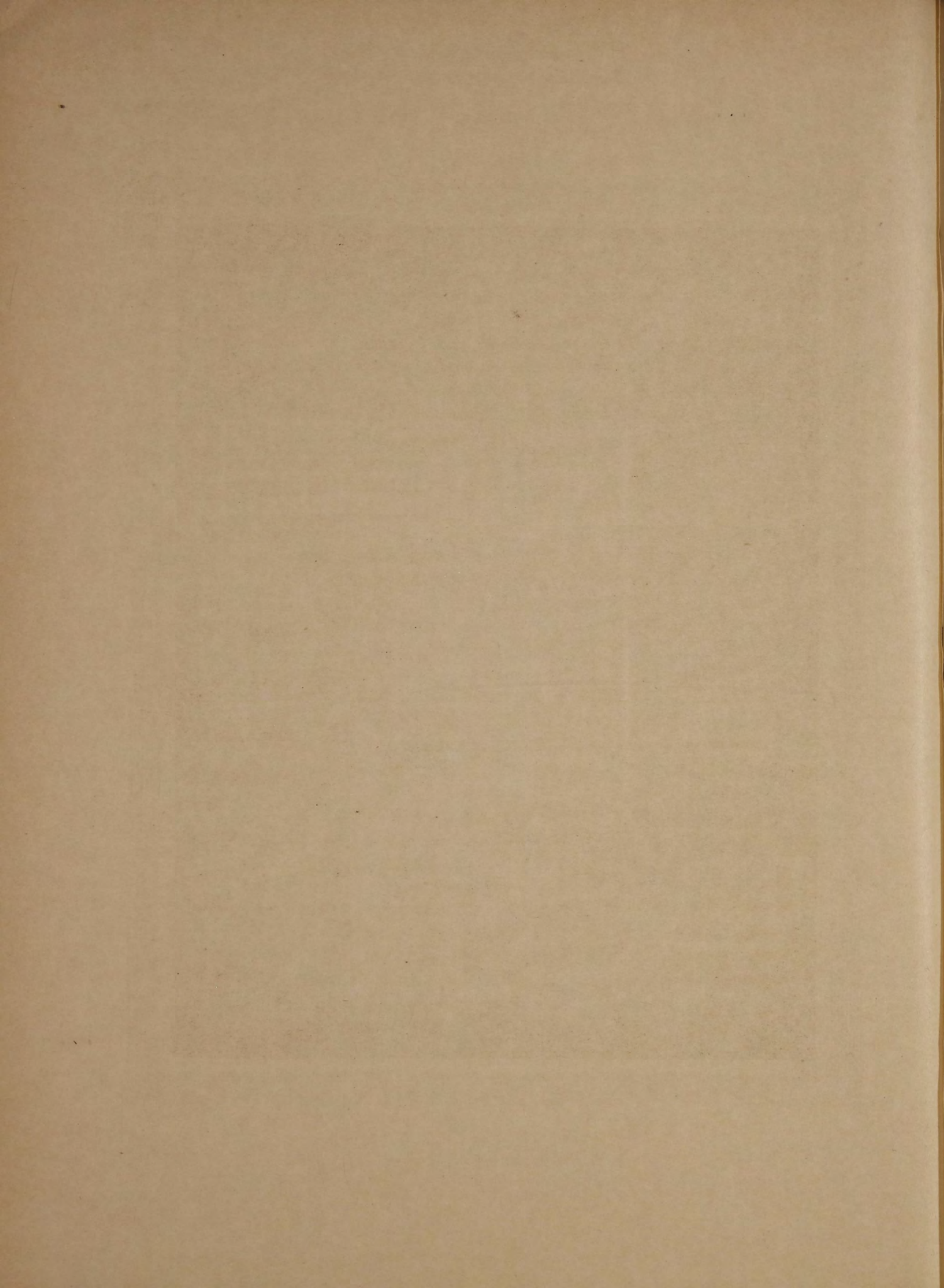
Переходя теперь къ памятникамъ древне-русскаго искусства, обратимся къ городу Астрахани.

Послѣдній, имѣя значеніе оживленнаго базара для Запада и Востока, производитъ довольно оригинальное впечатлѣніе. Вы видите здѣсь множество рѣчныхъ и морскихъ судовъ всевозможныхъ формъ и размѣровъ. Васъ поражаетъ разнообразіе типовъ, костюмовъ, нарѣчій и т. п. Съ перваго взгляда русскій типъ даже теряется, но за то, когда вглядитесь, найдете, что русскій элементъ даетъ здѣсь свой тонъ, все какъ будто сплочиваетъ и имѣетъ видъ хозяина.

*) Наибольшее значеніе имѣетъ здѣсь простая сельдь *бѣшенка*, называемая такъ потому, что идетъ не спокойно, а сплошными полосами (косяками). Уловъ ея ежегодно простирается до 200 милліоновъ штукъ и болѣе.



Фототипия Евг. Гофферсъ. С.-Петербургъ. Мѣщанская 19.



Изъ древнихъ построекъ г. Астрахани заслуживаютъ особеннаго вниманія главный соборъ и Кремль. Послѣдній былъ построенъ въ концѣ XVII ст. и представляетъ собою довольно капитальное сооруженіе, въ видѣ высокихъ стѣнъ съ башнями. Длина Кремля простирается до 225 саж., а ширина 175 саж. Характеръ обдѣлки зубчатыхъ стѣнъ и башенъ довольно обыкновенный, а потому мы остановимся только на главномъ кремлевскомъ Успенскомъ соборѣ. Это огромное сооруженіе царитъ надъ всѣмъ городомъ и видно съ нѣкоторыхъ пунктовъ за 30 верстъ отъ Астрахани. Храмъ строился съ 1699 до 1760 года подъ наблюденіемъ астраханскаго митрополита Самсона и его помощника Дорооѣя Мякишева. Соборъ этотъ двухъ-этажный и состоитъ, по каждому этажу, изъ главнаго квадратнаго помѣщенія съ четырьмя внутренними столбами, и трехъ-абсиднаго алтаря (черт. 1-й, табл. II-я). Нижній этажъ церкви окаймляется галлерейкой *a*, состоящей изъ нѣсколькихъ, довольно красивыхъ двойныхъ арочекъ съ сережками. Съ западной стороны собора весьма живописно раскинута открытая лѣстница во второй этажъ храма. Средняя площадка лѣстницы *b* для водосвѣтія и молебновъ выступаетъ полукружіемъ впередъ. Надъ галлереей нижняго этажа идетъ полъ съ парапетомъ приходящимся надъ самыми арками, такъ что верхній этажъ окаймляется собственно открытымъ балкономъ.

Фасадъ Успенскаго собора имѣетъ съ каждой стороны троечастное дѣленіе и увѣнчивается пятью главами. Стилъ его въ общихъ формахъ и въ отдѣлкѣ галлерей—русскій, но въ нѣкоторыхъ деталяхъ, какъ напримѣръ, въ окнахъ, замѣчается Елизаветинскій ренесансъ. Детальныя украшенія храма исполнены довольно хорошо—особенно интересна главная дверь собора, сдѣланная изъ кованаго желѣза съ различными орнаментами. Внутреннія стѣны искусно росписаны подъ мраморъ. Громадную восточную внутреннюю стѣну верхней церкви закрываетъ восьми-ярусный иконостасъ, состоящій изъ 130-ти иконъ позднѣйшаго московскаго мастерства. Онъ выражаетъ собою наглядное представленіе чуть-ли не всего Вѣтхаго и Новаго Завѣтовъ. Нижній этажъ храма сравнительно низенькій и служитъ усыпальницею нѣкоторыхъ извѣстныхъ историческихъ лицъ. Въ со-

борѣ находится много старинныхъ интересныхъ серебряныхъ лампадъ, сосудовъ и т. п. Кромѣ того, въ архіерейской ризницѣ хранится прекрасная коллекція древнихъ церковныхъ и другихъ весьма художественныхъ предметовъ. Внѣшній величественный видъ Успенскаго Астраханскаго собора съ его кремлевскими стѣнами обращаетъ вниманіе каждаго путешественника и даже самъ царь Петръ, увидѣвши этотъ соборъ, сказалъ, что такого лѣпотнаго храма нѣтъ во всемъ его государствѣ *).

Другія старинныя церкви въ городѣ мало интересны, такъ какъ многія изъ нихъ передѣланы, или-же мало имѣютъ въ себѣ русскихъ формъ. Къ болѣе интереснымъ памятникамъ принадлежитъ церковь Св. Троицы и Іоанна Предтечи. Кромѣ этихъ церквей, въ Астрахани любопытна колокольня Ивановскаго монастыря (черт. 20-й, табл. I-я). Она останавливаетъ вниманіе изслѣдователей русскаго искусства тѣмъ, что надъ арками самаго звона колокольни идутъ еще два ряда украшеній, состоящихъ изъ полукружій. Такой мотивъ встрѣчается довольно рѣдко при шатровомъ покрытіи.

Возвращаясь изъ г. Астрахани, — крайняго пункта моего путешествія, я направился вверхъ по р. Волгѣ до гор. Казани. Чудные берега рѣки, усѣянные цѣлыми рядами отвѣсныхъ скалъ, пещеръ и утесовъ, связанныхъ съ фантастическими разсказами о разныхъ событіяхъ, невольно напоминаютъ путешественнику о всей жизни поволжскаго края. Здѣсь вы видите знаменитые бугры Стеньки Разина, горы Жигули, всевозможные овраги и дикіе утесы, связанные съ воспоминаніями о былой, беззавѣтной удали русскаго народа. Тутъ сложились поэтическія легенды и пѣсни о разныхъ мѣстахъ, отмѣченныхъ народною памятью, и теперь широко разносятся по всей матушкѣ великой Волгѣ.

Минуя мѣста бывшаго Булгарскаго царства, гдѣ еще и до сихъ поръ сохраняются остатки каменныхъ сооружений X—XV в., я прибылъ въ городъ Казань.

Здѣсь также невольно вспоминается вѣковая борьба Мо-

*) Въ гор. Астрахани находится домикъ Петра Великаго, гдѣ между древними вещами хранится плезиръ-яхта и верейка, на которой государь съ государыней Екатериной I-й осматривали окрестности Астрахани.

сковскаго и Казанскаго царствъ, невольно поднимается въ воображеніи и величественный образъ царя Ивана Васильевича Грознаго, подъ рѣшительнымъ ударомъ котораго на-вѣки замерло Казанское царство.

Обращаясь къ памятникамъ русскаго искусства въ г. Казани, мы упомянемъ только о тѣхъ изъ нихъ, которые были мною обмѣрены и зачерчены. Къ такимъ памятникамъ относится весьма интересная Спасская башня (черт. 2-й, 3-й и 5-й, табл. II-я). Она состоитъ изъ четырехъ ярусовъ и по своимъ крупнымъ размѣрамъ довольно величественно царить надъ всѣмъ Кремлемъ. Въ первомъ этажѣ этой башни находился проѣздъ въ Кремль (черт. 5-й); причемъ внѣшнія ворота были съ боку башни съ восточной стороны, а внутреннія — надъ серединой башни съ сѣверной стороны. Этотъ, обычный въ древности, угловой проѣздъ нынѣ задѣланъ и ворота устроены рядомъ съ башней въ самой стѣнѣ Кремля. Южную часть втораго этажа башни нынѣ занимаетъ часовня, въ которую входятъ по открытой лѣстницѣ съ южной стороны. Въ остальномъ помѣщеніи втораго этажа устроены сторожка и лѣстница, ведущая на самый верхъ башни.

Третій ярусъ составляетъ высокое восьмиугольное помѣщеніе (до 17-ти арш. ширины и 13 арш. высоты), перекрытое массивнымъ сомкнутымъ сводомъ. При переходѣ квадратнаго помѣщенія втораго этажа въ восьмиугольное, устроено четыре паруса, состоящихъ изъ перемычечныхъ арочекъ (черт. 3-й и 4-й, табл. II-я). На сводѣ третьяго яруса или этажа башни возвышается второй восьмиугольникъ, въ видѣ сквозной башенки съ шатровымъ верхомъ. Ширина этой башенки со стѣнами доходить однако до 11 аршинъ, а высота до 18 арш.; въ ней помѣщается набатный колоколъ. Массивный пирамидальный сводъ ея украшенъ однимъ рядомъ маленькихъ слуховыхъ оконъ и увѣнчивается красивымъ двуглавымъ орломъ. Открытая лѣстница и крыльцо съ южной стороны башни позднѣйшія. Общее устройство, главныя формы, украшенія оконъ третьяго этажа и карнизикъ прямоугольной части башни еще довольно чистаго русскаго стиля, между тѣмъ украшенія надъ арочками верхней открытой башенки и разрывные фронтоны

съ шариками относятся къ упадку древне-русскаго зодчества. Вообще надо думать, что если не вся башня, то наружная обработка ея относится къ послѣднимъ годамъ XVII ст.

Изъ другихъ, наиболѣе интересныхъ древнихъ зданій города Казани могъ бы считаться Кремлевскій соборъ *), но онъ, къ сожалѣнію, не сохранился въ первоначальномъ видѣ. Западная пристройка его представляетъ собою продолженіе самаго храма съ поарочнымъ же покрытіемъ, такъ что весь храмъ принадлежитъ какъ будто одной эпохѣ; но такъ какъ подобнаго типа построекъ у насъ не встрѣчается, то надо думать, что эта часть храма позднѣйшая. Съ южной стороны возвышается небольшая отдѣльная стѣна, предназначавшаяся, вѣроятно, для звоницы. Внѣшній видъ собора по своимъ деталямъ указываетъ, что строители его были дѣйствительно псковскіе мастера. Во всякомъ случаѣ, соборъ нынѣ не представляетъ особеннаго интереса, а потому перейдемъ къ весьма любопытной башнѣ Сумбеки (черт. 6-й и 7-й **).

Она выложена изъ кирпича и раздѣляется на шесть ярусовъ, достигающихъ съ верхнимъ шатрикомъ до 35 саж. Въ сѣверо-восточномъ углу башни находится входъ въ нее и по прочнымъ каменнымъ лѣстницамъ можно достигнуть самаго верхняго яруса. Въ первомъ этажѣ башни устроенъ проѣздъ, перекрытый коробовымъ сводомъ. Помѣщеніе втораго яруса башни покрыто такимъ же сводомъ, но только въ обратномъ направленіи. Внутренность третьяго этажа башни перекрыта прямоугольнымъ сомкнутымъ сводомъ, на которомъ стоятъ послѣдующіе восьмиугольные ярусы, перекрытые сомкнутыми сводами. Въ царствованіе Анны Іоанновны башня Сумбеки была увѣнчана государственнымъ гербомъ, выше котораго

*) Онъ построенъ при Іоаннѣ Грозномъ псковскимъ каменщикомъ Ив. Ширяемъ съ братією, подъ руководствомъ епископа Гурія.

**) Башня эта получила свое названіе въ память послѣдней казанской царицы Сююнбеки, имя которой сдѣлалось легендарно-поэтическимъ. Она представляется народною молвою несчастною женщиною, которая, при своей очаровательной наружности и блестящей царской обстановкѣ, испытала въ своей жизни много тяжелыхъ страданій и наконецъ была безмолвной свидѣтельницею окончательнаго паденія своего отечества.

на длинномъ и тонкомъ шпилѣ укрѣпленъ ярко вызолоченный шаръ *).

Башня Сумбеки прекрасно сохранилась до настоящаго времени и весьма интересна какъ по своей конструкціи и силуэту, такъ и по своей громадной величинѣ. Она признается современными учеными за минаретъ главной мечети, находившейся по сосѣдству съ ханскимъ дворцомъ, разрушеннымъ русскими при взятіи Казани. Допускаютъ при этомъ, что самая верхняя часть башни была передѣлана. Между тѣмъ, судя по обработкѣ парапетовъ, состоящихъ изъ квадратныхъ впадинокъ и продолговатыхъ вертикальныхъ отверстій (черт. 9-й), а также по обдѣлкѣ пятого яруса арочками и пилястрами, башня Сумбеки можетъ считаться одинаковаго характера съ только что описанною Спасскою башнею. Кромѣ того, устройство поясковъ, пилястръ, оконъ и наличниковъ (черт. 8-й) въ башнѣ Сумбеки, совершенно сходно съ таковыми же частями Моралеевскихъ воротъ и Спасской башни **), построенныхъ несомнѣнно русскими мастерами. И такъ какъ всѣ эти детали встрѣчаются въ другихъ древне-русскихъ постройкахъ XVII-го столѣтія и составляютъ даже типичную сторону нашего стиля, то нѣтъ сомнѣнія, что башня Сумбеки принадлежитъ къ русской архитектурѣ и не къ XVI-му столѣтію, а къ XVII-му. Самое большее можно допустить въ пользу существующихъ мнѣній о башнѣ Сумбеки то, что она построена на остаткахъ древняго татарскаго минарета и можетъ быть съ такимъ же числомъ ярусовъ. Во всякомъ случаѣ не только детали ея, но и самая конструкція не принадлежатъ къ татарскимъ постройкамъ, и если что-нибудь есть не отвѣчающаго чисто русскому стилю, такъ это только обработка нижняго этажа башни.

Изъ церковныхъ памятниковъ г. Казани наибольшаго вниманія заслуживаетъ церковь Іоанно-Предтеченскаго монастыря, находящаяся противъ Кремлевской Спасской башни, построенная въ XVII ст. Церковь стоитъ на высокихъ подвалахъ. Лѣстница находится въ позднѣйшей пристройкѣ на сѣверо-западномъ

*) Въ немъ, по разсказамъ татаръ, хранятся какія-то важныя для нихъ бумаги.

**) Здѣсь только прибавлены фронтоны надъ окнами.

углу храма и ведетъ въ галлерейку, обходящую церковь только съ двухъ сторонъ (черт. 10-й). Галлерейка эта внизу и въверху состоитъ изъ ряда очень красивенькихъ арочекъ. Въ западной части ея находится входъ въ квадратное помѣщеніе (трапезную), изъ котораго ведутъ три арки въ самую церковь. Съ восточной стороны, къ продолговатому помѣщенію примыкаетъ полукруглый алтарь недавней постройки *). Галлерейка покрыта коробовыми сводами съ распалубками надъ наружными арками. Трапезная перекрыта половиною сомкнутого свода, а самая церковь — полнымъ сомкнутымъ сводомъ; приэтомъ помѣщеніе церкви значительно выше свода трапезной. Судя по сохранившимся слѣдамъ позднѣйшей передѣлки въ восточной части галлерей, первоначальная лѣстница въ церковь вела именно съ этой стороны (черт. 10-й). Трапезная и галлерейка снаружи покрыты общею крышею, самая же церковь поднимается цѣлымъ этажемъ выше и перекрыта двухскатною крышею съ фронтонами на узкихъ сторонахъ. Надъ церковью возвышаются три высокихъ глухихъ шатра съ красивою обработкою деталей.

На юго-западной сторонѣ храма находится прекрасная восьмиугольная колоколенка (черт. 11-й **). Верхняя часть ея не представляетъ собою обычной формы шатра, а имѣетъ красивый своеобразный мотивъ получившійся отъ внутренняго покрытія колокольни сомкнутымъ сводомъ (черт. 12-й). Наружные ряды кокошниковъ, представляя собою украшеніе, въ то же время играютъ роль отдѣльныхъ крышечекъ, замѣняющихъ одну сплошную посводную крышу. Слухи или оконца, которые мы встрѣчаемъ въ шатровыхъ колокольняхъ, въ данномъ случаѣ замѣнены узенькими отверстіями въ маленькомъ барабанѣ, поставленномъ на сомкнутомъ сводѣ колокольни. Подобное же устройство верхней части мы видимъ въ колокольнѣ при церкви Воздвиженія; но кромѣ г. Казани такой обработки колоколенъ мнѣ нигдѣ не приходилось встрѣчать. Описанная Юанно-Предтеченская церковь вообще заслуживаетъ большаго

*) Древній алтарь вѣроятно состоялъ изъ трехъ полукружій и вслѣдствіе тѣсноты или ветхости былъ сломанъ и выстроенъ новый.

**) Строеніе, примыкающее къ колокольнѣ и къ церкви (черт. 10-й), позднѣйшее.

вниманія, какъ по деталямъ, такъ и по общимъ формамъ (напр. трехшатровыя церкви у насъ довольно рѣдки), но, къ крайнему сожалѣнію, она теперь, кажется, сломана и далеко не по ветхости ея, а прямо по невѣжеству причастныхъ къ этому дѣлу людей. Это явленіе тѣмъ болѣе печально, что оно произошло такъ сказать на глазахъ мѣстнаго археологическаго общества, которому конечно должно быть извѣстно значеніе и утрата дорогихъ намъ памятниковъ русскаго искусства.

Кончая свои замѣтки о древнихъ памятникахъ русскаго искусства въ г. Казани, нельзя не упомянуть, что здѣсь довольно быстро развивается и современная архитектура, такъ напр. Александровскій пассажъ мѣстные жители считаютъ своею гордостью и монументомъ тщеславія мѣстнаго Креза, который, какъ говорятъ, положилъ на него болѣе восьмисотъ тысячъ *).

Изъ Казани я направился для осмотра русскихъ древностей въ Нижній-Новгородъ. Подъѣзжая къ этому пункту, путешественнику открывается колоссальнѣйшая картина повседневной жизни Волги; днемъ вы видите ее громаднѣйшей работницей, а съ отблесками зари она чаруетъ васъ своими тихими, обширными водами и спокойными очертаніями береговъ. Тутъ невольно проносятся въ воспоминаніи былыя времена, былые народы и былая жизнь Волги. Обращаясь къ самому городу, первое вниманіе путешественника невольно останавливается на древнихъ кремлевскихъ стѣнахъ, раскинутыхъ чрезвычайно живописно по вершинамъ и скатамъ знаменитыхъ Дятловыхъ горъ. Онѣ были построены итальянскимъ архитекторомъ Франческо, извѣстнымъ у насъ подъ именемъ Фрязина. Прежде существовавшій ровъ онъ обложилъ кирпичемъ, а къ стариннымъ укрѣпленіямъ поставилъ одиннадцать башенъ и соединилъ ихъ толстыми стѣнами. Во избѣжаніе же сырости отъ родниковъ и ключей, Фрязинъ проложилъ подъ стѣнами огромныя трубы для стока водъ. Многочисленныя исправленія кремлевскихъ стѣнъ не мало измѣнили ихъ первоначальный видъ; зубцы во многихъ мѣстахъ окорочены, нѣко-

*) Проектъ этого зданія былъ заданъ г. Александровымъ на конкурсъ въ Петербургъ и первая премія была присуждена проекту, составленному мною совмѣстно съ архитекторомъ Н. И. Поздѣвымъ.

торыя стѣны и башни понижены, трубы въ разныхъ мѣстахъ засыпаны и т. п.

Въ виду того, что болѣе интересные памятники русской старины въ Нижнемъ-Новгородѣ уже описаны *), то я коснусь только тѣхъ построекъ, о которыхъ еще или не было говорено, или же въ которыхъ не были подмѣчены нѣкоторыя особенности. Изъ числа памятниковъ гражданской архитектуры рассмотримъ два каменные домика. Одинъ изъ нихъ принадлежитъ Сергіевской церкви и состоитъ изъ двухъ квадратныхъ помѣщений, раздѣленныхъ деревянными перегородками на восемь комнатъ, причемъ правая часть домика устроена въ два этажа, а лѣвая — въ одинъ (черт. 14-й и 15-й, табл. II). Къ лѣвой сторонѣ выдающейся части дома примыкаетъ маленькая пристройка — баня, а сзади — кладовая. Подъ всѣмъ домомъ находятся глубокіе каменные подвалы, перекрытые массивными сводами. Въ одной изъ комнатъ сохранилась довольно интересная изразцовая печь. Наружныя украшенія дома главнымъ образомъ составляютъ наличники оконъ, которые, къ сожалѣнію, сохранились не вездѣ. Перспективный видъ этого домика, на черт. 15-мъ, зарисованъ со двора, гдѣ фасады не обдѣланы никакими украшеніями.

Другой весьма любопытный домикъ находится въ Почаевской улицѣ (черт. 16-й и 17-й, табл. II-я). Онъ состоитъ изъ двухъ этажей съ высокими сводчатыми подвалами. Въ каждомъ изъ этажей устроено только два помѣщенія — сѣни и жилая комната. Узкая сторона дома (черт. 17-й) выходитъ на улицу и обдѣлана хотя просто, но весьма симпатично; углы зданія обработаны пилястрами, окна нижняго этажа украшены двумя простенькими наличниками, а между оконъ и угловыми пилястрами сдѣланы двѣ большія квадратныя впадины. Верхній этажъ имѣетъ по три окна съ каждой стороны, украшенные весьма характерными наличниками. Все зданіе кирпичное и покрыто деревянною крышею.

Просматривая церковные памятники Нижняго-Новгорода, я

*) Наиболѣе обстоятельныя изслѣдованія были сдѣланы покойнымъ академикомъ Л. В. Далемъ; статьи и рисунки его помѣщены въ разныхъ годахъ изданія журнала «Зодчій».



обратилъ между прочимъ вниманіе на колокольню Печерскаго монастыря (черт. 18-й). Она представляет собою высокую, квадратную въ основаніи башню съ восьмиугольною надстройкою увѣнчивающеюся шатровымъ покрытіемъ. Первые два этажа этой башни несомнѣнно древнѣйшаго періода и можетъ быть даже принадлежать къ постройкамъ Юрія II, основателя Нижняго-Новгорода. Двойныя окна колокольни чисто романскаго стиля и совершенно подходятъ къ характеру обдѣлки башни Андрея Боголюбскаго, во Владимірѣ. Весьма вѣроятно, что первоначальный характеръ церковныхъ построекъ въ Нижнемъ-Новгородѣ былъ одинаковый съ характеромъ Владиміро-Суздальскихъ церквей, такъ какъ и самый Нижній-Новгородъ считался сначала пригородомъ Суздаля, а затѣмъ даже резиденціею Суздальскаго князя Константина Васильевича. Въ виду этого надо полагать, что нижняя часть колокольни Печерскаго монастыря была построена суздальскими мастерами, но затѣмъ, очевидно, была передѣлана, такъ что третій этажъ и восьмиугольный верхъ колокольни должно считать позднѣйшими надстройками XVI-го или XVII-го ст. Изъ другихъ особенностей церковныхъ построекъ Печерскаго монастыря надо отмѣтить устройство алтаря (черт. 22, табл. II-я). Онъ состоитъ изъ двухъ этажей, причемъ верхній алтарь имѣетъ общее закругленное трехцентровое очертаніе, а нижній раздѣляется на три закругленія, между которыми поставлены полуколонки. Такимъ образомъ верхній этажъ накрываетъ троечастное дѣленіе нижняго алтаря и по разрѣзу АВ, около полуколонокъ, имѣетъ такой напускъ, какъ показано на черт. 23-мъ.

Остальныя мои замѣтки о памятникахъ древне-русскаго зодчества въ Нижнемъ-Новгородѣ (за исключеніемъ разнаго матеріала въ фотографіяхъ) относятся къ церквамъ Благовѣщенскаго монастыря. Главный соборъ этого монастыря уже былъ обследованъ и опубликованъ покойнымъ Л. В. Далемъ и я только упомяну объ устройствѣ главъ его. Средній барабанъ церкви (черт. 24-й и 25-й) поставленъ на парусномъ сводѣ и въ этомъ чувствуется нѣкоторая особенность, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ барабанъ ставился прямо на подпружныя арки и только надъ углами ихъ возводились отдѣльные па-

руса, составлявшіе болѣе простой переходъ отъ квадрата къ кругу. Малые барабаны этого собора поставлены на угловыхъ частяхъ сомкнутыхъ сводовъ, причемъ сначала вынуты квадратныя отверстія, а затѣмъ, при посредствѣ маленькихъ парусовъ, надъ ними выведены круглые, полые барабаны. Если мы сдѣлаемъ разрѣзъ по линіи АВ, черт. 24-й, то устройство барабана, по отношенію къ сомкнутому своду, выразится въ такомъ видѣ, какъ показано на черт. 25 (внизу).

Въ этомъ же монастырѣ находится весьма интересная двухшатровая церковь XVII-го ст. (черт. 26-й). Съ западной стороны ея находится трапезная, перекрытая коробовыми сводами, опирающимися съ одной стороны на стѣны, граничащія самое помѣщеніе, а съ другихъ—на столбъ, поставленный въ серединѣ этого помѣщенія. Въ сѣверо-западномъ углу трапезной находится довольно красивенькая колокольня. Самая церковь имѣетъ продолговатую форму отъ сѣвера къ югу и покрыта сомкнутымъ сводомъ, какъ это дѣлалось и при трехглавыхъ церквяхъ. Съ фасада эта часть увѣнчивается двумя шатриками, очень красивыхъ пропорцій и деталей. Церкви съ двумя шатрами и вообще двухглавыя встрѣчаются чрезвычайно рѣдко, и въ этомъ надо признать большую особенность разсматриваемаго нами храма. Трехабсидный алтарь, покрытый общею крышею (черт. 19-й и 20-й), на высотѣ пола переходитъ въ прямоугольную форму съ небольшими срѣзами на углахъ. Для свѣдѣнія о различныхъ устройствахъ двухъэтажныхъ алтарей приведемъ еще примѣръ обработки алтарной части въ церкви села Маркова, Московской губ., Бронницкаго уѣзда (черт. 21-й). Здѣсь нижній этажъ алтаря представляетъ общую закругленную трехцентровую форму, а наверху выражено трехчастное дѣленіе съ полуколонками.

Припоминая здѣсь различныя устройства алтарей, мы видимъ, что въ двухъэтажныхъ церквяхъ XVII ст. они дѣлались троякимъ образомъ: во-первыхъ, оба этажа приходились одинъ надъ другимъ и имѣли одинаковыя наружныя формы, во-вторыхъ, оба этажа, хотя и приходились одинъ надъ другимъ, но имѣли различныя формы (какъ это мы видѣли въ рисункахъ 19, 20, 21 и 22-мъ), и въ-третьихъ, нижній алтарь совершенно

выступать изъ-за верхняго. Последнее устройство мы встречаемъ довольно часто и оно, видимо, примѣнялось, въ зависимости отъ каноническихъ правилъ, всегда, когда преднамѣренно устраивали въ обоихъ этажахъ особые придѣлы. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда стѣны алтарной части приходились по обоимъ этажамъ однѣ надъ другими, то, вѣроятно, нижній этажъ считался сначала какъ подклѣтъ (гдѣ иногда хоронили чтимыхъ особъ) и только впоследствии стали устраивать въ нихъ теплые придѣлы и освѣщать алтари.

Въ заключеніе сдѣланныхъ замѣтокъ о церковныхъ памятникахъ Нижняго-Новгорода упомянемъ о весьма любопытной церкви Рождества Богородицы, извѣстной подъ именемъ Строгановской *). Церковь эта была построена несомнѣнно опытными итальянскими мастерами и, конечно, не можетъ считаться памятникомъ русской архитектуры, хотя въ планѣ и въ общихъ наружныхъ формахъ сохранены общепринятые мотивы русскихъ церквей конца XVII ст. Во всякомъ случаѣ памятникъ этотъ имѣетъ за собой такъ много достоинствъ (въ особенности по украшеніямъ, прекрасно высѣченнымъ изъ камня), что положительно заслуживаетъ полнаго вниманія не только русскихъ и итальянскихъ художниковъ, но вообще всего образованнаго общества.

Слѣдующіе пункты моего путешествія были города Владиміръ и Суздаль. Здѣсь я ознакомился съ интереснѣйшими образцами блестящей эпохи искусства Владиміро-Суздальскаго періода. Всѣ наиболѣе выдающіеся памятники XII—XIV вѣковъ этого края уже изслѣдованы и опубликованы, но, къ сожалѣнію, во всѣхъ трудахъ по этому вопросу, кромѣ еще г. Артлебена, чувствуется недостатокъ детальнаго разбора и вообще изученія процесса развитія Византійско-Романской архитектуры на нашей почвѣ. Кромѣ того, даже въ изданіяхъ и рисункахъ по этому вопросу встрѣчаются различныя невѣрности, напр. въ Трудахъ 1-го археологическаго съѣзда устройство парусовъ главнаго купола Владимірскаго Успен-

*) Она построена въ 1719 году на счетъ именитаго солепромышленника Строганова.

скаго собора показано непонятно (черт. 28-й) *) — устройство ихъ состоитъ изъ двухъ рядовъ перемычныхъ арочекъ (черт. 29-й).

Говоря объ этомъ соборѣ, нельзя не упомянуть, что произведенная въ немъ реставрація стѣнописи заслуживаетъ большой похвалы и самый фактъ реставраціи далъ богатый матеріалъ къ лѣтописи русскаго искусства **).

Изъ церквей XVII ст. въ г. Владимірѣ заслуживаютъ вниманія семинарская церковь, Спасская, колокольная Рождественскаго монастыря и др. менѣе значительныя постройки. Рождественская колокольная интересна въ томъ отношеніи, что всѣ наружныя стѣны ея одинаково богато отдѣланы колонками, поясами, впадинками и др. украшеніями; между тѣмъ болѣе характерная черта русскихъ колоколенъ выражалась въ гладкихъ стѣнахъ корпуса и въ богато убранномъ верхѣ (шатра и звона).

Суздальскія церкви древняго періода, хотя до нѣкоторой степени извѣстны, но требуютъ болѣе обширныхъ изслѣдованій. Для этихъ работъ я, къ сожалѣнію, не имѣлъ достаточно времени, и ограничившись краткимъ обзоромъ ихъ, сдѣлалъ нѣкоторыя замѣтки объ архитектурѣ другаго, болѣе позднѣйшаго періода (XVI—XVII ст.). Къ подобнымъ памятникамъ относится весьма любопытная трехглавая церковь въ Ризь-Положенскомъ монастырѣ (черт. 30-й). Она состоитъ, по плану, изъ квадратнаго помѣщенія самой церкви и придаточной части, къ которой примыкаетъ трехабсидный алтарь. Церковь съ трехъ сторонъ окружаетъ галлерей. Главное помѣщеніе храма покрыто сомкнутымъ сводомъ съ распалубками, въ центрѣ котораго надъ квадратнымъ отверстіемъ устроенъ барабанъ. Въ придаточной же восточной части церкви устроены два барабана. Такимъ образомъ церковь является трехгла-

*) На приведенномъ черт. пропущены вертикальныя линіи надъ верхнею перемычкою.

**) Между прочимъ, характеръ орнамента, показанный на черт. 27, часто встрѣчающійся въ украшеніяхъ внутреннихъ стѣнъ Успенскаго собора, совершенно подходитъ къ орнаментамъ матерій, найденныхъ при раскопкѣ Мерьанскихъ кургановъ (Труды перваго археологическаго съѣзда). Этотъ фактъ и самый характеръ рисунка возбуждаетъ нѣкоторые вопросы въ области изученія нашей древней орнаментики.

вою *). Судя по устройству и наружнымъ украшеніямъ храма (двойнымъ и одиночнымъ впадинкамъ, черт. 30'), а также и по другимъ деталямъ, постройка его принадлежитъ псковскимъ мастерамъ; галлерейка же была построена видимо позднѣе, такъ какъ украшенія ея имѣютъ характеръ архитектуры XVII ст. средней полосы Россіи.

Псковское вліяніе въ Суздалѣ замѣчается и въ устройствѣ нѣкоторыхъ сводовъ, такъ напр., придѣлъ собора въ Спасо-Ефиміевскомъ монастырѣ (черт. 31-й и 32-й) имѣетъ такое же покрытіе, какъ и во многихъ придѣлахъ псковскихъ церквей.

Обращаясь теперь къ другимъ памятникамъ Суздальской архитектуры XVII ст., отмѣтимъ слѣдующія мѣстныя особенности ея.

Во многихъ церквахъ этого края замѣчается отсутствіе обычныхъ въ русскомъ зодчествѣ троючастныхъ дѣленій съ тремя большими закаморами. Этотъ мотивъ украшенія фасадовъ замѣняется здѣсь или прибавленіемъ числа закаморъ (черт. 35-й, — надвратная церковь Петра и Павла въ Суздалѣ) или, безъ раздѣленія пилястрами, сплошнымъ рядомъ мелкихъ закаморъ, оканчивающихся въ карнизахъ распрофилеванными прямыми подвѣсками (черт. 36-й — въ церкви во имя Входа въ Іерусалимъ, въ Троицкой церкви Ризъ-Положенскаго монастыря, въ Никольской у вала, въ церкви Спаса-Преображенія во Владимірѣ и въ др.). Такое устройство карнизовъ, затрудняя покрытіе крышъ по закаморамъ, усложнялось нѣсколькими горизонтальными тягами (карнизомъ) и вся церковь покрывалась четырехскатною крышею.

Что касается суздальскихъ колоколенъ, то о нихъ можно сказать слѣдующее: многія изъ нихъ расположены отдѣльно отъ церкви и раздѣляются на нѣсколько ярусовъ. Для нагляднаго поясненія приводимъ рисунокъ колокольни при церкви во имя Входа Іисуса Христа въ Іерусалимъ (черт. 33). Первый этажъ этой колокольни представляетъ собою, по плану,

*) Подобныя пристройки съ двумя главами дѣлались видимо всегда двухъ-этажныя, причемъ верхняя часть занималась ризницею, для освѣщенія которой и служили особыя главки. Разборъ подобныхъ церквей находится въ моемъ сочиненіи: «Матеріалы къ исторіи Новгородско-Псковской архитектуры», изданіе Императорской Академіи Художествъ.

прямоугольное помещеніе, надъ которымъ возвышается квадратный постаментъ. Выдающіяся части нижняго этажа покрыты маленькими крышечками. Надъ углами квадратнаго постамента идутъ (изнутри) напускные ряды кирпичной кладки, образующіе переходъ колокольни отъ квадрата къ восьмиугольнику. Последний поднимается довольно высоко и разыгрывается сквозными арками, въ которыхъ развѣшены колокола. Главная особенность нѣкоторыхъ суздальскихъ колоколенъ состоитъ въ томъ, что восьмигранные верхи ихъ имѣютъ вогнутую форму вродѣ шпиля. Онѣ сложены изъ кирпича въ видѣ сводовъ (черт. 34-й), причемъ трехъярусные слухи (отверстія въ шатрѣ) и обработка ихъ сдѣланы въ зависимости отъ уклона. Чѣмъ было вызвано такое устройство—сказать трудно, но во всякомъ случаѣ оно странно и даже противорѣчитъ устойчивости верхней части колокольни. Шейки и главки при прямыхъ шатровыхъ покрытіяхъ суздальскихъ колоколенъ сдѣланы очень маленькія, такъ что издали онѣ сливаются съ общимъ покрытіемъ (черт. 34-й *); между тѣмъ во всѣхъ другихъ русскихъ колокольныхъ главки дѣлались значительно крупнѣе.

Продолжая путешествіе по Владимірской губерніи, мнѣ довелось встрѣтить любопытную церковь въ селѣ Подолицахъ, Юрьевского уѣзда (планъ ея изображенъ на табл. II, между чертежами 6-мъ и 7-мъ). Она построена въ два этажа и состоитъ какъ бы изъ двухъ церквей. Лѣстница во второй этажъ занимаетъ южную часть галлерей, которая въ этомъ мѣстѣ обдѣлана въ видѣ ползучей арки. Изъ галлерей втораго этажа ведутъ двѣ двери въ невысокія помещенія (трапезныя), перекрытыя одно сомкнутымъ сводомъ, а другое—коробовымъ. За этими помещеніями идутъ еще продолговатыя отдѣленія, предназначенныя для самой церкви. Главный придѣлъ заканчивается алтаремъ съ тремя закругленіями, а боковой—одною полукруглою абсидой. Нижний этажъ церкви состоитъ: 1) изъ двухъ большихъ помещеній, приходящихся подъ трапезными

*) Къ числу разновидности типа колоколенъ принадлежит колоколенка при Покровскомъ монастырѣ. Она состоитъ изъ квадратнаго основанія съ наклонно-срѣзанными углами, откуда переходитъ въ шестиугольную башню, покрытую невысокимъ шатромъ.

и подъ слѣдующими за ними дѣленіями, 2) изъ продолговатыхъ помѣщеній (собственно церкви) подъ верхними алтарями и 3) изъ выступныхъ алтарей, имѣющихъ такія же формы, какъ и верхній алтарь. Надъ среднею частью галлерей поставлена восьмигранная шатровая колокольня. Трапезныя покрыты общею трехскатною крышею. Главный и боковой придѣлы выше остальныхъ помѣщеній и первый изъ нихъ увѣнчивается пятью главами, а второй одною главкой. Всѣ детали церкви довольно красивы и только арки западной галлерей слишкомъ крупны предъ остальными частями.

Въ г. Юрьевѣ-Польскомъ мое вниманіе обратила на себя другая болѣе древняя церковь въ селѣ Елизаровѣ, Переяславскаго уѣзда (черт. 37-й и 38-й). Она состоитъ изъ одного квадратнаго помѣщенія, собственно церкви, и трехабсиднаго алтаря (къ западной части ея нынѣ примыкаетъ позднѣйшая колокольня). Сѣверный и южный фасады церкви украшены пилястрами и арочками, поверхъ которыхъ подымается восьмиугольный барабанъ, увѣнчанный шатровымъ покрытіемъ. У основанія барабана идутъ восемь закаморь. Алтарные выступы покрыты по сводчатымъ очертаніямъ, причемъ надъ южною абсидою возвышается маленькая главка. Судя по общему характеру и по всѣмъ деталямъ, церковь эта несомнѣнно была построена въ XVI ст. Внутреннее устройство храма мнѣ не удалось видѣть, а потому, не вдаваясь въ детальный разборъ его, я ограничусь сказаннымъ и въ заключеніе упомяну объ одномъ самомъ замѣчательнѣйшемъ памятникѣ Владиміро-Суздальской эпохи XIII ст. — о церкви Св. Георгія въ г. Юрьевѣ-Польскомъ.

Я конечно не стану здѣсь входить въ подробный разборъ этого храма, такъ какъ онъ по истинѣ заслуживаетъ цѣлаго трактата, скажу только объ общемъ устройствѣ и главнымъ образомъ объ его крайне печальномъ положеніи въ данное время. Планъ церкви Св. Георгія въ главныхъ чертахъ такой-же, какъ напр. Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ и др. храмы этого періода *), но тутъ впервые встрѣчаются три при-

*) т. е. состоитъ изъ квадратнаго помѣщенія, раздѣленнаго четырьмя столбами, между которыми въ центрѣ возвышается барабанъ съ куполомъ, а по бокамъ идутъ своды; съ восточной же стороны примыкаетъ трехабсидный алтарь.

стройки въ видѣ папертей (съ западной, сѣверной и южной сторонъ). Формы и украшенія этихъ пристроекъ почти сохранились до нашего времени, но алтарная часть и весь верхъ храма, самымъ варварскимъ образомъ, передѣланъ. Есть предположеніе, что соборъ этотъ былъ разрушенъ еще татарами. Главнѣйшее достоинство церкви Св. Георгія — это неисчерпаемое богатство орнаментики, высѣченной изъ камня и покрывающей всѣ вышнія стѣны ея. По нижнему этажу сплошь идутъ крупные орнаменты растительнаго характера съ различными изображеніями птицъ, грифоновъ и др. фантастическихъ животныхъ. Порталы, въ видѣ выступающихъ полуколонокъ, покрыты самымъ изящнымъ орнаментомъ. Поясокъ по срединѣ церкви состоитъ изъ ряда колонокъ и арокъ; тѣ и другія унизаны прекраснѣйшею мелкою рѣзбою. Кромѣ того, какъ въ пояскахъ, такъ и по другимъ частямъ церкви во множествѣ красуются чудныя изваянія различныхъ святыхъ, — о нихъ даже не умолчала и лѣтопись, говоря: „по каменю рѣзаны святые чудны вельми, иже есть и до сего дня“. Словомъ, храмъ этотъ въ свое время кажется не имѣлъ себѣ подобнаго не только въ Русской землѣ, но и вообще среди всѣхъ памятниковъ византійско-ломбардской архитектуры. Кто были строители Георгіевского храма — неизвѣстно, но, судя по тому, что здѣсь введена нѣкоторая новизна въ планѣ, въ убранствѣ стѣнъ *) и въ наружныхъ формахъ пристроекъ, надо думать, что русскіе мастера если не производили всю постройку, то принимали въ ней большое участіе **).

Въ настоящее время Георгіевскій соборъ хранитъ въ себѣ слѣды полного искаженія его мѣстными жителями. Къ самой стѣнѣ западной части храма поставлена громадная колокольная, съ постройкой которой уничтожена форма и многія украшенія паперти. Къ юго-западной части храма пристроена ризница; къ

*) Украшенія Дмитровскаго собора видимо дѣлались на отдѣльныхъ камняхъ, до кладки ихъ въ стѣну, между тѣмъ въ Юрьевской и Георгіевской церкви орнаментика высѣкалась по готовымъ стѣнамъ.

**) Изъ лѣтописей о холмской церкви въ Галиціи замѣтно, что она была похожа на Юрьевскую; такъ какъ строителемъ первой церкви былъ нѣкій хитрецъ Авдѣй, то можетъ быть онъ же строилъ и Юрьевскій храмъ.

южному portalу придѣланъ тамбуръ, а самый порталъ растесанъ; сѣверо-восточный уголъ церкви застроенъ новыми пристройками; орнаменты въ притыкахъ новыхъ стѣнъ самымъ варварскимъ образомъ выбиты и т. п. Кромѣ того, памятникъ этотъ свидѣтельствуесть и о давно прошедшемъ грубомъ непониманіи его достоинствъ. При возстановленіи верхней части церкви, алтарей и купола, всѣ украшенія вставлены въ стѣны безъ всякаго порядка, въ сводахъ встрѣчается масса камней съ различными масками и другими украшениями, бывшими очевидно на фасадныхъ стѣнахъ церкви; алтарныя стѣны выложены изъ гладкихъ перетесанныхъ камней. Словомъ, весь храмъ, полный славы прошлаго, находится въ жалкомъ, искаженномъ видѣ и производитъ весьма удручающее впечатлѣніе. Вопросъ о его положеніи хотя и возбуждался въ специальныхъ обществахъ, но какъ-то у всѣхъ отходилъ въ область однихъ сожалѣній; между тѣмъ памятникъ этотъ выражаетъ собою послѣднее высокое слово искусства Владиміро-Суздальской эпохи и крайне дорогъ для насъ потому, что здѣсь видимо закипало народное творчество, нарождались собственныя русскія силы мастеровъ. И если мы чествуемъ плоды искусства одного человѣка, то было бы грустно предать забвенію памятникъ, выражающій собою цѣлую эпоху. Нужно стряхнуть позднѣйшіе наросы на немъ и открыть для науки всѣ его достоинства, такъ жестоко поправлены современною провинціальною жизнью *).



*) Нынѣ со стороны Императорской Академіи Художествъ и Императорской Археологической комиссіи предприняты ходатайства объ его сохраненіи. Всѣ соприкасающіяся къ нему позднѣйшія пристройки предполагается отломать, а самые орнаменты тщательнѣйшимъ образомъ отчистить отъ всевозможныхъ наслоеній. Для этой цѣли мною составлены подробныя чертежи, пояснительная записка и снята масса фотографій.

О ДРЕВНИХЪ
ДЕРЕВЯННЫХЪ ПОСТРОЙКАХЪ
СѢВЕРНЫХЪ ОКРАИНЪ РОССІИ.

До настоящаго времени всѣ труды нашихъ ученыхъ и художниковъ по изслѣдованію древняго русскаго зодчества были направлены только на изученіе каменныхъ образцовъ его, изслѣдованіе же деревянной архитектуры, если и не совсѣмъ, то замѣтно игнорировали. Академикъ Даль, въ этомъ случаѣ, былъ выдающимся исключеніемъ, положивъ починъ серьезному, спеціальному изслѣдованію деревянныхъ памятниковъ роднаго зодчества; но по смерти его никто не продолжилъ начатаго имъ труда. Между тѣмъ изученіе этой вѣтви русской архитектуры весьма важно для насъ не только въ смыслѣ уясненія вліянія деревянныхъ построекъ на каменные—лучшаго періода, но и потому, что здѣсь наиболѣе сказались естественныя потребности самобытной народной жизни. Въ виду того, что деревянные памятники нашего зодчества съ каждымъ годомъ безслѣдно исчезаютъ—я получилъ предложеніе отъ Императорской Академіи Художествъ осмотрѣть и сдѣлать съ нѣкоторыхъ изъ нихъ тщательные обмѣры и рисунки. Мое вниманіе по этому вопросу, конечно, прежде всего было обращено на Архангельскую и Вологодскую губерніи, какъ на самый лѣсной край, въ которомъ по преимуществу развивалась деревянная архитектура. Въ настоящее время, окончивъ обработку собраннаго мною матеріала по этому предмету, имѣю честь въ краткомъ рефератѣ ознакомить собраніе съ тѣми данными, которыя добылъ я за время моего путешествія. Трудъ мой заключается спеціально въ изслѣдованіи развитія нашего зодчества въ сѣверныхъ краяхъ, и такъ какъ первымъ импульсомъ этому развитію

послужило здѣсь насажденіе христіанства, то и считаю не лишнимъ хотя бы въ общихъ чертахъ намѣтить исторію распространенія его.

Почти съ достовѣрностью можно сказать, что поселенцы Сухоны (чудь) еще въ княженіе св. Владиміра были подвластны Новгороду, ибо въ лѣтописяхъ упоминается, что жители Печоры платили въ это время дань Новгороду, а такъ какъ на Печору не было другаго пути какъ черезъ Сухону, то и трудно остановиться на томъ, что Новгородъ управлялъ бы этимъ краемъ, не подчинивъ себѣ предварительно „чудь бѣлоглазую“. Вообще извѣстно, что жители сѣверныхъ окраинъ всегда производили большую торговлю (пушными и др. товарами) съ Новгородомъ и Ростовомъ, слѣдовательно были знакомы съ христіанствомъ, если не въ X, то въ XI стол. Въ 1147 г. уже прямо упоминается въ лѣтописяхъ, что преподобный Герасимъ, насаждая на Сѣверѣ христіанскую вѣру, встрѣтилъ въ Вологдѣ церковь Воскресенія Христова. Остановившись въ этомъ пунктѣ, онъ воздвигаетъ Троицкій Кайсаровскій монастырь, постепенно совершаетъ побѣду надъ язычествомъ, и вологодскій край скоро привлекаетъ уже серьезное вниманіе Новгородцевъ. Они заводятъ здѣсь колоніи, „рубятъ города“ для защиты отъ непріятелей, посылаютъ священниковъ крестить корель, ставятъ церкви, часовни — словомъ Сѣверъ начинаетъ быстро культивироваться и народъ проникается идеями новой религіи. При этомъ, конечно, столкновеніе столь различныхъ элементовъ нравственной жизни христіанъ и язычников порождаетъ полное броженіе умовъ, такъ что въ то время, когда народъ уже началъ жить идеями христіанской религіи, онъ не вполне отрѣшается отъ своихъ дикихъ, языческихъ забавъ. Но наконецъ духовная борьба иноковъ-обличителей окончательно сдавила и заглушила всѣ проявленія грубой жизни народа: смолкаютъ пѣсни баяновъ, игры, пляски и появляется назидательнаго характера символика въ связи съ аллегорическимъ олицетвореніемъ разныхъ поучительныхъ событій. Вслѣдствіе такого стремленія къ нравственному совершенству строится множество монастырей, куда приходятъ, начиная отъ простаго селянина до владѣтельнаго князя. Напр., Глѣбъ Васильевичъ основалъ знаменитый

Каменный монастырь, который былъ свѣточемъ духовной жизни не только для прибрежныхъ жителей, но и для отдаленнаго Сѣверо-востока. Въ эти дикія мѣста также потомъ появляются монастырскіе иноки, и ревностно проповѣдуютъ вѣру Христа, строятъ церкви и часовни, какъ болѣе понятные символы новой религіи.

Такимъ образомъ съ развитіемъ христіанской религіозной жизни и всеобщаго уваженія къ инокамъ, особенно во время междоусобицъ и смуть, въ народѣ порождается стремленіе къ нравственному совершенству и желаніе уйти въ монастырь, чтобы покойно углубиться тамъ въ духовную созерцательную жизнь. Такое состояніе народа, безспорно, должно было вызвать массу церковныхъ построекъ, и дѣйствительно, въ два столѣтія монгольскаго ига было построено монастырей вдвое больше, чѣмъ въ предыдущія два съ половиною столѣтія. Эта внутренняя потребность народа къ постройкѣ храмовъ и дала прямую возможность развиться строительному дѣлу, особенно въ вѣчевой періодъ, до замѣчательныхъ образцовъ. Этому развитію весьма благопріятнымъ обстоятельствомъ, конечно, былъ и свободный доступъ иноземнымъ мастерамъ (изъ Византіи, а потомъ „отъ всѣхъ земель“), которые не только вносили къ намъ свои познанія, но даже строили иногда и по своимъ рисункамъ. Въ силу этихъ свободныхъ принциповъ русской жизни, въ Новгородѣ даже существовала цѣлая улица мастеровъ.

При первыхъ значительныхъ постройкахъ, у насъ русскіе мастера, конечно, присматривались къ дѣлу своихъ иноземныхъ товарищей, но вскорѣ (1194 г.) по городамъ и селамъ появляются русскіе зодчіе, которые уже не шли въ иноземныя артели, гдѣ нужно было пройти степени ученика, подмастерья и мастера, но составили свои собственные артели, могущія успѣшно конкурировать съ пришлецами. Тѣ же подряды, въ которыхъ что либо не могла сдѣлать русская артель одна, она брала заказы вмѣстѣ съ иностранцами. Этимъ путемъ наше искусство продолжало развиваться и во время монгольскаго ига; хотя, казалось-бы, что подъ такимъ гнетомъ оно должно было загдохнуть. Оказалось, что монголы, въ силу своихъ религіозныхъ воззрѣній, смотрѣли на строителей,

какъ на лицъ, выше осѣненныхъ, т. е. причисляли ихъ къ людямъ церковнымъ и въ мирное время даже оберегали ихъ, напр., въ одномъ изъ ярлыковъ хана упоминается: „а что будутъ церковные люди, ремесленники или писцы, или каменны здатели, или дровяные или иные мастера, каковы ни буди, а въ наши никто не вступаются и на наше дѣло да не емлютъ ихъ“. Отсюда видимъ, что мастера пользовались особой привилегіей, вслѣдствіе чего для нашихъ и иноземныхъ мастеровъ дорога къ дальнѣйшему усовершенствованію была всегда открыта. Разореніе же церквей, поруганіе святыни, при наказаніи монголами князей и областей, оправдывались ихъ понятіями о войнѣ, согласно съ законами Чингизъ-Хана, и не противорѣчили ихъ вѣротерпимости въ мирное время.

Къ концу XIV вѣка христіанская вѣра на Сѣверѣ устанавливается и проникаетъ далѣе въ глубь Сѣверо-востока. Дмитрій Прилуцкій основываетъ первый общежительскій монастырь; прокладываетъ дорогу въ Комельскій лѣсъ, строить келіи и дѣлаетъ эти непроходимыя мѣста новою колыбелью проповѣдниковъ имени Христа. Нѣсколько позже св. Стефанъ вноситъ христіанство въ древнюю Беармію (Пермь) къ зырянамъ, переводитъ на ихъ языкъ церковныя книги и воздвигаетъ первую церковь въ Усть-Вымѣ; далѣе, проходя деревни, непоколебимо проповѣдуя ученіе Христа, ставитъ дорогой кресты, часовни, церкви и въ короткое время обращаетъ въ христіанство язычниковъ на протяженіи до 200 верстъ.

Около половины XV стол. новгородецъ Зосима, достигнувъ острововъ Бѣлаго моря, положилъ начало знаменитому Соловецкому монастырю, снискалъ расположеніе посадницы Марѣи Борецкой и при ея помощи украсилъ острова церквами и часовнями. Послѣ него здѣсь-же появляется новое свѣтило церкви, св. Филиппъ; онъ строитъ трапезную церковь, соборъ, мельницу и др. уже каменные постройки. Кромѣ этихъ иноковъ-строителей, нельзя не замѣтить, что при благоустройствѣ церквей всегда принимали большое участіе сосѣдніе князья и промысловые люди. Такъ, напримѣръ, Вятка, благодаря своей цвѣтущей промышленности, всегда помогала зырянамъ въ постройкѣ церквей; князья же при этомъ охотно уступали

обширные участки земли людям, бравшимся населить их, и давали имъ при томъ большія льготы. Въ такихъ условіяхъ, напр., Строгановы настолько развили свою дѣятельность въ области Камы, что воздвигали цѣлые города (Конкура, Кергеданъ и др.) съ крѣпостями, башнями, церквами и пр. Такое оживленіе края естественно вызвало большой запросъ на мастеровъ и когда рушился вѣчевой строй, политическія силы стянулись къ Москвѣ, болѣе опытные новгородскіе мастера разбѣжались по окраинамъ Сѣвера и продолжали тамъ свое завѣтное мастерство. Они свыклись съ свободой и не шли въ Москву, не смотря на то, что она уже неоднократно требовала ихъ, не шли во-первыхъ потому, что на Сѣверѣ, среди цвѣтущей промышленности, они получали такую цѣну, какую Москва не могла дать имъ, а во-вторыхъ, по своему превосходству они прямо избѣгали столкновеній съ московскими мастерами. Эта цвѣтущая пора плотничнаго искусства на Сѣверѣ была послѣдней. Москва не на шутку взялась за мастеровъ; она требовала, чтобы намѣченныя ею артели стали на казенныя работы и при этомъ, для обезпеченія, брала заложниковъ. И вотъ, потянулись со всѣхъ сторонъ артели къ Москвѣ съ тѣмъ запасомъ свѣдѣній по строительной части, которыя выросли вѣками на свободныхъ принципахъ богатаго Сѣвера и которыя имъ пришлось нерѣдко примѣнять уже къ каменнымъ постройкамъ. Въ болѣе же сѣверныхъ губерніяхъ строительное дѣло становилось традиціоннымъ и до нѣкоторой степени тормозилось воеводами, смутнымъ временемъ самозванцевъ, расколомъ и т. п. Хотя эти событія и не оставили большихъ слѣдовъ на развитіи нашего искусства, но всетаки стѣсняли его. Судя по обстоятельствамъ, при которыхъ развивалось наше строительное искусство, видимъ, что главное мѣсто въ постройкахъ принадлежитъ церквамъ. Развитію гражданской архитектуры у насъ не посчастливилось, ему препятствовало даже само правительство, которое всегда увеличивало налоги на владѣльцевъ богатыхъ построекъ; по поводу этого обстоятельства замѣтилъ даже тогдашній публицистъ Котошихинъ, „кто построить хорошій домъ, тотъ непременно разорится“.

Намѣтивъ такимъ образомъ историческій ходъ распростра-

ненія христіанства и народонаселенія въ соединеніи съ развитіемъ зодчества въ этихъ отдаленныхъ отъ центра Россіи мѣстахъ, рассмотримъ теперь нѣкоторые сохранившіеся памятники церковной архитектуры.

Самый простой типъ деревянныхъ сѣверныхъ церквей состоитъ изъ прямоугольнаго сруба, „клѣти“, маленькаго прируба съ восточной стороны для алтаря и открытой галлерейки съ западной стороны. Церковь покрывалась двухскатной крышей съ главкой, а галлерейка—односкатной. Болѣе развитой типъ подобныхъ церквей имѣетъ слѣдующее расположеніе: 1) обыкновенно открытая лѣстница съ западной стороны ведетъ въ церковь двумя маршами и покрыта двухскатной крышей съ переламываніемъ (черт. 4-й, табл. I-я и II-я—церковь въ Шеговарской волости), или же открытая лѣстница шла въ одинъ маршъ (а) по направленію продольной оси церкви (черт. 1-й, табл. I-я, церковь въ селѣ Ростовскомъ). Лѣстницы опериливались и имѣли двѣ площадки; входная (в) покрывалась односкатной, двухскатной и четырехскатной крышами, а иногда и бочкой. Такой входъ называется „рундукомъ“. Верхняя площадка лѣстницы иногда закрывалась съ боковъ досками (черт. 2-й), „забиралась въ столбы“ съ маленькими оконцами и покрывалась особой двухскатной крышею или бочкою. Эта часть лѣстницы, называемая крыльцомъ, ставилась обыкновенно на выпускныхъ бревнахъ въ видѣ кронштейновъ или на особыхъ стульяхъ.

По лѣстницѣ входятъ въ большое помѣщеніе, называемое „трапезной“ (с, черт. 1-й), въ которой потолокъ иногда подпирался столбами, облѣпанными въ видѣ колонокъ *). Вдоль трехъ стѣнъ трапезной дѣлали „опушенные“ лавки, а посрединѣ помѣщенія ставили еще иногда двѣ скамьи. Для образовъ на стѣнахъ трапезной дѣлались полки и все помѣщеніе освѣщалось небольшими окнами съ сѣверной и южной сторонъ, причемъ, если съ каждой стороны было по три окна, то въ большинствѣ случаевъ, среднее дѣлалось большое узорчатое—

*) «Зодчій» за 1883 годъ, статья «Древнее зодчество сѣверныхъ окраинъ Россіи», листы 31, 32, 59 и 60.

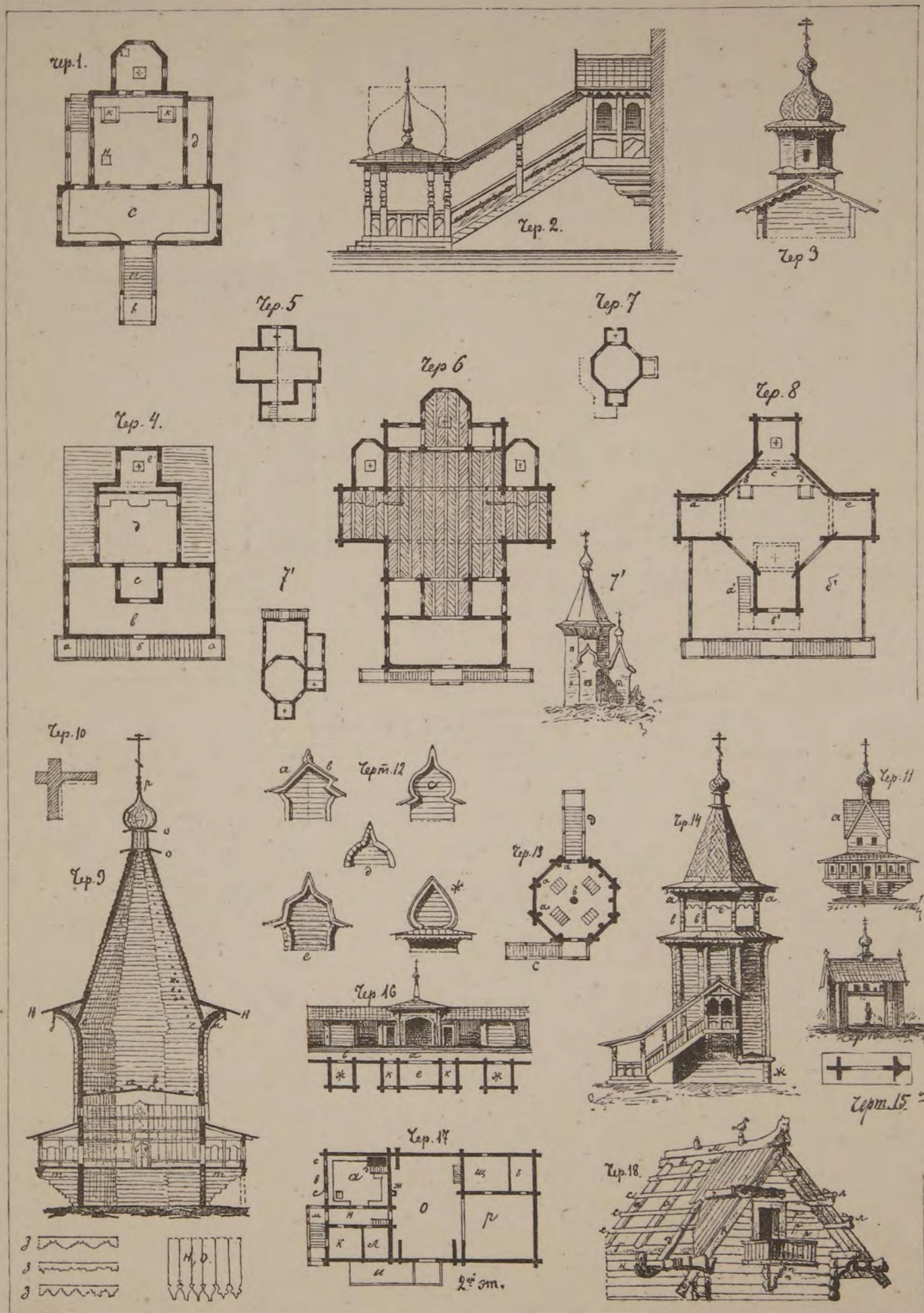


Табл. I.

„красное“, а по бокамъ „волоковыя“, называвшіяся такъ потому, что они не затворялись, а задвигались, — „заволакивались“. Потолки состоятъ изъ балоковъ — „матиць“, забранныхъ досками „прямою“ или „въ косякъ“. Изъ трапезной иногда былъ выходъ на особую галлерейку (черт. 1-й), съ которой во время молебновъ священникъ кропилъ святой водой скоть, приводимый крестьянами въ день св. Георгія.

Назначеніе самой трапезной было слѣдующее: во время большихъ и въ особенности престольныхъ праздниковъ, болѣе зажиточные поселяне дѣлали складчину на пиръ, и народъ, съ различныхъ концовъ далеко раскинушагося прихода, являлся сюда, такъ сказать, на общій праздникъ, называемый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „канонъ“. Обычай этотъ — „братчина“ былъ, какъ извѣстно, распространенъ въ Россіи съ незапамятныхъ временъ и перешелъ сюда отъ новгородцевъ; о братчинѣ говорятъ наши лѣтописи, о ней поетъ и старая русская пѣсня. — Въ простые воскресные дни, между заутреней и обѣдней, пришедшіе изъ далекихъ деревень богомольцы завтракали въ трапезной, и въ присутствіи священника, какъ болѣе свѣдущаго и духовнаго человѣка, бесѣдовали о разныхъ церковныхъ и общественныхъ дѣлахъ. Изъ трапезной входятъ обыкновенно въ квадратное помѣщеніе, служившее мѣстомъ для молящихся. При большомъ стеченіи народа, нѣкоторые прихожане становились въ трапезной и черезъ продолговатыя отверстія (е, черт. 1), находившіяся по бокамъ входа, слѣдили за отправленіемъ богослуженія. Отверстія эти (е, е), вышиною въ 10 вершк. и отъ 2-хъ до 2½ арш. длиною, располагались на высотѣ 2-хъ арш. отъ полу и всегда имѣли рѣшетку или сподяную узорчатую раму, поднимающуюся вверхъ. Потолокъ самой церкви дѣлался хотя и выше, чѣмъ въ трапезной, но рѣдко достигалъ 6 арш. Въ церкви около соеи по обыкновенію ставились два клироса (к, черт. 1-й), украшенные узорчатыми досками. Тутъ же на полу иногда помѣщалась церковная казна (н, черт. 1-й), т. е. сундукъ съ деньгами и др. цѣнными вещами. Церковь освѣщалась большею частью съ южной стороны, вѣроятно, для того, чтобы дать меньше доступа холоду при сѣверныхъ вѣтрахъ. Солея воз-

вышалась преимущественно на одну ступень, а иногда шла въ уровень съ церковнымъ поломъ. Алтарь, нерѣдко о трехъ и больше стѣнахъ, освѣщался однимъ большимъ окномъ и волоковымъ около жертвенника, или же только двумя волоковыми. Наружный видъ подобныхъ церквей, называемыхъ теплыми или „клецки“, былъ незатѣливъ: обыкновенно все строеніе покрывалось двухскатной кровлей и только надъ самой церковью дѣлалась одна главка или бочка съ главкой. Такимъ образомъ, зная наиболѣе простой типъ нашихъ деревянныхъ церквей въ сѣверномъ краѣ, мы просмотримъ по памятникамъ какое могло быть развитіе его и вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтимъ нѣкоторыя мѣстныя черты древняго зодчества.

Въ Вельскомъ уѣздѣ мнѣ пришлось видѣть храмы большею частію вышеописаннаго типа, и разница встрѣчалась только въ наружномъ ихъ устройствѣ, т. е. на прямоугольномъ срубѣ попадаются одинъ, два или три осьмиугольныхъ срубика, постепенно уменьшающихся въ діаметрѣ и высотѣ, причемъ послѣдній изъ нихъ иногда завершается восьмиграннымъ куполомъ съ главкою (черт. 3-й, церковь въ селѣ Ростовскомъ). Покрытіе это по всѣмъ вѣроятіямъ позднѣйшее, хотя абрисъ купола даетъ впечатлѣніе бочечныхъ формъ. Фасады этихъ церквей нерѣдко росписаны прямо по бревнамъ въ шахматы.

Подѣзжая къ г. Шенкурску, замѣчается нѣсколько иной типъ церквей, т. е. планъ ихъ имѣетъ форму латинскаго креста (черт. 4-й), а по фасаду главный прямоугольный срубъ церкви переходитъ въ высокій осьмерикъ, увѣнчанный восьмиграннымъ шатромъ или конусообразнымъ, закругленнымъ у его основанія. Надъ алтаремъ часто встрѣчается куполь такой формы, какъ мы видѣли въ церкви села Ростовскаго. Въ постройкахъ этого типа размѣры трапезной уменьшаются (черт. 4-й, церковь въ Шеговарской волости) и весь храмъ получаетъ довольно красивый видъ. Далѣе къ сѣверу, церкви принимаютъ большіе размѣры и нѣсколько другія формы; — чаще всего встрѣчается форма равносторонняго греческаго креста (черт. 5). Затѣмъ, видимо при дальнѣйшемъ развитіи плана подобныхъ церквей, т. е. при увеличеніи размѣровъ, усложненіи формъ и богатствѣ деталей появляются уже такіе образцы мѣстнаго

Церковь св. Троицы
Архангельской губернии, Шенкурского уезда, въ Шеговинской волости, построена въ 1666 г.



В. С. Сидоръ. 1884 г.

зодчества, какъ напр. соборъ въ г. Шенкурскѣ (черт. 6-й); главный квадратный срубъ его увѣнчивается пятью главами, четыре боковые прируба покрыты „бочками“ и завершаются главками, причемъ сѣверный и южный изъ нихъ имѣютъ назначеніе особыхъ придѣловъ съ самостоятельными алтарными прирубами.

Приближаясь къ р. Двинѣ, типъ подобныхъ церквей смѣшивается съ новымъ приѣмомъ плана: повсюду замѣчается форма восьмиугольная, которая, какъ видно изъ лѣтописи Устюжской церкви, также весьма древняя на Сѣверѣ. Съ восточной стороны главнаго восьмиугольника церкви дѣлаютъ прирубъ для алтаря, а съ западной для паперти (черт. 7-й). Въ нѣкоторыхъ церквахъ встрѣчается еще третій прирубъ съ сѣверной стороны, предназначенный для особаго придѣла (черт. 7' — церковь въ Сійскомъ приходѣ). При усложненіи такихъ плановъ оставалось затѣмъ сдѣлать четвертый прирубъ и тогда получался уже совершенно новый типъ креста. Такой характеръ плана замѣтно господствуетъ по всей Двинѣ. Какъ весьма интересный памятникъ подобнаго образца приводимъ церковь на рѣкѣ Кокшенѣ (черт. 8-й *). Иногда въ такихъ церквахъ надъ западнымъ прирубомъ помѣщался особый придѣлъ, въ который вела лѣстница изъ „нищевника“, т. е. галлерей, окружающей церковь. Рядомъ съ этими типами церквей, называемыхъ холодными, на Двинѣ попадаются теплыя церкви или, какъ выше было сказано, „клетки“. Устройство послѣднихъ вполне аналогично съ общимъ типомъ, описаннымъ въ началѣ сообщенія, и разнится только по верхушкѣ надъ самою церковью, т. е. поверхъ двухскатной крыши ставилась бочка съ одной главкой или двѣ пересѣкающіяся бочки съ тремя главками, или же одна главка, увѣнчивающая церковь, ставилась на низенькихъ восьмерикахъ. По наружному устройству обращаютъ на себя вниманіе еще церкви Новгородско-псковскаго мотива. Ихъ покрытіе состоитъ изъ двухъ пересѣкающихся двухскатныхъ крышъ, вслѣдствіе чего получается

*) Фасадъ этой церкви см. въ статьѣ «Памятники древней деревянной архитектуры въ Южной Россіи», табл. III-я.

восемь скатовъ (черт. 11-й, а—церковь въ Уемскомъ приходѣ, близъ г. Архангельска).

Говоря объ общей формѣ храмовъ на берегахъ Двины, нельзя не упомянуть, что большинство изъ нихъ представляетъ большую особенность, по своему силуэту, весьма напоминающему видъ корабля. Вѣроятно, въ періодъ развитія у насъ символики такою формою выражалось народное представленіе о значеніи церкви въ жизни человѣка. Церковь уподоблялась кораблю, который одинъ только можетъ привести черезъ море житейское въ вѣчное пристанище. Въ формѣ этой нельзя не подмѣтить также и практической стороны, такъ какъ, помѣщая церковь на высокихъ подклѣткахъ, устраняли во время разлива рѣкъ опасность порчи церковныхъ вещей, образовъ и т. п. Ограничившись общимъ разборомъ древнихъ деревянныхъ храмовъ, скажемъ нѣсколько словъ о ихъ деталяхъ.

Галлерей, обходящія церковь съ трехъ сторонъ, дѣлались по Двинѣ исключительно при холодныхъ шатровыхъ церквахъ и называются иногда „нищевниками“. Въ существующихъ церквахъ онѣ помѣщены на высотѣ 3—4 арш. отъ поверхности земли и покоятся на выпускныхъ бревнахъ въ видѣ кронштейновъ (черт. 9, *м*); иногда-же на особомъ срубѣ или просто на столбахъ (табл. III-я, церк. на Бѣлослудскомъ погостѣ). Галлерей дѣлались изъ брусковаго скелета, забраннаго досками „прямою“ или „въ косякъ“, причемъ въ доскахъ вырѣзались маленькія отверстія (оконца) иногда довольно причудливаго очертанія, затворяющіяся съ внутренней стороны особыми затворами. Снизу каждое оконце ограничивалось горизонтальнымъ брусомъ, называемымъ „подлокотникомъ“, ниже котораго пространство между стойками разбивалось на двѣ или на три части дощечками, имѣющими видъ вырѣзнаго фронтона (табл. III-я, ц. на Бѣлослудскомъ погостѣ). Съ южной стороны церкви, куда менѣе проникаетъ рѣзкій вѣтеръ, галлерей въ исключительныхъ случаяхъ дѣлалась совсѣмъ открытою и тогда стойки обдѣлывались въ видѣ колоннокъ (табл. III-я). Внутри нищевника, около стѣнъ тянулись скамьи для отдыха молящихся. Лѣстницы имѣли такой же характеръ, какой уже былъ описанъ; прибавлю только, что на Двинѣ онѣ гораздо богаче,

Церковь Владимирская Божия Матери
на Боровицком проспекте в С.-Петербургѣ, основана въ 1649 году.



Фототипія Евг. Гофферъ. С.-Петербургъ. Мѣщанская 19.

т. е. украшены бочечными покрытіями на столбахъ, обдѣланныхъ въ видѣ колоннокъ, а самыя ступени „оперилены“ двумя досками вдоль, причемъ шовъ между ними обыкновенно разыгранъ въ видѣ орнамента.

Алтари Вельскаго уѣзда по большей части о пяти стѣнахъ, перекрытые прямыми скатами или восьмигранными куполами такой формы, какъ показано на черт. 3-мъ, табл. I-я. Въ Шенкурскомъ уѣздѣ форма алтарей встрѣчается чаще всего прямоугольная съ бочечнымъ покрытіемъ, увѣнчанная главкой, при этомъ углы являются нерѣдко скошенными. При болѣе сложномъ устройствѣ алтарей, какъ напр. въ Шенкурскомъ соборѣ, ихъ тройственное дѣленіе по фасаду имѣетъ совершенно тождественный характеръ съ алтарями византійскихъ и грузинскихъ церквей.

Иконостасы древняго устройства почти не сохранились; мнѣ пришлось видѣть только одинъ въ церкви св. Спаса на р. Кокшенгѣ, Вологодской губерніи, Тотемскаго уѣзда. Онъ занимаетъ все протяженіе 5-ти стѣнъ церкви (черт. 8, — *a, b, c, d, e*) и состоитъ изъ горизонтальныхъ брусковъ, прибитыхъ къ стѣнамъ на разныхъ высотахъ, образующихъ такимъ образомъ ярусы; въ каждомъ изъ такихъ ярусовъ или рядовъ иконостаса помѣщаются образа въ томъ порядкѣ, который принять церковью, т. е. въ первомъ—мѣстныя иконы, во второмъ—праздничныя, а въ третьемъ и четвертомъ изображенія апостоловъ и праотцевъ. Съ нижняго бруска спускается матерія, а остальные бруски „опушоны“ досками, имѣющими непрерывный раскрашенный орнаментъ довольно типичнаго рисунка. На эти бруски въ видѣ полокъ и ставились образа; одинъ къ другому, безъ вертикальныхъ брусчатыхъ подраздѣленій между собою.

Потолки, когда нужно было покрыть большое пространство, дѣлались съ подъемомъ въ видѣ фронтона (черт. 9-й), чтобы доски между балками *a*, производя распоръ, значительно уменьшали бы прогибъ самыхъ балокъ. Для достиженія резонанса дѣлали круглыя отверстія въ потолкѣ и накрывали ихъ большими глиняными горшками (черт. 9, *b*).

Рубка стѣнъ производилась въ „шапъ“ (какъ у насъ въ

„лапу“), причемъ внутреннія церковныя стѣны обтесывались прямыми плоскостями, „выскабливались въ „лась“, а въ углахъ закруглялись (черт. 10-й). Рубка безъ выпускныхъ концовъ производилась большею частью въ верхнихъ восьмерикахъ и галлерейкахъ. Срубы церкви обыкновенно дѣлали въ сосѣднемъ лѣсу и ставили на заранѣе освященномъ мѣстѣ прямо на „пошвѣ“ безъ фундамента, вслѣдствіе чего являлась неравномѣрная осадка, и нынѣ церкви нерѣдко встрѣчаются искривленныя.

Устройство шатровъ представляло ту особенность, что всѣ они бревенчатые, „рубленые“, чѣмъ строители и освобождались отъ всякой стропильной системы. Шатеръ въ нѣкоторыхъ церквахъ доходить до 30 арш. вышиною и беретъ свое начало изъ первыхъ вѣнцовъ откоса главнаго карниза (черт. 9, с), который дѣлался также рубленый и относился отъ плоскости стѣнъ до $3\frac{1}{2}$ арш. Параллельно одной изъ плоскостей шатра, внутри шли, въ родѣ ступеней, тонкіе кругляки (*d, e, k*) „режи“, по которымъ можно проникнуть до самаго креста церкви. Наружная поверхность шатра, шейка и главка покрывались „чешуйчатымъ обиваніемъ“ (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно называлось „лемихъ“), откосы же карнизовъ покрывались тесинами съ „обломами“ въ видѣ зонтика; такими-же тесинами съ зубцами обдѣлывались основанія шеекъ и главокъ (черт. 9, н, о). Эти украшенія замѣтны и въ путевыхъ рисункахъ Олеларія. Вогнутая поверхность карниза иногда обшивалась досками (черт. 9, м) съ раскрашенными орнаментами и надписями, а верхній вѣнецъ его подъ обломами закрывался доской „карниста“ (черт. 9, з) съ вырѣзками различнаго рисунка.

Кресты, увѣличивающіе церковь, имѣютъ въ основаніи обвязку такой формы, какая встрѣчается въ грузинскихъ церквахъ (черт. 9-й, р); верхній конецъ креста едва возвышается надъ вторымъ горизонтальнымъ брускомъ. Мы уже упомянули, что шатровыя покрытія церкви иногда достигали до 30 арш. вышины, между тѣмъ внутренняя высота церкви зачастую не превышала 10 арш., такъ что вся внутренность шатра и почти половина высоты церкви оставались совершенно непроизводительными (черт. 9-й). Эта странность, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что во взглядѣ народа церковь всегда представлялась чѣмъ-то

грандіознымъ по виѣшности и скромнымъ по внутреннему убранству. Къ тому же надо прибавить еще то обстоятельство, что крайнее несовершенство печей, особенно въ курныхъ церквахъ, постоянно заставляло уменьшать нагрѣваемое пространство.

Что касается шатровыхъ церквей, то извѣстно, что при Алексѣѣ Михайловичѣ постройка ихъ была запрещена, но народъ видимо не могъ такъ скоро отрѣшиться отъ излюбленнаго мотива и продолжалъ дѣлать ихъ по всему Сѣверу, а въ XVII ст. этотъ мотивъ даже примѣнялся къ каменнымъ церквамъ, устроеннымъ также на подклѣткахъ и съ галлерейкой. Шатеръ въ каменныхъ храмахъ входилъ въ составъ самой церкви, а иногда предназначался для колокольни.

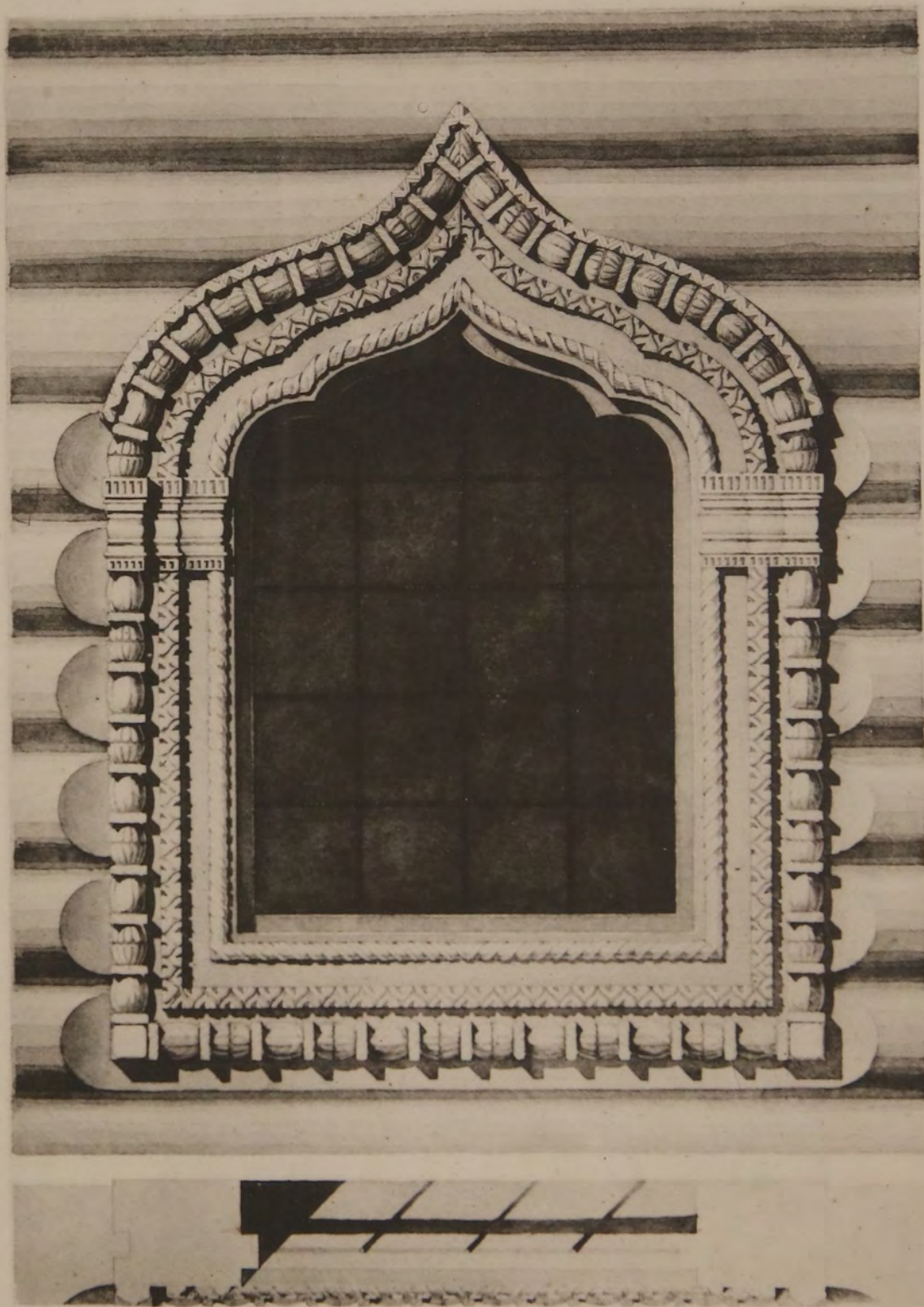
Верхняя часть сруба церкви и внутренность шатра, не занятая въ деревянныхъ церквахъ особымъ придѣломъ, вѣроятно по ненадежности пола, въ каменныхъ церквахъ, при сводчатомъ покрытіи, какъ нельзя болѣе удачно утилизировались колокольной, при этомъ детальная обработка шатра усложнялась, и общій видъ храма получалъ большій художественный ансамбль. Какъ весьма подходящій образчикъ такой постройки, можно указать на церковь Рожд. Христова въ г. Ярославль. Бочечное покрытие „прирубовъ церкви“, какъ и шатровое, дѣлалось изъ бревенъ и также „кожушилось“ (покрывалось) гонтомъ въ чешую. Изъ существующихъ мотивовъ бочечныхъ формъ можно предположить, что начало ихъ развитія лежитъ въ простомъ покрытіи съ „переламываніемъ“ (черт. 12, а); затѣмъ эта форма постепенно развивалась при увеличеніи числа переламываній (черт. 12, в, е, —ц. въ погостѣ Девятинскомъ, Олонецкой губ., и ц. на Уфтюгскомъ погостѣ, Архангельской губ., Сольвычегодскаго уѣзда) и такимъ образомъ дошла до закругленныхъ формъ (черт. 12, д, с, ж). Судя-же по тому, что бочечная форма господствуетъ въ памятникахъ деревянной архитектуры, можно думать, что развитіе ея было именно на Сѣверѣ. Обдѣлка церковныхъ дверей, особенно при переходѣ изъ трапезной въ церковь, была иногда очень богата, причемъ колонки и всѣ украшенія портала вырѣзывались въ самой колодѣ, которая вверху дѣлалась фронтономъ и иногда расписывалась.

Церковныя окна не украшались набивною рѣзбою, а состояли просто изъ колоды, верхній брусъ которыхъ схватывалъ двѣ вертикальныя части и имѣлъ на концахъ вырѣзныя формы въ родѣ карниза. Сверху колода покрывалась крышечкой, ребро которой обрабатывалось рѣзнымъ орнаментомъ. Въ нѣкоторыхъ окнахъ верхняя часть колоды дѣлалась фронтономъ, а внутреннее очертаніе самаго окна принимало закругленныя формы и доходило до вычурныхъ очертаній. Такимъ образомъ изъ простой колоды появлялись богатые наличники (табл. IV-я, окно въ церкви села Черевкова, Сольвычегодскаго уѣзда). При этомъ многія украшенія подобныхъ наличниковъ почти цѣликомъ попадаютъ въ каменной архитектурѣ XVII столѣтія. Тоже самое можно сказать и о порталахъ. Указавъ на нѣкоторыя характерныя черты устройства самыхъ церквей, скажемъ нѣсколько словъ и о другихъ церковныхъ постройкахъ.

1) *Колокольни*, какъ извѣстно, появляются въ Россіи довольно поздно. У насъ, какъ и въ греческихъ церквахъ, въ первые вѣка христіанства народъ призывался въ церковь ударами въ деревянное или желѣзное „било“ (какъ видно еще и въ путешествіи Олеарія). Это „било“ во множествѣ продержалось въ нашихъ церквахъ до XV вѣка. Колокола, хотя и упоминаются въ XI ст., но замѣтно не были распространены до XIV вѣка. Даже въ XV ст. колокола часто замѣнялись желѣзнымъ „клепаломъ“, имѣющимъ видъ полаго полушара съ металлическимъ языкомъ внутри. Самый древній видъ колоколенъ—это, такъ называемыя „звонницы“ (типъ ихъ сохранился въ Новгородско-Псковскихъ церквахъ), имѣющія видъ небольшой стѣны съ однимъ или двумя пролетами, куда и вѣшались колокола. Какъ болѣе развитой пріемъ звонницъ состоитъ изъ продолговатаго 4-хъ-стѣннаго помѣщенія, верхняя часть котораго имѣла видъ сквозныхъ арочекъ, гдѣ и помѣщались колокола. Въ путешествіи Олеарія замѣчаемъ, что колокола висѣли иногда просто на перекладинѣ, одинъ конецъ которой лежалъ на подоконникѣ церкви, а другой на деревянной стойкѣ (мнѣ приходилось видѣть такое устройство и въ настоящее время), или же эта перекладина положена концами на два большихъ столба съ раскосами. Такое устрой-

Асталь деревянная церковная ограда XVIII ст.

Копия с оригинала в Музее церковного искусства в Санкт-Петербурге.



Фотография Евг. Гофферъ. С.-Петербургъ. Мещанская 19.

Табл. IV.

ство иногда имѣло видъ воротъ. Судя по сохранившимся древнимъ памятникамъ церковной архитектуры, надо предположить, что каменные колокольни появились у насъ въ самомъ концѣ XVI стол., и то какъ бы въ переходномъ состояніи отъ вытянутой формы къ квадратной (напр., колокольня Дудина монастыря въ Нижегородской губерніи 1600 г., Дмитрія Солунскаго въ Москвѣ и др.). Вполнѣ развитой типъ русскихъ каменныхъ колоколенъ встрѣчается только въ концѣ XVII ст. Относительно же деревянныхъ восьмистѣнныхъ колоколенъ можно безошибочно сказать, что типъ ихъ былъ вполнѣ опредѣленъ если не въ XV ст., то во всякомъ случаѣ въ XVI ст., ибо, судя по лѣтописи Вологодскаго собора, въ которой упоминается о сдачѣ подряда въ 1621 г. „рубить колокольню о 8 стѣнахъ“, видно, что мастера наши уже освоились съ подобною формою раньше, т. е. при постройкѣ церквей, гдѣ восьмиугольные срубы уже приобрѣли довольно художественную форму и даже повліяли на каменную архитектуру. Колокольни съ квадратнымъ основаніемъ, какъ болѣе простой приемъ постройки, существовали несомнѣнно еще раньше. Деревянные „колокольницы“, какъ называются онѣ въ лѣтописяхъ, разбросаны въ большомъ количествѣ по всему сѣверному краю и только въ Вельскомъ уѣздѣ ихъ почти не сохранилось. Всѣ колокольни стоятъ отдѣльно отъ церкви, болѣею частью на юго-восточной и сѣверо-западной сторонахъ. Онѣ обыкновенно состоятъ изъ высокаго квадратнаго или восьмиугольнаго сруба, причемъ послѣдній иногда раздѣлялся карнизиками на нѣсколько ярусовъ и ставился на особый квадратный срубъ (черт. 14-й, ж). Этимъ срубомъ какъ бы одѣвался скелетъ колокольни, который состоялъ изъ 4-хъ, 8-ми и 16-ти вертикальныхъ или наклонныхъ къ центру *) толстыхъ бревенчатыхъ стоекъ (черт. 13, а). Внутренніе столбы возвышались надъ срубомъ аршина на 2 или на 3; на верхнихъ концахъ ихъ покоился „рубленный“ „съ пропусками“ карнизъ (черт. 14-й, а), состоящій изъ круглыхъ или отесанныхъ (съ 4-хъ сторонъ) бревень. Обнаруженная часть столбовъ колокольни нерѣдко обдѣ-

*) Въ этомъ случаѣ срубъ имѣлъ видъ усѣченной пирамиды (табл. V-я).

ывалась въ видѣ колоннокъ *в*, а между ними въ верхней части пролета вставлялись особыя доски (арочки) *е*, имѣвшія видъ украшенія и вмѣстѣ съ тѣмъ предупреждавшія распатываніе столбовъ колокольни. Вертикальная ось строенія представляла собою толстое бревно до 14 вершк. (черт. 13, *в*), идущее во всю высоту колокольни, причемъ верхняя часть его заканчивалась крестомъ. Покрытіе колоколенъ въ большинствѣ случаевъ одношатровое, въ рѣдкихъ случаяхъ пятишатровое (табл. VI-я, церк. на Ракульскомъ погостѣ). Въ послѣднемъ случаѣ средній шатеръ дѣлался восьмигранный, а остальные четырехгранные. Шатеръ, шейка и главка колокольни всегда покрывались гонтомъ „въ чешую“. Лѣстница на колокольню помѣщалась внутри, а иногда нижняя часть ея находилась снаружи (черт. 14) и имѣла одинъ или два рундука. Наружная часть лѣстницы располагалась параллельно входной стѣнѣ (черт. 13, *с*) или перпендикулярно къ ней (черт. 13, *д*).

2) *Церковныя ворота* ставились обыкновенно въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ церкви, и каждый, проходящій въ церковь, считалъ долгомъ помолиться иконамъ, въ воротахъ находящимся, и тѣмъ приготовиться съ благоговѣніемъ войти въ самый храмъ. Ворота состояли изъ двухъ крестчатыхъ въ планѣ срубовъ (черт. 15-й), покрытыхъ двухскатной крышей, увѣнчанной главкой; въ пролетѣ воротъ подъ крышей дѣлалась полка для образовъ (*а*). Фронтоны убирались рѣзьбою, а главка крылась „чешуйчатымъ обиваніемъ“.

3) Всѣ церковныя строенія (колокольни, теплыя и холодныя церкви) обносились иногда деревянными *оградами* (черт. 16-й), внѣшняя сторона которыхъ представляла собою прямые стѣны, высотой до 4-хъ арш. съ маленькими отверстіями (*в*) въ родѣ оконъ; эти отверстія выходили въ особые четырехугольные срубы (*ж*), служившіе контрафорсами стѣны и въ то же время были мѣстомъ продажи всевозможныхъ товаровъ въ праздничные и базарные дни. Вся ограда въ ширину срубовъ покрывалась двухскатной крышей и имѣла двое воротъ, отличавшихся отъ ограды болѣе богатымъ устройствомъ. Ворота эти были въ двухъ противоположныхъ частяхъ ограды и состояли изъ проѣзда (*е*) и двухъ проходовъ (*к*, *к*).

Мелочина възле външнѣхъ постоѣхъ Архангельской въ Шенкурскѣ уездѣ.



В. Мелочина. 1883.

Табл. V.

Перейдемъ теперь къ описанію жилыхъ построекъ, т. е. къ сельскимъ избамъ, такъ какъ другихъ болѣе значительныхъ древнихъ зданій, за исключеніемъ домика Петра въ Архангельскѣ, мнѣ не пришлось видѣть. Общій типъ старинныхъ избъ, ихъ конструкція и даже прежніе строительные термины, употребляются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и понынѣ. Изъ болѣе интересныхъ и древнихъ избъ мною приведена (на черт. 17, табл. I-я и табл. VI-я) изба Кадниковскаго уѣзда, который и по настоящее время славится убранствомъ своихъ жилищъ. Все помѣщеніе обыкновенно состоитъ изъ двухъ этажей. Первый изъ нихъ ставился „на пошвѣ“, т. е. прямо на землѣ или на столбахъ. Самая изба *a* срублена на „подзавалье“, съ однимъ „краснымъ“ (узорчатымъ) окномъ (*в*) и по бокамъ двумя волоковыми (*с*). Она нагрѣвается глиняной „битой“ печкой, устроенной слѣдующимъ образомъ: на клѣтку, состоящую изъ четырехъ брусковъ, настланы доски—„плахи“, такія же доски укрѣплены и по бокамъ (съ 4-хъ сторонъ, въ видѣ плоскаго ящика), затѣмъ на дно такого ящика насыпали небольшой слой песку. Выше клали половинку толстаго бревна (боровъ), которое давало объемъ внутренности печи; на боровъ и въ бока клали глину и утрамбовывали ее, отчего и самая печь получила названіе „битой“. По изготовленіи такой печи и по просушкѣ ея, боровъ вынимался. Чтобы пламя во время топки не направлялось въ потолокъ, надъ отверстіемъ печи (хайломъ) придѣлывался „кожухъ“, имѣющій видъ четверти сферической поверхности, полая часть которой обращена внизъ; иногда такой „кожухъ“ замѣнялся горизонтальной плитой. Около хайла находилась печурка, въ которой разжигали уголь во время большихъ холодовъ. Къ печкѣ обыкновенно примыкала лѣсенка (черт. 17-й, *д*) *) для схода въ „голубецъ“ (кладовую для провизіи), отдѣленная легкой, невысокой перегородкой, не доходившей до потолка. Полъ „мостили на кладяхъ“ (прогонахъ) половыми досками „въ причертъ съ вытесомъ“, т. е. одна доска находила на другую, черезъ посредство вынутыхъ въ краяхъ четвертей.

*) На черт. 17 показанъ планъ втораго этажа избы.

Потолокъ состоялъ изъ „матиць“ (балокъ), на которыя пакатывали „круглякъ“ или клали „плахи“. Около печки во внутренней стѣнѣ, на высотѣ 2-хъ арш. отъ пола, дѣлалось отверстіе въ деревянную трубу (*жс*) — „дымницу“ или „дымникъ“, черезъ которую и вытягивался скопившійся въ избѣ дымъ. Въ стѣны вдѣлывались 2 или 3 шеста для устройства колыбелей и хозяйственныхъ приспособленій. Затѣмъ, вдоль стѣнъ ставили лавки, а на высотѣ 2¹/₂ арш. полати. Подъ избой находилось подполье (подклѣть или, какъ значитъ въ древнихъ лѣтописяхъ, порубъ), служившее иногда жильемъ. Часть подполья отводилась для кладовой (голубецъ), а остальное пространство, освѣщаемое „просвѣтцами“, въ родѣ волоковыхъ оконъ, назначалось для куръ, гусей и т. п. Клѣть (черт. 17, *к*) или горница, называемая иногда „боковушей“ освѣщалась краснымъ окномъ и имѣла маленькое отдѣленіе (*л*) для домашняго скарба. Помѣщеніе подъ горницей (подклѣть) раздѣлялось на стайку (для мелкаго скота) и кладовую (мшаникъ). Пространство между избой и клѣтью, забранное въ столбы, носило названіе сѣней (черт. 17-й, *н*) въ нихъ находилась полка для образовъ и лѣсенка на вышку „въ теремъ“, устроенный въ фронтонѣ. Изъ сѣней выходили на крыльцо (*м*), всегда украшенное рѣзьбою, и затѣмъ спускались на улицу. Подъ сѣнями было „подсѣнье“, въ которомъ съ одной стороны были ворота на улицу, а съ остальныхъ — двери въ „стайки“ и въ другой „подсѣнникъ“ или „большія стаи“. Задняя часть строенія, называемая дворищемъ, устраивалась безъ потолка. Во второмъ этажѣ дворища находился главный сѣнникъ, гдѣ хранилось сѣно, телѣги, сбруи и другія хозяйственныя принадлежности. Изъ него вела лѣсенка въ подсѣнникъ, гдѣ обыкновенно стояли лошади. Рядомъ съ большимъ сѣнникомъ былъ другой, малый сѣнникъ *р*, часть котораго „задцы“ или „придѣльцы“ (*ш, з*) предназначалась для необходимыхъ предметовъ домашняго обихода. Въ немъ хранился кормъ скота, въ лѣтнее же время устраивали кровати для спанья. Съ улицы въ сѣнникъ поднимается „взѣздъ“ (черт. 17-й, *и*), сдѣланный изъ сплошныхъ кругляковъ или изъ обтесанныхъ бревенъ. Подъ придѣльцами и ма-

лымъ сѣнникомъ были „коровники“ и маленькія „стайки“. Все строеніе, кромѣ „въѣзда“ и наружной лѣстницы, покрывалось двухскатной крышей съ фронтонами, или, какъ въ разсматриваемой нами избѣ (табл. VII-я) — крышей на три ската, причемъ съ главнаго фасада такая покрывка называлась „палатной“.

Конструкція наружнаго покрытія избѣ дѣлалась слѣдующимъ образомъ: на приготовленный срубъ ставили стропильныя ноги *а*, „быки“, нижніе концы которыхъ врубали въ „подкуретники“ *б* (последній вѣнецъ строенія), а верхніе какъ бы схватывали „князевую слегу“ *в* (подконьковый брусъ). На быки горизонтально наколачивались „лотоки“ *с* (обрѣшетины), затѣмъ къ лотокамъ прикрѣпляли „курицы“ *д*, поддерживающія въ свою очередь „водотечникъ“ *н*. Остовъ крыши покрывался „подскальникомъ“ (тесомъ), называемымъ такъ потому, что его иногда, во избѣжаніе течи, обкладывали берестою (скалою), поверхъ которой набивался второй рядъ теса „съ обломами“. На ребро крыши налегало толстое бревно *м* „охлупень“, конецъ котораго въ церковныхъ постройкахъ закрывался прорѣзной доскою съ крестомъ, а въ избахъ онъ обрабатывался въ видѣ коня, птицы, а иногда какимъ нибудь архитектурнымъ украшеніемъ. То же богатство обдѣлки корневыхъ концовъ замѣчается въ „курицѣ“ и „водотечникѣ“ *н* и *д*. Для того, чтобы доски или такъ сказать одежду крыши не сносило вѣтромъ, на крышу клали бревна или „гнеты“ *ч*, концы которыхъ схватывались толстою доской „огнивомъ“ *о*, всегда съ обрѣзнымъ контуромъ. На лотоки *с* или на концы *д* (слеги или подтечины), выходящія изъ-за фронтона, набивались „причелины“ *к* и „вѣтреница“ (средняя доска подъ фронтономъ), иногда же стропильныя слеги *дд* своими корнями поддерживали маленькіе гнеты *л*. Противъ середины фронтона выходилъ рядъ выпускныхъ бревенъ *п* въ видѣ кронштейновъ, называемыхъ „повалами“, на которые ставили балконъ. Бревна самаго фронтона *р* назывались „самцами“.

Разсмотрѣвъ характерныя особенности церковныхъ и гражданскихъ построекъ, замѣтимъ, что въ этомъ краѣ — „лѣсной землѣ“, какъ называли его южные князья, главнымъ строи-

тельнымъ матерьяломъ было дерево (древнихъ каменныхъ церквей почти не встрѣчается), что объясняется обиліемъ лѣса и удобствомъ его доставки. Обычное обращеніе мѣстныхъ строителей съ обработкой дерева и указываетъ намъ на ту скорость, съ которой воздвигались старинные храмы; нерѣдко, напр., большая „обыденная“ церковь „рубилась“ и „наряжалась“ въ одинъ день. Этому успѣху способствовало и то обстоятельство, что кирпичное производство, не только здѣсь, но вообще въ Россіи, до Аристотеля Фіоравенти было въ самомъ младенческомъ состояніи. Даже послѣ него, вѣроятно въ силу укоренившихся привычекъ народа къ деревяннымъ постройкамъ, оно не получало гражданства до прихода въ Россію голландскихъ мастеровъ. Нельзя не замѣтить, что даже въ XVII стол. наши князья не особенно жаловали каменные постройки и больше любили жить въ деревянныхъ хоромахъ. Такое предпочтеніе, конечно, дало возможность, особенно въ лѣсныхъ губерніяхъ, развитъ плотничное искусство отъ самыхъ первобытныхъ его приемовъ до созданія художественныхъ произведеній. Притомъ, судя по памятникамъ, деревянная архитектура не брала себѣ чуждыхъ ей формъ, какъ случалось это въ каменныхъ постройкахъ. Оставаясь всегда вѣрной самой себѣ, она шла впередъ на своихъ рациональныхъ началахъ, своими народными силами. Прекрасно освоившись со своимъ дѣломъ, плотничные мастера давали полный просторъ своему воображенію: соборъ въ Новгородѣ (XII ст.) былъ построенъ о „тринадцати верхахъ“, церковь Успенія Бож. Мат. въ г. Устюгѣ — о „двадцати стѣнахъ“; кромѣ того, лѣтописи упоминаютъ объ огромныхъ городскихъ стѣнахъ, башняхъ, хоромахъ и различныхъ общественныхъ зданіяхъ.

Рѣзное дѣло также въ силу извѣстныхъ благопріятныхъ условій дошло до прекрасныхъ образцовъ. Мы видимъ массу церковныхъ предметовъ (напр. царскія двери, кіоты, подсвѣчники и т. п.), исполненныхъ съ замѣчательной художественностію и любовью. Такое производство, видимо, не составляло роскоши, а представлялось духовною потребностью всего народа, иначе чѣмъ бы можно объяснить тѣ факты, что въ какой-нибудь деревянной сельской церкви мы находимъ по

двое царскихъ вратъ замѣчательно тонкой работы *), различные подсвѣчники и др. церковные предметы.

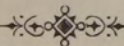
Въ наружныхъ и вообще въ болѣе крупныхъ украшеніяхъ мы видимъ по преимуществу всевозможныя сочетанія геометрическихъ формъ (зубчиковъ, желобковъ, городковъ, кругляковъ и т. п.), комбинирующихся иногда довольно въ сложные орнаменты. Подобная рѣзьба всегда удавалась русскому мастеру и по всему сѣверному краю можно встрѣтить всевозможные предметы бытовой жизни (прялки, вальки, ящики и т. п.) самой чистой и красивой работы. Нѣмецкая же „фигурная“ рѣзьба стиля возрожденія, занесенная къ намъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, здѣсь почти не прививалась (за исключеніемъ развѣ большихъ городовъ), такъ какъ наши плотничные старосты, во первыхъ, не умѣли хорошо „знаменить“ (рисовать), а во вторыхъ, прямо не понимали этого стиля. Такъ что нѣмецкая орнаментика, если и появлялась на Сѣверѣ, то въ рабскихъ копіяхъ съ печатныхъ листовъ **). Такимъ образомъ здѣсь велось собственно народное мастерство и, развиваясь собственными силами, дошло до насъ въ весьма самобытныхъ и нерѣдко изящныхъ образцахъ русскаго зодчества.

Искусство, какъ одна изъ важныхъ духовныхъ формъ народной жизни, служить намъ къ уясненію быта, нравовъ, обычаевъ и вообще всего того, что пережили русскій человѣкъ. Если въ настоящее время среди нашего общества явилось сознаніе цѣлесообразности продолжать родное искусство, то разностороннее изученіе его зарожденія, его жизни въ связи съ жизнью народа укажетъ намъ его законы и опредѣлитъ болѣе твердую почву для правильнаго возрожденія его. Изученіе это уже пошло большими шагами, и только, къ сожалѣнію, Двина и Поморье у насъ еще мало изслѣдованы; между тѣмъ, по выраженію нашего извѣстнаго археографа Строева, „въ этой классической сторонѣ русскаго народа“ лежатъ еще нетронутыми огромные матеріалы для полнаго изученія историческаго уклада

*) Въ селѣ Посадномъ, Архангельской губ., Онежскаго уѣзда.

**) Мотивы травчатныхъ орнаментовъ чаще всего заимствовались изъ иконописи.

русской жизни. Наконецъ изученіе здѣсь древняго деревяннаго зодчества, укажетъ намъ болѣе вѣрный путь къ пониманію сохранившихся образцовъ каменной архитектуры и тѣмъ заставить внести въ современное искусство изъ старинныхъ формъ элементы, наиболѣе подходящіе къ духу народа, преданіямъ и практическимъ потребностямъ. Откладывать изслѣдованіе памятниковъ нашего далекаго Сѣвера даже преступно: время, неумолимый сокрушитель, виситъ Дамокловымъ мечемъ надъ нѣмыми свидѣтелями глубокой старины, и уже близка пора, когда они безслѣдно исчезнутъ съ лица Русской земли и навсегда сокроются отъ лѣтописей и преданій народной жизни.



Примѣчаніе. Статья эта съ нѣкоторыми добавленіями перепечатана изъ трудовъ VI-го археологическаго съѣзда въ г. Одессѣ и касается моего перваго путешествія по Вологодской и Архангельской губерніямъ. Вторая поѣздка по изслѣдованію древнихъ деревянныхъ построекъ на Поморѣ и въ Олонецкой губерніи описана въ сочиненіи «Путевыя замѣтки о Сѣверѣ Россіи и Норвегіи», изданіе Императорской Академіи Художествъ за 1888 г.

ДРЕВНІЕ СОВОРЫ
ВЪ ГОРОДѢ
РОМАНОВѢ-БОРИСОГЛѢБСКѢ.

THE WHITE COBOURN

BY J. B. COBURN

POMAHOE-BOYDTONS

Черт. 1-й.



Среди памятниковъ русскаго зодчества XVII ст. особенное вниманіе обращаютъ на себя церковныя постройки въ г. Романовъ-Борисоглѣбскѣ, Ярославской губерніи. Городъ этотъ чрезвычайно живописно раскинутъ по своимъ берегамъ р. Волги, въ 36-ти верстахъ отъ г. Ярославля. На лѣвомъ берегу находится Борисоглѣбская сторона, — въ древности Ловецкая слобода, а на правомъ Романовская, — бывшій самостоятельный городъ Романовъ *). При Екатеринѣ II-й слобода названа городомъ, а при Александрѣ I-мъ она соединена въ одинъ городъ съ Романовымъ.

Вслѣдствіе разныхъ неурядицъ, которыя претерпѣвалъ г. Романовъ и Борисоглѣбская слобода, лѣтописей или какихъ-либо указаній о первоначальныхъ постройкахъ не сохрани-

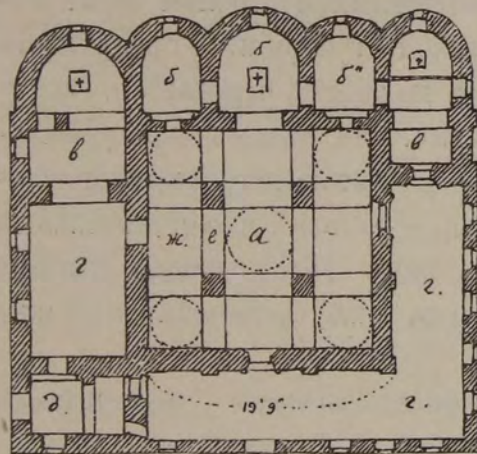
*) Первые свѣдѣнія объ основаніи г. Романова находятся въ родословной книгѣ Оеодора Ростиславича Чернаго («Ист. Рос. Гос.», Кар.), откуда видно, что этотъ городъ былъ «поставленъ» кн. Романомъ, сыномъ Василя Грознаго очі. Въ сочиненіи же г. Кисселя находимъ, что Романъ Васильевичъ только возстановилъ гор. Романовъ, а основанъ онъ Углицкимъ княземъ Романомъ Владиміровичемъ, что якобы подтверждается Серебrenиковскими и Супоневскими лѣтописями.

Оставляя этотъ вопросъ открытымъ, мы упомянемъ о болѣе опредѣленныхъ историческихъ указаніяхъ. Въ XV стол. жена Василя Васильевича Темнаго, Марія, купила городъ Романовъ съ его окрестностями и отдала сыну Андрею Большому, но братъ его, великій князь Іоаннъ III, убилъ Андрея и владѣнія его присоединилъ къ Москвѣ. Въ 1563 г. городъ Романовъ поступилъ во владѣніе къ двоюродному брату Грознаго, Владиміру Андреевичу,

лось. Существует однако преданіе, что первоначальный соборъ въ г. Романовѣ былъ деревянный и стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится приходская Воскресенская церковь.

Нынѣ существующій Крестовоздвиженскій каменный соборъ на Романовской сторонѣ стоитъ, по преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ основанъ городъ, что отчасти подтверждается существующимъ до сихъ поръ высокимъ валомъ, окружающимъ соборъ со всѣхъ сторонъ и имѣвшимъ когда-то значеніе укрѣпленія.

О времени построенія собора точныхъ свѣдѣній нѣтъ и хотя по лѣтописямъ значится, что на построеніе Крестовоздвиженскаго собора Алексѣй Михайловичъ пожертвовалъ 100 рублей, но это едва-ли вѣроятно, такъ какъ, судя по основнымъ формамъ плана и фасада, по подпружнымъ аркамъ (е_е), поднимающимся выше слѣдуемыхъ за ними сводовъ (жж), по мѣст-



Черт. 2-й.

нымъ преданіямъ и по историческимъ указаніямъ Кисселя, постройку его слѣдуетъ отнести къ болѣе раннему періоду, т. е. не позднѣе какъ къ XVI ст. Пожертвованіе же вѣроятно относилось не къ постройкѣ самаго храма, а къ пристройкамъ придѣловъ вв, галлерей ии и колокольни д, стиль которыхъ, кромѣ галлерей, передѣланной въ недав-

нее время, принадлежитъ дѣйствительно Романовской эпохѣ (черт. 1-й, 2-й и 3-й). Храмъ имѣетъ троечастное дѣленіе,

но онъ вскорѣ былъ оравленъ и городъ снова присоединенъ къ Москвѣ, а черезъ нѣкоторое время былъ пожалованъ во владѣніе князьямъ Ногайскимъ—Магометамъ.

Послѣдніе, стремясь къ самостоятельности при Шуйскомъ, измѣнили Москвѣ и городъ Романовъ, послѣ всевозможныхъ неурядицъ и разгромовъ, представлялъ собой лишь жалкіе остатки когда-то цвѣтущаго Поволжскаго селенія.

Съ 1699 г. городъ съ уѣздомъ принадлежалъ приказу большаго двора, а съ 1708 г. причисленъ къ Ингерманландской губ. и къ Пошехонской провинціи. Затѣмъ онъ былъ приписанъ къ Ярославлю, Московской губ., и, наконецъ, въ 1796 г. сдѣланъ уѣзднымъ городомъ Ярославской губ. Изстари

съ пятью правильно расположенными куполами, и съ восточной стороны заканчивается тройною абсидою. Судя по плану, фасаду и пропорціямъ собора, прототипомъ его служилъ общій мотивъ Владиміро-Суздальскихъ церквей.

Покрытіе собора нынѣ состоитъ изъ четырехскатной крыши, между тѣмъ, въ древности оно очевидно состояло изъ ряда полукруглыхъ крышечекъ, отвѣчающихъ каждому дѣленію фасадовъ. Луковичныя главы собора видимо передѣланы въ XVII ст., причемъ барабанъ средней главы приподнятъ противъ прежней его высоты на высоту с. Иконостасъ главнаго храма помѣщается передъ малыми восточными куполами и это, въ ряду другихъ особенностей, подтверждаетъ, что постройка собора относится по крайней мѣрѣ къ XVI вѣку, ибо въ XVII ст. иконостасы почти исключительно ставились передъ среднимъ главнымъ куполомъ, такъ



Черт. 3-й.

что малые купола приходились въ алтарномъ помѣщеніи. Внѣшнія формы храма украшены довольно просто, и не лишены красивыхъ пропорцій. Внутренность храма украшена фреско-

ою управлялся воеводами; населеніе его исключительно торговое и жители до сихъ поръ придерживаются раскола, посяннаго здѣшнимъ уроженцемъ, исправщикомъ Лазаремъ.

Относительно гор. Борисоглѣбска можно сказать, что онъ съ незапамятныхъ временъ былъ дворцовой Ловецкой слободой и всегда принадлежалъ Ярославскому княжеству. Крестьяне этой слободы обязаны были ловить определенное количество рыбы для великихъ князей и царей московскихъ, и за то пользовались особыми привилегіями, т. е. подлежали только царскому суду, освобождались отъ податей, городского дѣла, ямской гоньбы и пр. Слобода эта также съ древнѣйшихъ временъ славилась котельщиками, и мастерство ихъ было извѣстно не только въ Россіи, но и за границу. Есть, напр., указанія что борисоглѣбскіе мастера вызывались на работу въ Персію. Отъ занятій этимъ мастерствомъ произошли и сохраняются понынѣ нѣкоторыя фамиліи, — напр. Котловановы.

вой живописью, писанной по преданію византійскими мастерами.

Кромѣ собора, на Романовской сторонѣ находятся довольно интересныя церковныя постройки XVII ст., но всѣ онѣ не составляютъ большихъ особенностей, а потому остановимся на одномъ, весьма интересномъ памятникѣ — Воскресенскомъ соборѣ, на Борисоглѣбской сторонѣ.

Относительно первоначальнаго храма на мѣстѣ собора существуетъ указаніе, что при Іоаннѣ Грозномъ здѣсь была двухъ-этажная деревянная церковь во имя св. Бориса и Глѣба — „брусчатая, съ пятью куполами“ *).

О размѣрахъ этой церкви можно судить по мѣстному преданію, которое говоритъ, что находящаяся въ существующемъ нынѣ соборѣ икона Спасителя, высотой до 4 арш. и шириною до 3 арш., помѣщалась горизонтально въ куполѣ средней главы, но всѣ эти указанія документально не подтверждаются. Существующій въ настоящее время Борисоглѣбскій Воскресенскій соборъ представляется однимъ изъ самыхъ интересныхъ храмовъ не только города Романова-Борисоглѣбска, но и вообще всего русскаго зодчества. Въ немъ чрезвычайно удачно вылился полный и величественный типъ нашихъ церковныхъ построекъ XVII ст. Стилъ его, какъ и всѣхъ подобныхъ памятниковъ этой эпохи, за малымъ исключеніемъ, представляетъ ту особенность, что въ немъ сложились элементы по преимуществу чисто народной архитектуры. Галлерей, придѣлы, крыльца, своеобразная декорація фасадовъ, все это, не появлявшееся въ нашихъ каменныхъ храмахъ до XVI ст., наконецъ приняло повсемѣстный и общій характеръ съ древними деревянными постройками Сѣверной Россіи.

Чтобы полнѣе выяснитъ нѣкоторыя художественныя и конструктивныя особенности Борисоглѣбскаго собора, мы въ краткихъ словахъ очертимъ различные типы церковныхъ построекъ, выработанныхъ у насъ въ XVI и XVII ст.

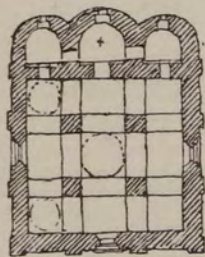
Общій мотивъ плана русскихъ церквей, установившійся до

*) На мѣстѣ ея, вблизи существующаго нынѣ собора, стоитъ надпрестольный памятникъ.

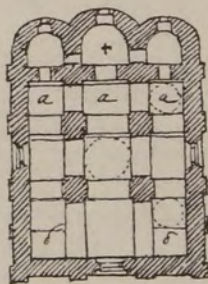
XVI ст., состоялъ или изъ квадратнаго помѣщенія (черт. 4-й, во Владиміро-Суздальской области) или изъ продолговатаго (черт. 5-й, въ Московскомъ краѣ). Въ первомъ случаѣ храмы разбивались со всѣхъ сторонъ троечастью, а во второмъ—(сѣверные и южные фасады)—четыречастью. Внутреннее помѣщеніе всегда раздѣлялось четырьмя столбами и съ восточной стороны оканчивалось тройною абсидою. Этотъ приѣмъ плана хотя удерживается и въ XVII ст., но съ развитіемъ строительной техники, зодчіе, желая сдѣлать самую церковь болѣе открытою, откидываютъ сначала два столба—и тогда главный куполь помѣщаютъ между оставшимися столбами, какъ напр. въ церкви св. Троицы (черт. 6-й и 7-й) въ г. Костромѣ и въ церкви села Пурехъ (черт. 8-й), Нижегородской губерніи. Затѣмъ видоизмѣняютъ этотъ мотивъ и



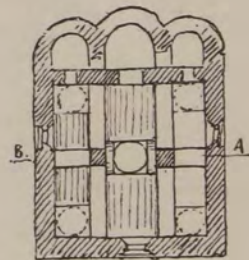
Черт. 7-й.



Черт. 4-й.



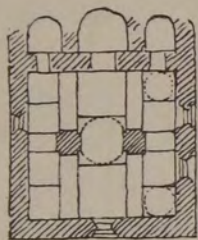
Черт. 5-й.



Черт. 6-й.

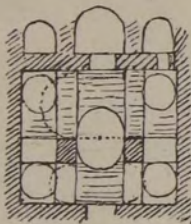
куполь постепенно выводятъ изъ столбовъ (черт. 9-й, Архангельскій Никольскій монастырь). Далѣе подвигая куполь къ востоку, часть его груза переводили черезъ подпружные арки на столбы, а остальной грузъ сосредоточивали уже на сводѣ, какъ напр. въ церкви села Маркова, Московской губерніи (черт. 10-й). Наконецъ совсѣмъ уничтожаютъ оставшіеся столбы и барабанъ ставятъ прямо на сводѣ между четырьмя подпружинами (двѣ изъ нихъ продольныя во весь сводъ, а двѣ поперечныя между ними). Это мы видимъ въ церкви Воскресенія Христова въ гор. Ростовѣ (черт. 11-й). Такимъ образомъ, постепенно освобождаясь отъ внутреннихъ столбовъ, въ церквахъ рождается и входитъ въ

большое употребленіе еще другой способъ сводчатыхъ покрытій; все пространство храма покрывается однимъ сомкнутымъ сводомъ съ четырьмя перпендикулярно пересѣкающимися арками. Въ центрѣ такого свода ставился барабанъ, причемъ среднія части арокъ получали значеніе подпругинъ (черт. 12—13, соборъ въ Сольвычегодскомъ монастырѣ). Вѣроятно изъ этого же мотива вытекало и такое устройство свода, какъ показано на

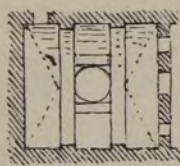


Черт. 8-й.

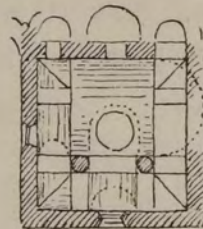
черт. 14 и 15 (напр. въ церкви Іоанна Божіа въ г. Ростовѣ-Ярославскомъ), гдѣ разница являлась только въ томъ, что среднія части свода *aaa* (черт. 12 и 13) вынуты и замѣнены плоскими распалубками *bbb* (черт. 14 и 15). Такой мотивъ сводчатыхъ покрытій практиковался большею частію въ малыхъ церквахъ



Черт. 9-й.



Черт. 11-й.

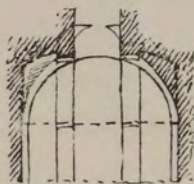


Черт. 10-й.

и встрѣчается въ памятникахъ русскаго зодчества XVI ст., хотя происхожденіе его по извѣстнымъ даннымъ слѣдуетъ отнести къ болѣе раннему періоду. Разсмотрѣнныя устройства сводовъ были конечно какъ пробы и примѣнялись въ зависимости отъ величины построекъ и другихъ потребностей. Въ большихъ же церквахъ своды по преимуществу устраивались на четырехъ столбахъ. Что касается общаго характера каменныхъ храмовъ XVII ст., то почти всѣ они состояли (черт. 16-й): 1) изъ главнаго квадратнаго или прямоугольнаго помѣщенія *A*; 2) трехъ-абсиднаго алтаря *в*; 3) одного или двухъ придѣловъ *бб*, съ сѣверной и южной сторонъ, оканчивающихся полукруглыми абсидами и соединяющихся съ главною абсидою; 4) галлерей *с* или паперти, обходящей церковь съ трехъ сторонъ *) и 5) одного, двухъ или трехъ

*) Мотивъ обработки галлерей и папертей въ каменныхъ храмахъ почти одинаковый съ нищевниками и трапезными сѣверныхъ древнихъ деревянныхъ церквей.

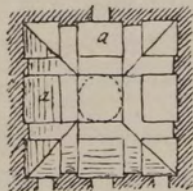
крылецъ ∂ , ∂ , ∂ . Относительно внѣшнихъ формъ храмовъ XVII стол., можно сказать что въ общихъ чертахъ они имѣли такіе мотивы: главное помѣщеніе церкви при четырехъ столбахъ большею частію увѣнчивалось 5-ю куполами, а при сомкнутыхъ сводахъ однимъ куполомъ (но иногда и пятью). Кромѣ того, церкви покрывались иногда однимъ высокимъ шатромъ. Алтари замыкались полусферическими сводами и перекрывались плоскими крышами, на которыхъ иногда ставились глухія главки (бочечныя формы, встрѣчающіяся надъ алтарями древнихъ деревянныхъ церквей, въ каменныхъ храмахъ почему-то совсѣмъ не замѣчаются). Придѣлы завершались большею частію плоскими крышами (двухскатными и трех-



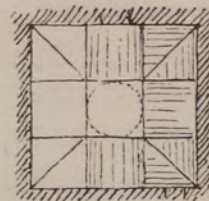
Черт. 13-й.



Черт. 15-й.



Черт. 12-й.

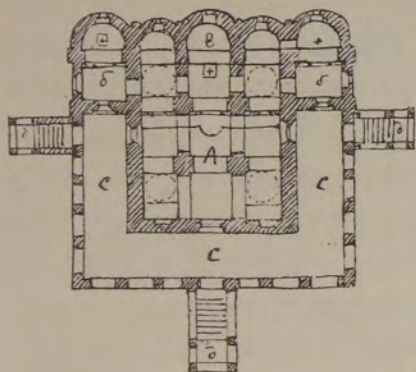


Черт. 14-й.

скатными) съ главками, а иногда шатровыми „верхами“. Случалось, что главное помѣщеніе и придѣлы были пятиглавыя, напр. въ Толчековской церкви въ гор. Ярославль 15 главъ. Вся церковь ставилась иногда на высокихъ подвалахъ (подклѣткахъ), нерѣдко занятыхъ зимнею церковью. Крыльца или входы въ большинствѣ случаевъ дѣлались съ трехъ сторонъ противъ среднихъ входовъ въ самую церковь. Форма ихъ и детальныя украшенія вполнѣ тождественны съ древними деревянными церковными крыльцами.

Зная такимъ образомъ общій мотивъ церковныхъ построекъ XVII ст., мы рассмотримъ планы, фасады, конструкцію и де-

тали Воскресенскаго Борисоглѣбскаго собора, а затѣмъ отмѣтимъ его особенности. Храмъ этотъ (двухъ-этажный) построенъ въ разные періоды времени, причемъ нижній этажъ болѣе древній и имѣлъ значеніе самостоятельнаго храма. Объ этой перво-



Черт. 16-й.

начальной каменной церкви, бывшей въ одинъ этажъ безъ галлерей, имѣется указаніе въ надписи, находящейся въ стѣнахъ этой же церкви. Изъ надписи видно, что она была освящена въ 1652 г., хотя мѣстные жители не безъ основанія относятъ постройку ея ко времени Іоанна III. О формѣ первоначальнаго храма можно отчасти

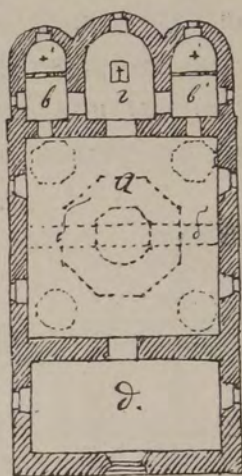
судить по грамотѣ митрополита Іоны, данной въ 1670 г. на надстройку втораго этажа Воскресенскаго собора, гдѣ между прочимъ говорится слѣдующее:

„По благословенію преосвященнаго . . . били намъ челомъ земской староста Микита Малодушкинъ съ товарищи, да мірскіе люди Захаръ Кузьминъ сынъ Котловановъ (по преданію строители), Корнилъ да Матѳей Ѳедоровы дѣти Седуновы и вся Борисоглѣбстїи слободы крестьяне чтобъ намъ и пожаловать благословить церковь Божію во имя Пресвятыя Богородицы Одигитрія и великаго пророка Іоанна Предтечи и св. благовѣрныхъ князей обоихъ братьевъ Бориса и Глѣба, нареченныхъ во св. крещеніи Романа и Давида. *Шатры разобрать до полуцеркви и изнова съ уступомъ отъ алтарей построить церковь Божію на сводахъ во имя Воскресенія Христа Бога нашего холодную, а въ исподи что уступится въ той бы прежней церкви трапеза, — а по прежнему нашему благословенію кирпичи и известъ у нихъ въ припасъ есть, а нынѣшняя де церковь Божія отъ тягости шатровые верхи разсыпсь во многихъ мѣстахъ;*“ — далѣе: *и въ прежней церкви, что построятъ трапезу теплую съ придѣлы*“.

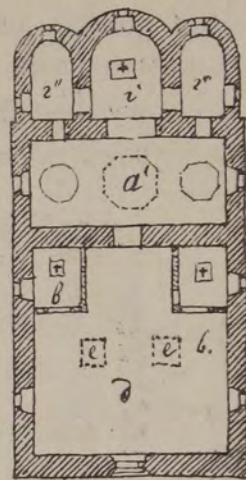
Такое неясное показаніе не даетъ возможности съ достовѣрностью представить бывшую структуру храма, и можно сдѣлать только два предположенія: т. е., что квадратное помѣ-

щеніе церкви *a* увѣнчивалось 5-ю шатрами, какъ напр. нѣкогда существовавшій придѣлъ Сольвычегодскаго собора *). При этомъ трапеzia *d* была продолговатая, а два придѣла, о которыхъ упоминается въ лѣтописи, занимали два алтарныхъ полукружія *в*, *в'* (черт. 17).

Второе предположеніе, и болѣе вѣроятное, это то, что помѣщеніе *d* считалось трапезной, въ которой и находилось два придѣла *в*, *в* (черт. 18). Церковь же представляла собою продолговатое пространство *a'*, покрытое сомкнутымъ сводомъ и увѣнчанное съ фасада тремя шатровыми главами или „вер-



Черт. 17-й.



Черт. 18-й.

хами“. Типъ такихъ каменныхъ церквей встрѣчается еще въ XVI стол. (напр. трапезная церковь въ Соловецкомъ монастырѣ, судя по древнему рисунку, была именно такого устройства). Приѣмъ этотъ попадаетъ и въ древнихъ деревянныхъ церквахъ.

На черт. 19 и 20 представлены планы 1-го и 2-го этажей, существующаго въ настоящее время, Борисоглѣбскаго собора. Общіе размѣры его слѣдующіе: ширина главной церкви 8 саж., а длина отъ сѣвера къ югу—12 саж.; ширина галлерей 7 арш.; длина нижней церкви съ абсидой 19,5° саж., наибольшая длина 25° саж.; высота нижней церкви 7 арш., — верхней церкви до сводовъ 19 арш., а до главнаго купола 34 арш.; вся высота церкви доходитъ до 23 саж.

Разсматривая первый этажъ собора, заключаемъ по грамотѣ, что помѣщеніе *a* называлось трапезной; въ ней находятся два столба, приходящіеся подъ пилонами *в*, *в* второго этажа **). Изъ трапезной ведутъ въ самую церковь три входа, изъ кото-

*) *б* нынѣ существующая стѣна.

**) Столбы въ трапезной сдѣланы очевидно въ то время, когда надстраивали второй этажъ.

рыхъ два боковые, бывшіе вѣроятно окнами (какъ въ деревянныхъ церквахъ) давали возможность молящимся въ трапезной, слѣдить за отправленіемъ богослуженія. Трапезная и церковь покрыты коробовыми сводами съ распалубками. Сѣверная и южная двери, выходящія въ галлерей, вѣроятно были сдѣланы одновременно съ надстройкой втораго этажа храма.

Съ восточной стороны нижняго этажа церкви примыкають три глубокия абсиды; въ средней изъ нихъ помѣщается главный

алтарь, а въ боковыхъ — небольшіе придѣльцы. Церковь съ трехъ сторонъ опоясана галлереей съ широкими арками.

Во второмъ этажѣ, самая церковь представляетъ собою квадратное помѣщеніе съ двумя столбами, причемъ сводчатое покрытие является здѣсь довольно

смѣлымъ и оригинальнымъ; главный куполь съ сѣверной и южной сторонъ покоится на подпругинахъ, перекинутыхъ со стол-

бовъ на восточную стѣну, а съ другихъ сторонъ лежитъ на поперечныхъ полубочарныхъ сводикахъ, устроенныхъ между подпругными

арками.

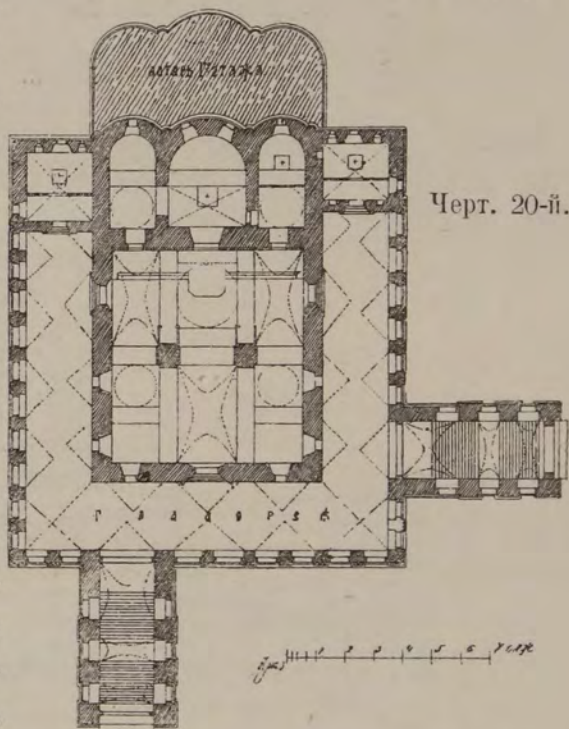
Западные барабаны, также какъ и средній, полые, съ окнами, и покоятся на коробовыхъ сводахъ, имѣющихъ особыя арочки, приходящіяся подъ западными частями барабановъ; восточныя шейки главъ выходятъ въ боковые алтари и покоятся на стѣнахъ и вспомогательныхъ арочкахъ. Конечно, если-бы квадратное помѣщеніе церкви раздѣлялось четырьмя столбами, то устройство сводовъ значительно-бы упростилось; но тутъ, видимо, было желаніе по возможности не стѣснять (при старыхъ нижнихъ стѣнахъ) верхнее помѣщеніе церкви и сдѣлать болѣе грандіозное впечатлѣніе внутренностью. И такъ какъ устройство одного общаго свода съ большими куполами являлось



Черт. 19.

дѣломъ рискованымъ, то строители прибѣгнули къ устройству двухъ пилоновъ и къ вспомогательнымъ сводикамъ и арочкамъ.

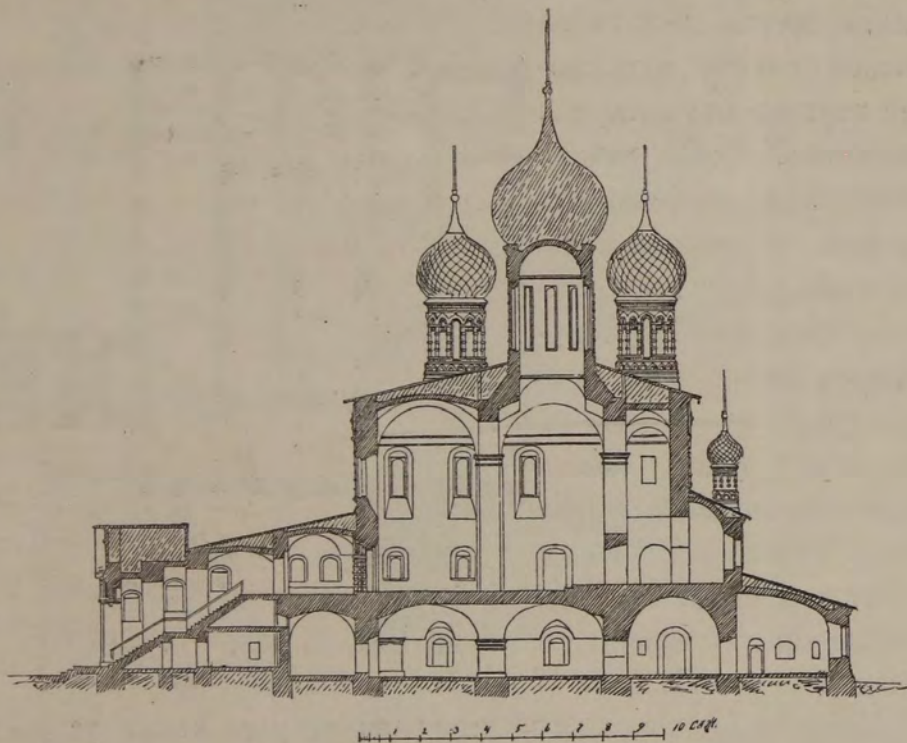
Особеннаго вниманія въ смѣлости постройки 2-го этажа (скомбинированнаго въ малой зависимости отъ нижняго) заслуживаетъ то обстоятельство, что весь грузъ поперечныхъ стѣнъ средней абсиды и восточной наружной стѣны, лежащей на абсидныхъ аркахъ, цѣликомъ переходитъ на коробовой сводъ нижняго этажа самой церкви (черт. 21-й); мало того, алтарныя полукружія верхней церкви только частью лежатъ на нижней стѣнѣ, отдѣляющей церковь отъ алтаря и придѣловъ. Такая смѣлая конструкція, устойчивость которой и теперь, по истеченіи болѣе двухъ вѣковъ, нисколько не нарушилась, даетъ намъ полное право заключить не только о большихъ познаніяхъ въ технику прежнихъ строителей, но и о замѣчательныхъ качествахъ употребленнаго на постройку матеріала.



Боковые прямоугольные придѣлы втораго этажа устроены на столбахъ нижней галлерей и покрыты сомкнутыми сводами, а съ фасада увѣнчаны каждый одной главкой. Размѣры ихъ не равны, что вѣроятно вызвано неправильностью разбивки арокъ нижней галлерей. Придѣлы раздѣляются невысокими иконостасами — собственно на алтарь и еще на небольшую часть, служащую клиросомъ и солеей. Молящіеся, по крайне малымъ размѣрамъ этихъ помѣщеній, во время богослуженій видимо становились въ галлерейхъ. По фасаду два придѣла нѣсколько различны, изъ нихъ южный выше и богаче украшенъ. Вообще богатство украшенія храма сосредоточено на

южной сторонѣ и это вѣроятно было вызвано тѣмъ, что южная часть собора выходила на главную улицу.

Вся церковь окаймляется двухъ-этажной галлереей, причемъ надъ каждымъ пролетомъ нижняго этажа приходится въ верхней галлерей по двѣ арочки; каждая изъ нихъ опирается на тройныя колонки, а самый пролетъ граничится импостами съ софитами. Южная сторона галлерей украшена значительно богаче, чѣмъ остальные стороны, т. е. помимо усложненія деталей галлерей розыграна двойными арочками съ серьгами.



Черт. 21-й.

(Табл. I-я). Вся аркатура верхняго этажа разбита крайне неправильно, такъ что одни пролеты являются уже или шире другихъ. Внутренность галлерей покрыта коробовыми сводами съ распалубками. Всѣ стѣны и своды галлерей, а также и самой церкви покрыты фресковой живописью.

Входы въ храмъ, противъ обыкновенія, расположены не по осямъ церкви, а съ боковъ, и притомъ ихъ сдѣлано не три, какъ бывало въ большихъ храмахъ, а только два, и это чуть-ли

ВОСТОЧНАЯ СТОРОНА.



Фототипія Евг. Гофферъ. С.-Петербургъ. Мѣщанская 19.

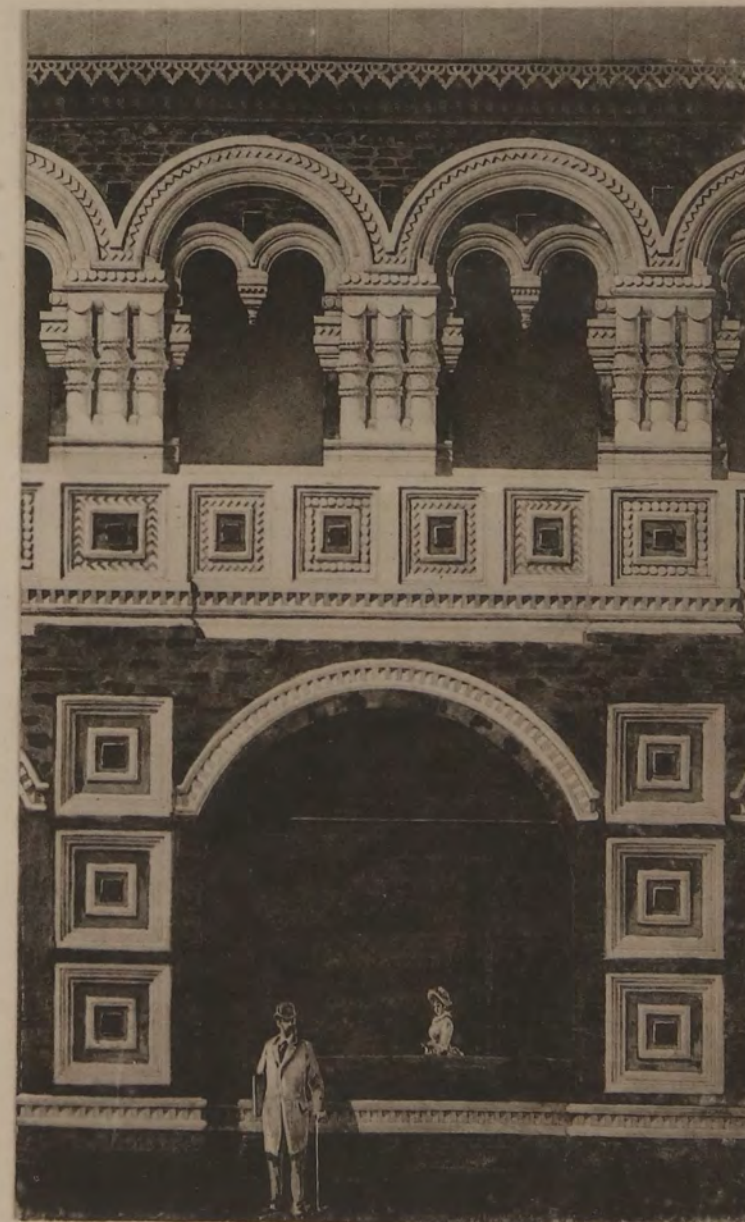


Табл. I.

не единственный примѣръ. Крыльца обыкновенно помѣщались противъ входовъ въ самую церковь и такъ какъ эти входы закрывались глухими дверями, то внутренность храма для входящихъ была всегда скрытою. Въ данномъ же случаѣ вѣроятно имѣлось въ виду, чтобы входящимъ въ церковь или проходящимъ мимо можно было бы видѣть не только чудотворную икону Спасителя, приходящуюся противъ западнаго входа, но и самую внутренность церкви. Поэтому строители отодвинули крыльца въ сторону отъ срединъ храма и противъ нихъ сдѣлали богатые окна въ самую церковь.

Нижніе бока лѣстницъ и крайнія арочки ихъ съ фасада недавно заложены. Первоначальное покрытие крылецъ было деревянное—надъ западнымъ входомъ въ видѣ бочки (формой нѣсколько приземистѣе настоящей), а надъ южнымъ — въ видѣ фронтона. Это можно заключить по сохранившимся валикамъ на ихъ фасадахъ и по каменной надкладкѣ сверху валиковъ.

Появленіе именно только двухъ входовъ, по рассказамъ жителей, вызвано тѣмъ, что строителей было двое и каждый изъ нихъ желалъ увѣковѣчить свою память отдѣльнымъ входомъ.

Главный четырехугольникъ церкви втораго этажа устроенъ въ два свѣта, причемъ нижнія окна, выходяція въ галерею, украшены (разнаго рисунка) наличниками и покрыты фресковой орнаментаціей. Порталы также чрезвычайно красивы и разнообразны по мотивамъ. Они состоятъ изъ ряда уступающихъ полуколоннъ и четвертей, на которыя опираются богато украшенные архивольты. Детали колоннъ и фресковые орнаменты на порталахъ представляютъ собою необыкновенное богатство и гармонію красокъ; цвѣта употреблены красный, голубой, желтый, зеленый и кирпичный.

Снаружи всѣ четыре стѣны главнаго четырехугольника церкви декорированы различно. Болѣе правильную разбивку украшеній имѣютъ западная и восточная стороны. Украшенія же на другихъ стѣнахъ чрезвычайно не симметричны, въ особенности на южной, гдѣ окна, тройныя колонны, верхнія полукружія

и оси куполовъ вовсе не отвѣчаютъ другъ другу *). Желая же однако отвлечь глазъ зрителя отъ такой неправильной разбивки, строители заполнили всю южную стѣну массой промежуточныхъ колонокъ; а верхи стѣнъ украсили живописью, чѣмъ достигли того, что вся эта несимметричность теряется въ пестротѣ украшеній и нисколько не рѣжетъ глазъ.

Наружные углы главнаго четырехугольника церкви украшены каждый пятью колонками, изъ нихъ угловыя значительно толще, и вслѣдствіе этого угламъ придана извѣстная солидность, которую мы не всегда встрѣчаемъ въ другихъ церквахъ.

Къ особенностямъ храма можно отнести также его двухъ-этажную богато росписанную обширную галлерею и весьма преобладающее убранство всего южнаго фасада.

Наличники наружныхъ оконъ довольно характерны; вверху они заканчиваются двойнымъ и тройнымъ подраздѣленіемъ кокошниковъ, врѣзающихся въ главный карнизъ.

Церковь въ настоящее время покрыта четырехскатной крышей, но это, безъ сомнѣнія, позднѣйшая передѣлка. Судя же по верхнимъ полукружіямъ, кувшинообразнымъ подставкамъ и новой надкладкѣ надъ ними, а также по сохранившимся кокошникамъ на самомъ барабанѣ, приходящимся подъ крышей, и по стропильнымъ гнѣздамъ ниже этихъ кокошниковъ въ барабанахъ, можно безошибочно сказать, что крыша имѣла совсѣмъ другую форму, т. е. она шла по полукружіямъ и окаймляла барабаны гораздо ниже. На табл. II-й представленъ проектъ реставраціи собора, гдѣ покрытіе его, на основаніи добытыхъ мною данныхъ, показано именно въ первоначальномъ видѣ. Форма главъ, по рассказамъ мѣстныхъ жителей, была нѣсколько другая.

Церковь построена изъ лекальнаго кирпича, при выдѣлкѣ котораго, говорятъ, примѣшивали ржаную муку и кровь скота. Кладка производилась на цементованной извести и въ настоящее время настолько крѣпка, что представляетъ одну неразрывную массу съ кирпичемъ.

*) Этому конечно немало способствовали существовавшія стѣны древней церкви, на которыхъ построенъ второй этажъ.

видъ съ сѣверо-восточной стороны.



Фототипія Евг. Гофферсъ. С.-Петербургъ. Мѣщанская 19.

Табл. II.

Что касается детальных украшеній, то преобладающимъ мотивомъ являются формы аналогичныя съ украшеніями деревянныхъ церковныхъ построекъ (напр., съ украшеніями окна Черевковской церкви Сольвычегодскаго уѣзда, — въ статьѣ о деревянныхъ церквахъ сѣверныхъ окраинъ Россіи). Украшенія лекальнаго кирпича состоятъ изъ квадратовъ, круговъ, ромбовъ, витыхъ валиковъ и т. п. Въ квадратахъ или ширинкахъ, которыми украшена нижняя галлерей, входы и др. части церкви, вставлены изразцы (частью не покрытые глазурью) прекрасной работы; но, къ сожалѣнію, въ настоящее время они закрашены. Изображенія, находящіяся на изразцахъ, представляютъ собою всевозможные мотивы розетокъ, крестиковъ, различныхъ птицъ, двуглавыхъ орловъ и даже цѣлыя сцены, какъ напр., осада города и проч.

Ознакомившись съ художественной и конструктивной стороною Борисоглѣбскаго собора, намъ остается отбросить позднѣйшія его передѣлки и представить его первоначальный видъ.

На основаніи отысканныхъ мною данныхъ, я попытался сдѣлать проектъ его реставраціи, въ которомъ показалъ только первоначальное покрытіе церкви и древнее устройство наружныхъ лѣстницъ.

Въ заключеніе нельзя не высказать, что строители этого собора несомнѣнно имѣли большое желаніе пробудить въ зрителѣ на этотъ храмъ не только эстетическое наслажденіе, но и религіозное. И дѣйствительно, если громадность собора, его богатство наружныхъ украшеній не производятъ сильнаго впечатлѣнія, то уже во всякомъ случаѣ входящій по лѣстницамъ храма невольно переживаетъ всѣ чувства религіозности и духовнаго спокойствія. Его поражаетъ не только перспектива открывающейся передъ нимъ галлерей съ ея богатоукрашенными порталами, расписными окнами, съ ея, наконецъ, безчисленными изображеніями сценъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, но и самая внутренность храма, видимая сквозъ цвѣтныя стекла оконъ, расположенныхъ прямо противъ входовъ. Здѣсь нѣтъ эффектовъ, здѣсь все спокойно, и васъ невольно чаруетъ родное творчество и уноситъ въ какой-то плѣнительный міръ былой жизни народа.

Такимъ образомъ всѣ особенности этого памятника, т. е. смѣлая конструкція въ отношеніи передачи давленій, расположеніе входовъ, рассчитанныхъ на впечатлѣніе, двухъ-этажная галлерей, богатство южнаго фасада, разнообразіе мотивовъ, его громадность, — все это самобытное, вмѣстѣ слитое въ одно гармоничное цѣлое, ярко характеризуетъ нашу лучшую эпоху зодчества и теперь, переживъ двухвѣковое гоненіе, призвало науку и забилося новою національною жизнью.

